

А 127
38

801-17
1069

В Ѣ Н О К Ъ

НА МОГИЛУ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ТАВРИЧЕСКАГО.

Собраніе воспоминаній о немъ съ приложеніемъ избран-
ныхъ проповѣдей.

МОСКВА.

Въ типографіи М. П. Захарова.

1864.

о г л а в л е н і е.

Послужной списокъ Иннокентія, Архієпископа Херсонско-Таврическаго.	4—8
Пастырская и ученая дѣятельность Высокопреосвященнаго Иннокентія. (И. И. Давыдова).	8—19
Біографическія записки о Высокопреосвященномъ Иннокентіѣ. (Преосвященнаго Макарія, Епископа Тамбовскаго).	19—39
Послѣдняя поездка въ Крымъ и послѣдніе дни жизни покойнаго Высокопреосвященнаго Архієпископа Иннокентія. (Протоіерея Логиновскаго)	39—63
Кончина Иннокентія (М. П. Погодина)	63—68
Воспоминанія о Высокопреосвященномъ Иннокентіѣ. (Іеромонаха Іоасафа).	68—85
Дополненія къ воспоминаніямъ о покойномъ Высокопреосвященномъ Иннокентіѣ. (Его же).	85—105
И моя вѣтвь въ лавровый вѣнокъ безсмертія—незабвенному Архипастырю, Высокопреосвященному Иннокентію Борзеву, бывшему Архієпископу Харьковскому и Ахтырскому. (Протоіерея Г.)	105—118
Отрывки изъ писемъ о Высокопреосвященномъ Иннокентіѣ. (О. В.)	118—131
Рѣчь, сказанная священникомъ Екатеринбургскаго кафедральнаго собора Филаретомъ Зубаревымъ, 26 Ноября, 1853 года, въ день тезоименитства Пр. Иннокентія (на-обѣдѣ данномъ по этому случаю съиномъ Ширелевымъ).	131—133

Дозволено цензурой. Москва, Марта 14 дня, 1864 г.

82659-0

2012401353

КНИГА ИМЕЕТ

Листы печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №№	№№ списка и порядков.	200
								04
								480
								16

ты . 134—140
тово 140—151
.. 151—159
.. 159—166

о г л а в л е н і е.

Послужной списокъ Иннокентія, Архієпископа Херсоно-Таврическаго.	4—8
Пастырская и учная дѣятельность Высокопреосвященнаго Иннокентія. (И. И. Давыдова).	8—19
Біографическія записки о Высокопреосвященномъ Иннокентіѣ. (Преосвященнаго Макарія, Епископа Тамбовскаго).	19—39
Послѣдняя поездка въ Крымъ и послѣдніе дни жизни покойнаго Высокопреосвященнаго Архієпископа Иннокентія. (Протоіерея Логиновскаго)	39—63
Кончина Иннокентія (М. П. Ногодина)	63—68
Воспоминанія о Высокопреосвященномъ Иннокентіѣ. (Іеромонаха Іоасафа)	68—85
Дополненія къ воспоминаніямъ о покойномъ Высокопреосвященномъ Иннокентіѣ. (Его же).	85—105
И моя вѣтвь въ лавровый вѣнокъ безсмертія—незабвенному Архипастырю, Высокопреосвященному Иннокентію Борису, бывшему Архієпископу Харьковскому и Ахтырскому. (Протоіерея Г.)	105—118
Отрывки изъ писемъ о Высокопреосвященномъ Иннокентіѣ. (О. В.)	118—131
Рѣчь, сказанная священникомъ Екатеринбургскаго кафедральнаго собора Филаретомъ Зубаревымъ, 26 Ноября, 1853 года, въ день тезоименитства Пр. Иннокентія (на-обѣдѣ данномъ по этому случаю слѣдцомъ Шпривымъ)	131—133

*Избранныя слова Высокопреосвященнаго Иннокентія,
изъ произнесенныхъ въ Кіевѣ, Вологдѣ, Харьковѣ, Одессѣ и
Петербургѣ.*

Слово въ день Благовѣщенія Пречистыя Богородицы	134—140
Бесѣда на всеночномъ бѣднѣ подѣ Рождество Христово	140—151
Слово въ день Срътенія Господня	151—159
Слово на Страсти Господни	159—166

Дозволено

Слово въ Великій Пятокъ	166—172
Слово въ среду Святой недѣли	172—185
Слово въ день Пятидесятницы на всенощномъ бдѣнн	185—193
Слово въ день Вознесенія Господня	193—201
Слово въ навечеріе Нового года	201—207
Слово на Новый годъ	207—218
Слово огласительное въ недѣлю Сыропустную	218—225
Слово огласительное въ недѣлю Сыропустную	226—232
Слово во вторникъ 1 недѣли поста	233—238
Слово въ пятокъ 6 недѣли великаго поста	239—242
Слово въ великую субботу	243—245
Слово въ среду 5 недѣли великаго поста	246—251
Слово въ Тотемской церкви, что на соленомъ заводѣ	252—258
Слово въ день открытія Святогорскаго Монастыря	258—264
Слово въ великую субботу, во время бомбардированія Одессы	265—268

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

ИННОКЕНТІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНО-ТАВРИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ.

Святѣйшаго Правительствующаго Синода Членъ, Иннокентій, Архіепископъ Херсонской епархіи, — Почетный Членъ Императорской Россійской, Московской, С.-Петербургской, Кіевской и Казанской Духовныхъ Академій, Императорскихъ: Московскаго, С.-Петербургскаго и Харьковскаго Университетовъ, Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, Вольнаго Экономическаго Общества, Императорскихъ: Археологическаго и Русскаго Географическаго Обществъ, и Ординарный Академикъ Императорской Академіи Наукъ. 57 лѣтъ. Имѣетъ ордена: Св. Александра Невскаго, Св. Владимира 2-й степ., Св. Анны 1-й степ., Греческаго Королевства Спасителя 1-й степени.

Родился Орловской губерніи въ городѣ Ельцѣ; сынъ Священника Борисова. Въ міръ назывался: Иванъ Борисовъ.

Обучался сперва въ Воронежскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ Орловской Семинаріи всѣмъ преподаваемымъ въ оной наукамъ, и за тѣмъ въ Кіевской Духовной Академіи, и въ 1823 году окончилъ курсъ наукъ со степенью Магистра.

Определенъ Профессоромъ Церковной Исторіи и Греческаго языка въ С.-Петербургскую Духовную Семинарію и Инспекторомъ оной, 1823 года Августа 28.

Определенъ Ректоромъ Александровскихъ духовныхъ училищъ, 1823 года Ноября 15.

Постриженъ въ монашество, 1823 года Декабря 10.

Посвященъ во Иеродіакона, 1823 года Декабря 10.

Посвященъ во Иеромонаха, 1823 года Декабря 29.

За усердіе и успѣхи по службѣ причисленъ къ Соборнымъ Иеромонахамъ Свято-Троицкой Александровской Лавры, 1824 года Октября 16.

Переведенъ Баккалавромъ Богословскихъ наукъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, 1824 года Декабря 16.

За ревностное и дѣятельное исполненіе должностей награжденъ единовременно 500 руб., 1825 года Августа 26.

Определенъ Инспекторомъ С.-Петербургской Духовной Академіи и Членомъ вѣщнаго Академическаго Правленія, 1825 года Сентября 2.

Утвержденъ Дѣйствительнымъ Членомъ Академической Конференціи, 1825 года Сентября 24.

За отличное преподаваніе Богословскихъ уроковъ возведенъ въ званіе Экстра-Ординарнаго Профессора Богословскихъ наукъ, 1826 года Генваря 6.

За отлично-усердную службу по Академіи возведенъ въ санъ Архимандрита безъ Настоятельной вакансіи, съ присвоеніемъ лично степени 3-го класса, 1826 года Марта 16.

По назначенію Комисіи духовныхъ училищъ обозрѣвалъ Новгородскую и Тверскую Семинаріи съ подѣлствомъ и инспекціей училищами, 1826 года Юня 10; за что Всемилостивѣйше пожалованъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями, 1827 года Генваря 29.

Определенъ Членомъ Ценсурнаго Комитета при Академіи, 1827 года Мая 9.

По назначенію Комисіи духовныхъ училищъ обозрѣвалъ въ качествѣ ревизора С.-Петербургскую Семинарію, за что изъявлена ему отъ Комисіи признательность, 1827 года Мая 10.

Обозрѣвалъ Смоленскую и Могилевскую Семинаріи, за что объявлена ему благодарность, 1828 года Юля 25.

Определенъ Членомъ вновь-образованнаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ, 1828 года Сентября 12.

За отлично-усердную службу награжденъ единовременно 1000 руб., 1828 года Октября 5.

По представленію Академической Конференціи, за разные сочиненія, преимущественно Историко-Богословскаго содержанія, утвержденъ Комисіею духовныхъ училищъ Докторомъ православнаго Богословія и получилъ докторскій наперстный крестъ, 1829 года Сентября 3.

За ученые труды и заслуги Всемилостивѣйше соизволенъ къ ордену Св. Анны 2-й степ. Императорскою Короною украшенному, 1829 года Октября 12.

Назначенъ ревизоромъ, для обозрѣнія Архангельской Семинаріи, а равно лежащихъ на пути училищъ Олопецкой епархіи, 1830 года Юля 10.

Определенъ въ Кіевскую Духовную Академію Ректоромъ и Богословскихъ наукъ Профессоромъ, Августа 27.

Въ то же время, по званію Ректора, присутствовалъ въ Кіевской Духовной Консисторіи, 1836 года Октября 3.

За ревностное и дѣятельное исправленіе прежнихъ, по С.-Петербургской Академіи, должностей награжденъ единовременно 1000 руб., 1830 года Сентября 3.

Назначенъ настоятелемъ Кіевобратскаго второкласнаго училищнаго монастыря, Октября 24.

За труды, понесенные имъ въ бытность Членомъ Коммисіи, учрежденной для повѣрки отчетовъ при Санктъ-Петербургской Семинаріи съ 1809 по 1826 годъ изъявлена благодарность начальства, 1832 года Февраля 6.

По порученію Коммисіи духовныхъ училищъ, обозрѣвалъ въ качествѣ ревизора Кіевскую Духовную Семинарію, за что изъявлена ему благодарность, 1833 года Маія 4.

За особенную попечительность объ успѣшномъ образованіи воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Владиміра 3 степ., 1835 года Апрѣля 3.

За отличные по Академіи труды и ученыя заслуги, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, присвоена ему лично степень Архимандрита первокласснаго монастыря и дано первостепеніе предъ всеми прочими Архимандритами первоклассныхъ монастырей, находящихся по вѣдомству Кіевского учебнаго округа, 1836 года Января 27.

По предписанію Коммисіи Духовныхъ училищъ, отправленъ былъ, въ качествѣ ревизора, для обозрѣнія духовно-учебныхъ заведеній Кіевского округа, преимущественно же Волинской, Кишиневской и Воронежской Семинарій, Маія 19.

По именному Его Императорскаго Величества указу, данному Святѣйшему Правительствующему Синоду, Всемилостивѣйше повелѣно быть ему Викаріемъ Кіевской епархіи, съ саномъ Епископа Чигиринскаго, съ управленіемъ Кіевскимъ Злато-Верхо-Михайловскимъ монастыремъ и съ оставленіемъ за нимъ должности Ректора Кіевской Академіи, 1836 года Октября 3.

Во Епископа хиротонисанъ въ Санктъ-Петербургѣ въ Казанскомъ Соборѣ, Ноября 21.

Былъ председателемъ временнаго Комитета для раздачи бѣднымъ по Кіеву суммы, пожалованной Государемъ Наслѣдникомъ, при посѣщеніи Кіева, 1837 года Октября 12.

За служеніе, ознаменованное вообще отличнымъ достоинствомъ и въ особенности пользою въ управленіи Духовною Академію и за назидательное употребленіе дара слова Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны 1-й степени, 1839 года Марта 26.

За отличное по всѣмъ частямъ благоустройство Кіевской Академіи, найденное ревизовавшимъ ее Пресвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ, изъявлена ему признательность Святѣйшаго Синода, Апрѣля 12.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, Всемилостивѣйше повелѣно быть ему Епископомъ Вологодской епархіи, 1840 года Марта 1.

Высочайше утверждень Вице-Президентомъ Вологодскаго тюремнаго комитета съ управленіемъ дѣлами онаго, Маія 31.

Получилъ признательность Святѣйшаго Синода за особую попечительность о благѣ своей паствы, 1840 года Декабря 29.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, переведень на епархію Харьковскую съ оставленіемъ при той степени въ Іерархіи, кою дотолъ пользовался, 31.

По представленію Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайше утверждень Ординарнымъ Академикомъ Императорской Академіи Наукъ, по 2-му ся отдѣленію, 1841 года Октября 19.

По порученію Святѣйшаго Синода обозрѣвалъ Харьковскую Семинарію съ находящимися при ней училищами, 1843 года Юля 25.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, за отличное управленіе епархіею возведенъ лично въ санъ Архіепископа, 1845 года Апрѣля 15.

По Высочайшему повелѣнію вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, 1847 года Апрѣля 1.

По Высочайшему повелѣнію переведенъ на епархію Херсонскую, 1848 года Февраля 24.

За отличное служеніе церкви и отечеству и въ особенности назидательное дѣйствованіе на сердца вѣряемыхъ духовныхъ пастей назидательнымъ проповѣданіемъ слова Божія, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Владимира 2-й степени, Апрѣля 11.

По Высочайшему разрѣшенію, за разстройство здоровья, возвратился въ свою епархію, 1849 года.

Получилъ Всемилостивѣйшее соизволеніе на ношеніе ордена Греческаго Королевства Спасителя 1-й степени, 1851 года Марта 29.

По Высочайшему повелѣнію вызванъ снова въ Санкт-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, но за болѣзнію не могъ сдѣлать сего, почему слѣдованіе отерочено сначала до Августа, потомъ до Сентября мѣсяца, 1852 года Августа 3.

За отличное и достойное пастырское служеніе церкви, всегда украшающееся назидательными для паствы трудами и просвѣщенною заботливостію о благѣ и преемственно вѣряемыхъ епархій и новыя опыты сей полезной духовной дѣятельности, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Александра Невского, 1853 года Апрѣля 19.

По порученію Святѣйшаго Синода на обратномъ пути въ Одессу, обозрѣвалъ Екатеринославскую Семинарію съ находящимися при ней училищами, Мая 19.

Въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія къ доблестному служенію Церкви и Отечеству, оказанному во время бомбардированія непріателемъ г. Одессы, 10 Апрѣля 1854 г., Всемилостивѣйше пожалованъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукъ, 1854 года Іюля 23.

За пастырскую заботливость о временныхъ воннахъ, пролившихъ кровь за Вѣру, Царя и Отечество въ Крыму, изъявлена Святѣйшимъ Синодомъ признательность, Декабря 10.

Получилъ благодарственный Рескриптъ отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны за особенное пастырское участіе въ благоустроеніи Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія о раненныхъ въ Крыму воннахъ, 1855 года Апрѣля 30.

По представленію Главнокомандующаго Князя Горчакова, получена чрезъ Военнаго Министра Высочайшая благодарность за посѣщеніе Севастополя и Богослуженіе въ немъ во время бомбардированія его непріателемъ, Іюля 15.

Въ память бомбардированія города Севастополя имѣть серебряную медаль на Георгіевской лентѣ.

За пожертвованіе въ Бериславскій военно-временный госпиталь 2-хъ пуд. сахару и 4-хъ фунт. чаю въ пользу больныхъ и раненныхъ воиновъ объявлена Монаршая благодарность, 1855 года Ноября 10.

Въ память минувшей войны 1853—1856 годовъ имѣть наперстный бронзовый крестъ на Владимирской лентѣ.

За просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова къ наставленію душъ мирныхъ христіанскихъ добродѣтелямъ, а въ минувшіе два года утѣчанное достохвальными подвигами самоотверженія въ назиданіе и укрѣпленіе паствы среди ужасовъ жестокой брани, Всемилостивѣйше возведенъ въ званіе Члена Святѣйшаго Правительствующаго Синода, 1856 года Августа 26.

Умеръ, 1857 года Мая 26.

ПАСТЫРСКАЯ И УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ.

ИЗЪ ОТЧЕТА

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

представленнаго Предсѣдателемъ, Академикомъ
И. И. Давыдовымъ.

...Въ нынѣшнемъ году, 26 Мая, окончилъ земное поприще въ Одессѣ Высокопреосвященный *Иннокентій*, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій, тогда какъ мы здѣсь, съ духовнымъ наслажденіемъ, еще читали Слово его, произнесенное при гробѣ Фельдмаршала, Свѣтлѣйшаго Князя М. С. Воронцова. И Церковь, и Академія, понесли въ этомъ Архипастырѣ утрату, надолго невознаградимую!

Посвятимъ этой славѣ нашей краткую бесѣду о его пастырской и ученой дѣятельности. Желали бы мы знать о первой юности и времени образованія его, о томъ, что имѣло благотворное вліяніе на развитіе способностей его, о внутрѣшней и домашней жизни, потому что въ людяхъ, свѣдѣемыхъ особыми дарами надѣленныхъ, все поучительно: но, при недостаткѣ подробныхъ свѣдѣній, мы съ сожалѣніемъ должны предоставить это будущему его біографу. Теперь взглянемъ на то, что виднѣлось въ дѣлахъ его, и послушаемъ его собственнаго слова.

Покойный сочленъ нашъ, Архіепископъ *Иннокентій*, въ мірѣ Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, родился Орловской губерніи въ г. Ельцѣ, въ 1800 г. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ тамошней Семинаріи, вышшее въ Кіевской Духовной Академіи. Здѣсь почувствовалъ онъ жажду благороднаго соревнованія, въ кругу избранныхъ, даровитыхъ юношей, и со страстію предавался наукамъ. Сочиненія свои, рассказывающія коротко знавшіе его, онъ предварительно обдумывалъ вполне во всѣхъ подробностяхъ, и потомъ писалъ набѣло. Черезъ два-три дня пересматривалъ написанное, и если оно не удовлетворяло его, писалъ другое сочиненіе на ту же тему, иногда и третье, чтобъ представить паставникамъ то, какое самъ считалъ лучшимъ. Всѣ единогласно, профессора и студенты, отдавали ему пальму первенства *)....

Свѣтлый умъ, обширная память, творческое воображеніе, всесторонняя ученость, увлекательное краспорѣчіе, величественный и благолѣпный видъ—всѣ лучшіе дары Неба соединялись въ нашемъ Архипастырѣ. Близкій къ покойному подчиненный **) такъ описываетъ владыку: «Часто однимъ взоромъ и мановеніемъ внушалъ онъ подчиненнымъ безпрекословное повиновеніе, содержалъ ихъ въ порядкѣ и вѣрности долгу. Строгость и благость мудро сорастворялись. Обыкновенно исправлялъ и вразумлялъ онъ виновныхъ, болѣе утешая, нежели наказывая. Будучи самъ великъ и требуя не многого отъ подчиненныхъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма снисходителемъ. Въ немъ совмѣщены были всѣ силы и способности души въ превосходной степени. Это былъ какъ бы нѣкій зиждительный духъ, оживлявшій собою всѣхъ, ободрявшій унылое, возвышавшій низменное, наполнявшій собою весьма многое и удаленіемъ своимъ всегда и вездѣ производившій ощущеніе пустоты».

*) Преосвященный *Макарій*, въ біографической запискѣ объ *Иннокентіи*.

**) Архимандритъ *Серафимъ*, Ректоръ Херсонской Семинаріи, въ надгробномъ словѣ, предъ перенесеніемъ тѣла изъ Крестовой Церкви въ Кафедральный Соборъ.

Управляя духовными паствами, онъ создалъ и благоуукрашалъ храмы Божіи, совершалъ священныя торжества, возстапоявлялъ изъ развалинъ древнія иноческія обители, основывалъ новыя, поддерживалъ и возвышалъ духъ благочестія. Такъ, съ разрѣшенія Святейшаго Синода, учредилъ онъ крестные ходы въ Харьковской и Херсонской епархіяхъ; открылъ Успенскій скитъ на Успенской горѣ подлѣ Бахчисарая, гдѣ уцѣлѣла отъ времени издревле высѣченная въ скалѣ церковь съ изображеніемъ на стѣнѣ чудотворною иконою Божіей Матери. Въ Одессѣ, на берегу моря, устроилъ онъ часовню съ престоломъ во имя всѣхъ Россійскихъ Святыхъ. Въ рѣчн, пропавшей при ея заложениі, Архипастыръ говорилъ: «Море Черное! ты припесло намъ иѣкогда на хребтѣ твоёмъ Крестъ и Евангеліе съ Вѣрою Православною. Зри и радуйся! Се питомцы сея Вѣры, достигшіе въ мужа совершенна, въ тѣру возраста Христова, приходятъ въ ликахъ своихъ цѣлымъ соборомъ вселиться на брегъ твой, да разумѣешь, что сѣмя Вѣры, тобою припесенное, не осталось безъ плода сторичнаго».

Сильно было вліяніе благодушнаго начальника на юныхъ дѣлателей вертограда Господня *)! — Съ рѣдкимъ благородствомъ, съ живымъ и теплымъ сочувствіемъ ободрялъ онъ и направлялъ ихъ на истинный путь ко благу Церкви и къ славѣ Божіей. Сколько заботъ и попеченій его испытали сирые и бѣдные, оставленные на произволъ судьбы! Съ цѣлю одушевить таланты и поощрить къ ученымъ занятіямъ, онъ самъ съ ними трудился. Въ повременномъ изданіи С.-Петербургской Духовной Академіи: Христіанскомъ Читаніи, превосходнымъ памятникомъ еще раннихъ твореній его будутъ служить: *Исторія послѣднихъ дней жизни Иисуса Христа, Жизнь Св. Апостола Павла и Жизнь Священномученика Кипріяна, Епископа Карфагенскаго*. Благотворному содѣй-

*) Христ. Чит. 1857. Авг.

ствію его обязано появленіемъ своимъ *Воскресное Чтеніе*, изданіе Кіевской Академіи. Въ первые годы существованія своего украшалось оно поучительными статьями Преосвященнаго. Извѣстныя *Чтенія о церковной словесности, Бесѣды объ отношеніи Церкви къ прихожанамъ*, составлены подлѣ его руководствомъ и по данному имъ направленію.

Преданный священному дѣлу образованія другихъ, Иннокентій не оставлялъ продолжать и собственное совершенствованіе, особенно на поприщѣ проповѣдничества. Для слушанія его Словъ, которыя произносилъ онъ на память, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ необычайнымъ жаромъ и увлеченіемъ, Словъ умиленныхъ, трогательныхъ, стекались неимѣнная толпы. Имя проповѣдника, поражающаго и приводившаго въ восторгъ слушателей, затмившаго собою всѣхъ проповѣдниковъ, когда-либо бывшихъ въ Кіевѣ, переходило изъ устъ въ уста *).

Сочиненія Иннокентія читаются во всѣхъ концахъ Россіи, и ихъ нельзя довольно почитать. Проповѣдуя о высокихъ истинахъ вѣры, онъ кажется вдохновеннымъ, возноситъ душу и вѣстѣ научаетъ съ совершенною ясностью, потому что высокія истины христіанскія находили въ его сердцѣ живое сочувствіе. Драгоценно для Церкви наследіе, имъ оставленное—каноны и акаѣисты: *Пресвятой Троицѣ, Божественнымъ Страстямъ, Живоносному Гробу и Воскресенію Христову, Покрову Пресвятыя Богородицы, Архангелу Михаилу*. Текстъ и содержаніе акаѣистовъ заимствовалъ Преосвященный, по собственному его сознанію, изъ извѣстнаго Почаевскаго Акаѣистника, но только сокращалъ подлинникъ, очищалъ, усовершенствовалъ въ силѣ.

Изъ проповѣдей Иннокентія можно составить полный годичный кругъ назидательныхъ духовныхъ поученій. Въ нихъ не пересташь удивляться, то глубинѣ мыслей и сближенію

*) Пресвященникъ Макарій въ біограф. запискѣ объ Иннокентіи.

истинъ Священнаго Писанія съ событіями міра и жизнью, то изясненію изложенія, каждому вразумительнаго. Евангельское ученіе передается съ такою простотою, съ такими умилятельными чувствами, что, слышаясь съ этими чувствами, не постигаешь, какъ оно не развилось прежде, при собственномъ чтеніи Евангелія. Исчислимъ эти перлы церковнаго красноречія: *Слова и рѣчи къ пастырь Вологодской; Страстная Седмица и Святая Седмица*, относящаяся ко времени Киевскаго икаріатства; Бесѣды на Святую Четыредесятину; *Бесѣды на Рождество Христова; слова, бесѣды и рѣчи къ Харьковской пастырь; Бесѣды на Великій Постъ*. Всѣ эти душевнательныя поученія — духовная пища православныхъ; они передадутъ отдаленнымъ вѣкамъ незабвенное его имя.

Проповѣдь Преосвященнаго Иннокентія — бесѣды, слова и рѣчи, по весьма вѣрному замѣчанію одного изъ ученыхъ рецензентовъ витин *), представляетъ одно цѣлое: предметъ этой проповѣди — убѣжденіе въ истинѣ жизни Богочеловѣка, Спасителя нашего, о которой напоминаетъ намъ Церковь своими священнодѣйствіями. Самъ проповѣдникъ высказываетъ значеніе своихъ Словъ. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ **), если мы въ мысляхъ, чувствахъ и дѣяніяхъ своихъ будемъ постоянно выражать образъ жизни нашего Господа; то смиримся безъ споровъ, безъ труда заградимъ уста вѣмъ врагамъ Его. Иудей, смотря на насъ, скажетъ тогда: вѣрно въ самомъ дѣлѣ возсталъ Христосъ изъ гроба, а не украденъ учениками, какъ клеветаютъ предки наши; ибо смотри — Онъ живъ въ Христіанахъ!». Этотъ главный и основной предметъ проповѣди Иннокентія особенно проявляется въ трехъ моментахъ бытія Христіанскаго: о жизни, смерти и возрожденіи, заключающихся въ трехъ Седмицахъ его: *Первой Великаго Поста, Страстной и Свѣтлой*.

*) Акад. С. П. Шевырева въ Москвит. 1842 г.

**) Свѣтл. Седм. стр. 17.

Первая Седмица Великаго Поста изображаетъ жизнь нашу, служащую приготовленіемъ къ смерти и къ новой жизни, или возрожденію. Исповѣдь и причащеніе Св. Таинъ, совершаемыя въ эту седмицу, внутренне очищаютъ нашъ духъ. Въ Бесѣдахъ этихъ проповѣдникъ, какъ духовный врачъ, погружаетъ душу нашу въ таинство покаянія, въ значеніе покаянной молитвы. «Въ суды мірскіе, говоритъ онъ, являются, чтобы оправдать себя; въ судилище духовное приходятъ съ тѣмъ, чтобы обвинять себя. Тамъ наибольшую свободу пользуется тотъ, кто наиболѣе успѣлъ доказать свою невинность; здѣсь наибольшее помилованіе тому, кто наиболѣе сознаетъ свою грѣховность».

Въ Страстной Седмицѣ мы у Креста, созерцаемъ распятаго Господа, съ благоговѣніемъ внимаемъ семи словамъ, сказаннымъ со Креста, въ которыхъ выразилась вся жизнь нашего Искупителя. Первымъ словомъ прощены враги; вторымъ преподано утѣшеніе матери и любимому ученику, и тѣмъ исполнены обязанности человѣческія; третьимъ принять въ умирающее сердце кающійся разбойникъ, а въ лицѣ его и все человечество; четвертымъ выражено тѣлесное страданіе распятаго въ мучительномъ томленіи жажды; пятымъ — страданіе духовное, оставленіе отъ Отца. Въ шестомъ словѣ: совершаемая, *воодеждающая* одна личность покажетъ всю широту и всю силу, заключилась вся будущность Христіанства. Въ последнемъ, седьмомъ словѣ, которымъ Сынъ соединился съ Отцемъ, послѣдовало соединеніе съ Нимъ черезъ Сына и всего человечества. Такъ проповѣдникъ, раскрывая намъ всю силу божественныхъ словъ, научаетъ насъ умирать съ Господомъ.

Но вотъ предъ нами и гробъ Христовъ: здѣсь судъ міру. Приидите, вѣщаетъ намъ Спаситель чрезъ Пророка, *приидите и истязались!* Смотрите, что я сдѣлалъ для васъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня, или паче для себя. — Сколько спасительныхъ поученій вышло тутъ изъ устъ проповѣдника! «Хотятъ быть богами, а убѣгаютъ отъ Бога! Не Богъ скрылся

отъ челоѣка, а челоѣкъ скрылся отъ Бога. Первые враги Креста Христова люди, коимъ Богъ — ихъ я. Другаго рода враги Креста тѣ, для коихъ, по выраженію Апостола, Богъ — ихъ *чрево*. Сынъ Божій на Крестѣ: подлинно чудо изъ чудесъ! Спаситель міра въ гробѣ: точно тайна изъ тайнъ! Ты говоришь, что это для тебя непостижимо. А тебѣ говорятъ, что это непостижимо для самихъ Ангеловъ. И зачѣмъ пугаться непостижимаго? Ты удивляешься природѣ и благоговѣешь предъ нею: по все ли ты постигъ въ ней? — Богу, совершенно постижимому, ты пересталъ бы и поклоняться.

Проповѣдь *Свѣтлой* Седмицы исполнена сладостнаго довольства. «Какое великое счастье быть Христіаниномъ, восклицаетъ нашъ духовный витія. Гдѣ столько свѣта и жизни, какъ въ Евангеліи? Одни мы, Христіане, носимъ Крестъ; одни мы празднуемъ и Воскресеніе». Здѣсь объясняется символъ Пасхи, какъ торжества Вѣры, Любви и Надежды.

Внутреннему значенію трехъ Седмицъ соответствуетъ самый слогъ. Первой, говоря словами проповѣдника, приличны не цвѣты краснорѣчія, а *слезы и пепелъ покаянія*. Слово Страстной проникнуто глубокимъ чувствомъ умиленія. Свѣтлая Седмица торжественна и усадительна.

Въ послѣднюю войну нашу съ Турціею, Франціею, Англіею и Сардиніею живительное слово Архипастыря ободряло героевъ-защитниковъ Севастополя подъ оглушительнымъ громомъ и убійственнымъ ядрами непріятельскихъ орудій. Не рѣдко мысль, возбужденная чтеніемъ Евангелія или Апостола при Богослуженіи, влекла витію къ проповѣди — и неожиданно излось поученіе сладостное. *Слово и Ръчей* по случаю напаствія непріятельскаго произнесено имъ двадцать два въ 1854-мъ и пестнацать въ 1855-мъ годахъ. Доводилось знаменитому Пастырю словомъ своимъ утѣшать скорбию паству нѣсколько дней сряду. Такъ въ 1854-мъ году, 8-го Апрѣля, произнесено имъ слово въ Одесскомъ Кафедральномъ соборѣ, при появленіи непріятельскаго флота. На другой день, тамъ же

витія нашъ укрѣплялъ проповѣдью духъ воиновъ и жителей, во время облежанія города врагами. Въ памятный день бомбардированія Одессы соединеннымъ флотомъ Англо-Французскимъ, 10-го Апрѣля, стекшіеся въ храмъ жители успокоены умиловнительною проповѣдью. Они съ Архипастыремъ своимъ встрѣтили слѣдующій день — день Пасхи на литургіи, молились въ тотъ же день и за вечернею. Привѣтствуя слушателей съ Свѣтлымъ Воскресеніемъ, Архипастырь говорилъ: «Вчера спогребохся Тебѣ, Христе; совою днесъ, воскресну Тебѣ! — Какъ ни высокъ смыслъ и какъ ни глубоко значеніе сей священной пѣсни церковной, въ настоящий день цѣлый городъ нашъ можетъ приложить ее къ себѣ, и, ставъ предъ изображеніемъ Воскреснаго Господа, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ сказать: Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совою днесъ, воскресну Тебѣ!»

Съ словомъ утѣшенія явился великій Архипастырь и на полѣ битвы. Въ лагерной Севастопольской церкви, 1855 года 25 Іюня, сказалъ онъ: «По всему лицу земли Русской нѣтъ ни одного сына отечества, который бы въ настоящее время не привиталъ постоянно мыслію своею съ вами, мужественными защитниками Севастополя, который не скорбѣлъ бы вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостію и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, не возможно не приеутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою, и не раздѣлять отъ души всего, что происходитъ съ вами — и радостнаго, и печальнаго».

Этихъ указаній, думаю, достаточно для того, чтобы убадиться въ выше-упомянутомъ началѣ, изъ котораго развились всѣ слова, бесѣды и рѣчи Иннокентія — выраженіи *идеала жизни нашей, образа жизни Спасителя, Его страданія, окончившагося смертію и прославленнаго воскресеніемъ*.

Послѣднее служеніе совершено Архипастыремъ въ Симферополѣ, 23-го Апрѣля истекающаго года. Здѣсь произнесена

витією и послѣдняя проповѣдь о загробной жизни. Взирая на Крестъ, къ подножію котораго повергаются царь и послѣдній рабъ, мудрецъ и простолюдинъ, онъ показываетъ, въ чемъ состоитъ спасеніе: «Главное поле брани для Христіанина есть его сердце. Внѣшніе враги не много значатъ для него, если внутри нѣтъ ятежа.... И противъ сего-то домашняго зла должны быть устремлены всѣ силы и все мужество.... Кто не ведетъ сей внутренней брани, тотъ Христіанинъ по одному имени. Только побѣда надъ самими собою дѣлаетъ насъ истинными Христіанами.... Безъ сего нѣтъ и не можетъ быть спасенія». Какая философія преподастъ болѣе вѣрныхъ и душе-спасительныхъ совѣтовъ для жизни?

Соображая духъ твореній великихъ Святителей Церкви Христовой четвертаго вѣка—Василія, Григорія Назіанзинскаго и Іоанна Златоустаго, убѣждаешься, какъ совершенно усвоилъ проповѣдь ихъ нашъ Архипастырь. Но сердце его наиболее сочувствовало послѣднему: его избралъ онъ своимъ идеаломъ. Въ усладительныхъ и живыхъ Словахъ Іппокентія вѣетъ духъ Святителя Константинопольскаго: и глубина мыслей, и богатство содержанія, и изображеніе величественныхъ картинъ природы, и вмѣстѣ съ тѣмъ одушевленный языкъ, въ словѣ свѣтъ того ослабительнаго солнца, которое горитъ на очаровательномъ небѣ востока—чистая нравственность, украшенная поэзією. Изъ повѣйшихъ проповѣдниковъ нашъ незабвенный Архипастырь предпочиталъ всѣмъ Массильона. Если соединеніе двухъ элементовъ—чувства и воображенія съ глубокимъ размышленіемъ, представляетъ образецъ проповѣди; то духовное краснорѣчіе покойнаго нашего сочлена близко подходитъ къ этому идеалу.

Бывшая Россійская Академія, Императорская Академія Наукъ и разныя ученые Общества почтили литературныя заслуги витіи принятіемъ его въ свои Члены. Проповѣди его переведены на Греческій, Нѣмецкій, Французскій и Польскій языки.

Столь знаменитаго Архипастыря мы лишились,—и когда? Смерть застала его среди трудовъ и подвиговъ во славу Церкви, въ усердномъ служеніи Государю и Отечеству! Еще онъ собиралъ свѣденія для историческаго описанія священныхъ древностей Крыма, для составленія Церковнаго Архива, имѣя въ виду соединить въ немъ всѣ важнѣйшіе письменные памятники, относящіеся къ нашей Церковной Исторіи *). Не успѣлъ онъ совершить и другихъ полезныхъ предначинаній для Церкви и науки; не успѣлъ осуществить и задушевной мысли своей, которую высказывалъ въ бесѣдахъ—мысли, поклониться Гробу Господню, оросить его слезами, облобызать мѣста, запечатлѣнные стопами Божественнаго Спасителя. Изъ Синаферополя возвратился онъ въ Одессу уже больной. Въ предсмертные дни не оставлялъ онъ занятій пастырскихъ и заботъ, слушалъ чтеніе книгъ, преимущественно проповѣдей Митрополита Московскаго Филарета и жизни Митрополита Платона; наканунѣ приказалъ отслужить Вселенскую панихиду и читать канонъ Св. Троицѣ. Кончина доблестнѣйшаго Архипастыря, последовавшая въ тотъ самый день, въ который онъ совершалъ первую литургію въ Одесскомъ Соборѣ, по прибытіи его въ епархію, была мирная и тихая; достойно встрѣтилъ ее Высокопреосвященный, какъ сръталъ и разнообразныя судьбы Божіи въ жизни своей—въ мирѣ души, съ преданностью Провидѣнію. Не тщетно проповѣдывалъ онъ въ ободреніе тѣмъ, которые рѣшились мужественно идти противъ искушеній, служить Богу, искать Его Царствія на землѣ: «Утѣштесь», говорилъ онъ. Время подвиговъ вашихъ сократилось; число искушеній, васъ ожидающихъ, уменьшилось, вы ближе подошли къ мѣсту своего успокоенія, и нѣкоторые изъ васъ, можетъ быть, въ наступающемъ мѣсяцѣ будутъ навсегда разрѣшены отъ узъ плоти и явятся къ Небесному Мздоводителю».

* Препосвященный Макарій въ Біограф. запискѣ объ Іппокентіи.

Печальный обряд погребенія совершили и воздали почившему послѣдній долгъ общей всѣхъ Русскихъ признательности Преосвященные Иринархъ, Архіепископъ Кишиневскій, и Поликарпъ, Викарій Одесскій.

Въ заключеніе бесѣды нашей о пастырской и ученой дѣятельности покойнаго Академика обратимся съ его же словами *) къ Господу и Владыкѣ жизни и судьбъ человѣческихъ, и изліемъ чувства живѣйшей благодарности не только за дарованіе ему столь многихъ и прекрасныхъ талантовъ, но и за то, что, при помощи всемогущей благодати, эти таланты не остались погребенными въ землѣ, а явились во всей силѣ и блескѣ, и употреблены на пользу общую. Вся слава земная остается на землѣ, а въ вѣчность идутъ за человѣкомъ одни дѣла его, по которымъ онъ или осудится, или будетъ помилованъ Судіею живыхъ и мертвыхъ. Созерцая теперь жизнь отшедшаго отъ насъ Сочлена нашего, мы можемъ утѣшиться надеждою, что онъ, по земномъ странствіи, увидитъ въ радость Господа, когда настанетъ день всеобщаго обновленія, когда сѣемое въ тлѣніе возстанетъ въ нетлѣніи, и изъ посяяннаго тѣла душевнаго возникнетъ тѣло духовное, неразрушимое, безболѣзненное, свѣтоносное.

*) Слово при погребеніи Генералъ-Фельдмаршала, Свѣтлѣйшаго Князя М. С. Воронцова, 10 Ноября 1856.

БЮГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИННОКЕНТІИ,

АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКОМЪ И ТАВРИЧЕСКОМЪ.

Ординарнаго Академика, Преосвященнаго Микаііа,
Епископа Тамбовскаго и Шацкаго.

Не стало еще одного изъ великихъ людей нашей эпохи, одного изъ достойнѣйшихъ сыновъ Россіи, изъ доблестныхъ іерарховъ Церкви, изъ знаменитыхъ Членовъ нашей Академіи: не стало Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго!

Въ жизнь этого Святителя, начавшейся вмѣстѣ съ началомъ XIX-го столѣтія, и окончившейся въ истекающемъ году, можно различать три періода: первый—періодъ его собственнаго воспитанія, второй, когда онъ былъ воспитателемъ другихъ въ духовноучебныхъ заведеніяхъ, третій — періодъ его служенія Церкви и отечеству въ санѣ епархіальнаго іерарха

О первомъ періодѣ, хотя болѣе другихъ продолжительномъ, весьма мало извѣстно. Сынъ священника, города Стѣска, Орловской губерніи, Алексія Борисова, Иванъ—такъ названъ былъ Преосвященный Иннокентій при крещеніи—первое образованіе свое получилъ, послѣ дома родительскаго, въ Воронежскомъ Духовномъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ Орловской Семинаріи, находившейся въ Стѣскѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилась въ немъ бойкій, блестящій способъ. Всегда живой и рѣзвый, легко увлекавшійся забавами дѣтства и первой юности, онъ мало предавался трудамъ и занятіямъ, но всегда успѣвалъ въ наукахъ, и часто даже превосходилъ всѣхъ своими успѣхами. Обширная память, пламенная фантазія, необыкновенная быстрота и смѣтливость въ соображеніяхъ рѣзко отличали его отъ сотоварищей. Первые его опыты въ сочиненіяхъ—въ риторическомъ классѣ, первыя разсужденія—въ философскомъ, первыя проповѣди—въ богословскомъ, которыя онъ писалъ вообще очень скоро и съ величайшею легкостію, нерѣдко поражали достоинствами своими не только совоспитанниковъ его, но и наставниковъ. Въ 1819 г., когда Иванъ Борисовъ окончилъ курсъ семинарскаго ученія, послѣдовало преобразование Кіевской Духовной Академіи, и въ нее положено было вызвать лучшихъ студентовъ изъ нѣсколькихъ семинарій для дальнѣйшаго усовершенствованія. Въ числѣ Орловскихъ студентовъ явился въ Кіевъ и Борисовъ. Здѣсь въ кругу избранныхъ, даровитыхъ юношей, при сравненіи себя съ ними, онъ яснѣе началъ понимать себя, цѣнить свои необыкновенные таланты, дорожить ими, почувствовалъ жажду благороднаго соревнованія, и—со страстію, съ увлеченіемъ, предавался наукамъ, такъ что иногда цѣлыя ночи проводилъ за книгой. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ Академіи Борисовъ болѣе самъ образовывалъ себя чрезъ чтеніе, размышленіе и упражненіе въ сочиненіяхъ, нежели чрезъ лекціи наставниковъ, которыя вообще далеко не удовлетворяли его. Читая многія книги отъ начала

до конца, даже цѣлыя системы философовъ, онъ обыкновенно дѣлалъ экстракты изъ прочитаннаго, и такіе экстракты нерѣдко набрасывалъ въ концѣ самыхъ книгъ. Отъ этого происходило, что иногда, по просьбѣ товарищей, онъ раскрывалъ предъ ними ученіе того или другаго философа съ такою ясностію, легкостію и подробностію, что изумлялъ всѣхъ и совершенно затмѣвалъ лекціи профессорскія. Собственныя сочиненія онъ предварительно обдумывалъ вполнѣ во всѣхъ подробностяхъ, и потомъ прямо писалъ набѣло. Чрезъ два, три дня пересматривалъ написанное, и если оно почему-либо не удовлетворяло его, писалъ другое сочиненіе на ту же тему, иногда и третье, чтобы представить наставникамъ то, какое самъ считалъ лучшимъ. Предъ наступленіемъ экзаменовъ бѣгло прочитывалъ классическіе уроки, которыми мало до того занимался, и на экзаменахъ отвѣчалъ такъ, какъ рѣдко кто могъ отвѣчать и изъ прилежнѣйшихъ студентовъ. При началѣ академическаго курса были еще совмѣстники у Борисова, и одинъ изъ нихъ, отлично приготовленный, хотя и менѣе даровитый, студентъ Воронежской семинаріи Ставровъ, занималъ даже въ спискѣ первое мѣсто. Но въ послѣдствіи, особенно съ поступленіемъ въ высшее отдѣленіе Академіи, всѣ единогласно, и профессоры, и студенты, отдавали пальму первенства Борисову, и никто не дерзалъ съ нимъ равняться: самъ бывший его совмѣстникъ обыкновенно говаривалъ, что надобно въ спискѣ на первомъ мѣстѣ писать Борисова, а затѣмъ, оставивъ незанятыми нѣсколько слѣдующихъ мѣстъ, уже на седьмомъ или восьмомъ писать—Ставрова. Въ высшемъ отдѣленіи Борисовъ, конечно, повинувшись внутреннему призванію, болѣе всего занимался составленіемъ и обработкою проповѣдей: четыре изъ нихъ, напечатанныя въ числѣ одиннадцати словъ воспитанниковъ Кіевской Духовной Академіи перваго курса, свидѣтельствуютъ, что онъ хорошо былъ знакомъ съ сочиненіями знаменитаго Французскаго оратора—Массильона и отчасти находился подъ его вліяніемъ, а съ другой стороны

обнаруживаютъ уже въ авторѣ высокое, самобытное дарованіе и предвѣщаютъ въ немъ великаго церковнаго вѣтїю. Таковъ былъ первый воспитанникъ перваго курса нашей древнѣйшей Духовной Академіи, вступившей въ новый періодъ — воспитанникъ, достойно начавшій этотъ лучший періодъ ея жизни!

Въ 1823 г., когда двадцати-трехлѣтній Борисовъ окончилъ курсъ академическаго ученія со степенью магистра, для него открылось новое поприще — поприще наставника и воспитателя другихъ. Въ августъ этого года, онъ опредѣленъ въ С.-Петербургскую Духовную Семинарію Инспекторомъ и Профессоромъ Церковной исторіи и Греческаго языка; но не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ занялъ вмѣстѣ должность Ректора С.-Петербургскаго Александро-Невскаго училища, и здѣсь-то принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Иннокентія, и рукоположенъ во іеродіакона и іеромонаха. Духовное начальство вскорѣ оцѣнило высокія дарованія молодого инока, и указало ему другое, достойнѣйшее назначеніе. 10 Декабря 1824 года отецъ Иннокентій сдѣланъ Баккалавромъ Богословскихъ наукъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, черезъ семь мѣсяцевъ — Инспекторомъ той же Академіи, черезъ четыре — Экстраординарнымъ Профессоромъ Богословскихъ наукъ, а еще черезъ два съ небольшимъ — возведенъ въ санъ Архимандрита (16 Марта 1826). Такое быстрое повышеніе свидѣтельствовало уже о заслугахъ награждаемаго, а еще болѣе о тѣхъ надеждахъ, какія онъ подавалъ. И дѣйствительно Иннокентій не только оправдалъ, но и превзошелъ всѣ ожиданія. Съ необычайнымъ рвеніемъ принялся онъ за трудъ, и скоро, какъ профессоръ, рѣшительно затмилъ своими лекціями сотоварищей и увлекъ студентовъ. Лекціи эти онъ обыкновенно преподавалъ наизусть, съ жаромъ, съ воодушевленіемъ, голосомъ чистымъ и звучнымъ, рѣчью живою, свободною, часто разговорною, но всегда изящною и въ высшей степени общепонятною. Ему выпалъ

жребій изъяснять воспитанникамъ, сперва обличительное Богословіе, потомъ Богословіе основное — тѣ именно изъ Богословскихъ наукъ, которыя наиболѣе позволяютъ простора человеческому разуму, и гдѣ могъ молодой профессоръ обнаружить во всемъ объемѣ блестящія стороны своего таланта и образованія: свѣтлость и нерѣдко оригинальность взгляда на важнѣйшіе вопросы науки, быстроту и проницательность въ соображеніяхъ, непререкаемую діалектику разсудка и близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ не только Богословія, но и философіи на западѣ. Краткія записки по той и другой наукѣ, какія преподавалъ Иннокентій, были потомъ составляемы самими студентами и распространились по семинаріямъ, гдѣ еще доселѣ можно встрѣчать ихъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Изъ этихъ записокъ напечатана только небольшая статья: «Обличеніе неологизма или раціонализма» въ исторіи философіи Архимандрита Гавріила. Заслуживъ славу отличнаго профессора въ стѣнахъ Академіи, Иннокентій въ то же время пріобрѣлъ лестную извѣстность и внѣ Академіи, какъ отличный духовный ораторъ. Тѣ немногія проповѣди, какія произносилъ онъ, по назначенію, въ Александро-Невской Лаврѣ и Казанскомъ соборѣ, всегда привлекали множество слушателей и производили восторгъ. Наконецъ незабвенны заслуги Иннокентія для «Христіанскаго чтенія», доселѣ издающагося при С.-Петербургской Духовной Академіи. Въ 1826 г. этотъ журналъ, по обстоятельствамъ, совсемъ близокъ былъ къ паденію: Иннокентій, съ помощію двухъ достойнѣйшихъ своихъ сотоварищей (Г. П. Навскаго и В. Б. Бажапова), рѣшился поддержать его, и поддержалъ. Онъ началъ помѣщать въ «Христіанскомъ чтеніи» свои проповѣди и нѣкоторыя другія статьи, и мало по малу напечаталъ два обширныхъ своихъ сочиненія: «Жизнь Св. Апостола Павла» и «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», изъ которыхъ особенно послѣднее обратило въ свое время на себя общее вниманіе

и всеми читалось съ наслажденіемъ, такъ что экземпляры «Христіанскаго чтенія» раскупились все. Въ продолженіе шести лѣтъ своего пребыванія въ С.-Петербургской Духовной Академіи, Иннокентій оставилъ въ ней глубокіе, неизгладимые слѣды, и имѣлъ огромное вліяніе на своихъ воспитанниковъ и вообще на состояніе Академіи. Все эти труды его и заслуги не оставались безъ должнаго воздавія: кромѣ неоднократныхъ денежныхъ наградъ, неоднократнаго изъясненія признательности отъ Комисіи Духовныхъ училищъ, онъ удостоился здѣсь получить отъ щедротъ Монаршихъ брилліантовый крестъ и орденъ св. Анны 2-й степени, украшенный Императорскою короною. А за разныя сочиненія, преимущественно историко-богословскаго содержанія, возведенъ (въ 1829 г.) на высшую ученую степень — доктора Богословія.

Въ 1830 г. Иннокентій перемѣщенъ въ Кіевскую Духовную Академію съ званіемъ Ректора и ординарнаго Профессора Богословскихъ наукъ, — и для этой Академіи сдѣлалъ еще болѣе, нежели сколько могъ сдѣлать для С.-Петербургской. При власти, какою былъ облеченъ, при возмужалости своихъ необыкновенныхъ способностей, при особенной любви къ Академіи, нѣкогда его воспитавшей, онъ не только оживилъ ее, — пѣтъ, онъ мало по малу ее преобразовалъ, возвысилъ и подвинулъ далеко впередъ, такъ что десять лѣтъ начальствованія его въ ней справедливо могутъ быть названы самымъ блестящимъ періодомъ ея исторіи. Въ первые курсы свои здѣсь онъ преподавалъ Богословіе основное или религіозистику и Богословіе догматическое, потомъ — Богословіе нравственное; однажды принимался толковать Евангеліе отъ Іоанна. Своими вдохновенными лекціями, особенно по религіозистикѣ и догматикѣ, онъ часто приводилъ слушателей въ изумленіе и восторгъ, такъ что студенты, выходя изъ аудиторіи, не знали какъ и называть своего несравненнаго про-

фессора. Лекціи тогда же записывались нѣкоторыми студентами и быстро распространялись по семинаріямъ для руководства наставникамъ. Трудясь съ величайшею ревностію самъ, онъ умѣлъ возбуждать къ трудамъ и прочимъ профессоровъ Академіи, — и, подъ его магическимъ вліяніемъ, при его нѣрѣдко ближайшемъ руководствѣ, явилось нѣсколько достойнѣйшихъ дѣятелей науки, пріобрѣтшихъ себѣ имя своими сочиненіями, изъ среды, какъ прежнихъ наставниковъ, такъ и новыхъ, которыхъ онъ избралъ и приготовилъ самъ. Понемногу изъ числа первыхъ: Протоіерея І. М. Скворцева, Я. К. Амфитеатрова, В. Н. Карпова, П. С. Авсенева, въ послѣдствіи Архимандрита Θεοφана; изъ числа послѣднихъ: О. Дмитрія Муретова, пинъ Епископа Херсонскаго и Таврическаго, О. М. Новицкаго, І. Г. Михневича и С. С. Гогоцкаго. Все эти люди трудились болѣе всего надъ обработкою своихъ лекцій, и, дѣйствительно, читали ихъ достойно академическихъ аудиторій. Преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ въ Академіи Иннокентій распространилъ: такъ философію, во всея ея объемъ, постоянно излагали три наставника. Другимъ наукамъ онъ старался дать лучшій видъ: это — герменевтику и общительному Богословію. Третьи — всея вновь: именно — еклезіастикѣ и церковное законодѣніе. Для поддержанія энергіи въ преподавателяхъ Иннокентій имѣлъ обычай очень нѣрѣдко посѣщать ихъ лекціи, и во время этихъ посѣщеній, равно какъ во время экзаменовъ, показывалъ изумительную гибкость своего таланта и богатство своихъ разнородныхъ свѣденій; иногда бросалъ на науку или на извѣстныя части ея совершенно новые взгляды, предлагалъ цѣлый рядъ возраженій въ неразрывной связи, на которыя никто не въ состояніи былъ отвѣчать, и вообще говорилъ такъ бойко, красно и вдохновенно, что все невольно его заслушивалось. Отъ того часы экзаменовъ, обыкновенно такіе томительные часы, считались лучшими часами академической жизни. Съ студентами О. Ректоръ обходился всегда ласково,

вѣжливо и благородно; къ недостаткамъ ихъ и простункамъ былъ снисходителенъ, особенно когда простунки эти происходили не отъ злонамеренности, а отъ неосторожности и подобнаго. Онъ умѣлъ угадывать таланты, умѣлъ возбуждать ихъ и поощрять. Больше всего старался развивать мыслительную силу въ студентахъ и требовалъ, чтобы они не заучивали лекцій, а непременно передавали ихъ своими словами. Темы для сочиненій давалъ всегда съ строгою разборчивостію, больше или меньше интересныя, животренещущія, и внимательно слѣдилъ за самыми сочиненіями. Особенное же вниманіе обращалъ на усовершенствованіе студентовъ въ дѣлѣ проповѣдничества: проповѣди ихъ, послѣ рецензій профессорской, непременно перечитывалъ самъ, иногда призывалъ проповѣдника къ себѣ, и цѣлые часы проводилъ съ нимъ въ бесѣдѣ, какъ о его проповѣди, такъ и вообще о дѣлѣ проповѣдническомъ. Желая дать воспитанникамъ всестороннее образованіе, онъ совѣтовалъ имъ не ограничиваться кругомъ наукъ, преподававшихся въ Академіи, а заниматься чтеніемъ и другихъ наукъ, напримѣръ астрономіи, естественной исторіи. Жилыя комнаты и аудиторіи любилъ содержать всегда въ отличной чистотѣ и опрятности, часто поновлялъ и исправлялъ оба академическіе корпуса, насадилъ на академическомъ дворѣ прекрасныя аллеи, усовершенствовалъ больницу, улучшилъ столъ и одѣяніе студентовъ, украсилъ академическую залу портретами знаменитыхъ людей, воспитавшихся въ Академіи, обогатилъ физическій кабинетъ и бібліотеку. Преданный священному дѣлу образованія другихъ, Иннокентій не оставлялъ продолжать и собственное образованіе, особенно на поприщѣ проповѣдничества. Онъ съ усиленнымъ, можно сказать, съ напряженнымъ стараніемъ заботился въ это время больше, нежели когда либо, развить свой необыкновенный ораторскій талантъ, и видимо росъ и совершенствовался въ глазахъ всѣхъ. Кромѣ образцовыхъ, съ величайшимъ тщаніемъ и искусствомъ составленныхъ, проповѣдей, которыя

произносилъ онъ на дни высокотожественныя и праздничныя въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіевопечерской Лаврѣ, онъ написалъ въ это время, съ такою же тщательностію и искусствомъ, весьма много и другихъ проповѣдей, которыя большею частію любилъ говорить въ своемъ училищномъ, Кіево-братскомъ монастырѣ. Для слушанія его Словъ, всегда произносившихся безъ пособія тетради, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ необычайнымъ жаромъ и увлеченіемъ, — Словъ, которыя умиляли, трогали, поражали, восторгали слушателей, стекались неслѣтныя толпы: и имя Иннокентія, какъ затмившаго собою всѣхъ проповѣдниковъ, когда-либо бывшихъ въ Кіевѣ, переходило изъ устъ въ уста. По мѣрѣ того, какъ Слова писались и произносились, онъ не медлил издавать ихъ въ печати, и вскорѣ одни за другими явились его: «Собраніе словъ и бесѣдъ» въ двухъ томахъ, его «Страстная седмица», «Свѣтлая седмица» и «Первая седмица великаго поста». Тѣ, кто были современниками изданія этихъ словъ и особенно седмицъ, тѣ помнятъ, съ какими нетерпѣніемъ, восторгомъ, жадностію читались и перечитывались они людьми всѣхъ сословій отъ самаго высшаго до низшаго, и какъ имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи. Это была если не самая лучшая, по крайней мѣрѣ, самая блестящая пора его славы, какъ проповѣдника. Справедливость требуетъ присовокупить, что о. Ректоръ — Иннокентій отличался тогда чрезвычайною дѣятельностію. За это ручается, кромѣ его лекцій и сочиненій, его собственное признаніе, невольно вырвавшееся: «я удивляюсь», сказалъ онъ однажды студентамъ, «какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете; въ прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю великаго поста я написалъ около 80-ти листовъ».

Въ 1833 г., за отличные ученые труды и заслуги, ему была объявлена благодарность высшаго начальства; въ 1835 г. онъ Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра

3-й степени; въ 1836 г. возведенъ лично на степень Архимандрита первокласснаго монастыря съ правомъ первостоянія предъ всѣми Архимандритами первоклассныхъ монастырей Кіевскаго учебнаго округа,—и въ томъ же году (3 Октября) ему Высочайше повелѣно быть Викаріемъ Кіевской епархіи, Епископомъ Чигиринскимъ. Для принятія рукоположенія во епископа онъ путешествовалъ въ С.-Петербургъ, и въ это-то время, когда онъ находился въ С.-Петербургѣ, онъ избранъ бывшею Императорскою Россійскою Академіею въ ея дѣйствительные члены и произнесъ въ одномъ изъ засѣданій (28 Ноября 1836 г.) извѣстную рѣчь, напечатанную въ «Трудахъ» Академіи. По возвращеніи въ Кіевъ, Преосвященный Иннокентій, хотя оставался Ректоромъ Академіи, но при новыхъ, епархіальныхъ занятіяхъ, долженъ былъ сложить съ себя званіе Профессора Богословскихъ наукъ, и даже переселился изъ Академіи въ Кіево-Михайловскій монастырь, отданный ему въ управленіе. Впрочемъ тѣмъ не менѣе его заботливость объ Академіи и его ученые и литературные труды не прекращались. Онъ часто пріѣзжалъ въ Академію, обходилъ жилыя комнаты воспитанниковъ, любилъ долго бесѣдовать съ ними, присутствовалъ на профессорскихъ лекціяхъ, и иногда даже самъ давалъ по нѣскольку лекцій о важнѣйшихъ предметахъ Христіанскаго Богословія. А главными его занятіями въ то время были два, — возложенныя на него вѣдѣть съ Академіею, по его же предстательству. Разумѣемъ, во-первыхъ, изданіе новаго духовнаго журнала подъ заглавіемъ: «Воскресное чтеніе». Какъ ни тѣсны были предѣлы этого еженедѣльнаго листка, но Преосвященный своими проповѣдями, которыя не переставалъ писать и говорить, своею редакціею и искуснымъ выборомъ прочихъ статей, умѣлъ поставить журналъ съ перваго разу на высокую степень совершенства и приобрѣсть ему многочисленныхъ читателей. Лучшими годами «Воскреснаго чтенія», по признанію всѣхъ, были первые его годы, когда здѣсь дѣйствовалъ Иннокентій.

Другимъ важнымъ занятіемъ его и профессоровъ Академіи было составленіе «Догматическаго сборника» изъ исповѣданій православной вѣры всѣхъ вѣковъ отъ начала Церкви до нынѣ. Исповѣданія отыскивались въ печатныхъ книгахъ и рукописяхъ, переводились съ Греческаго и Латинскаго на Русскій языкъ, а Славянскія и Русскія переписывались въ подлинномъ видѣ, предварялись біографическими свѣдѣніями о писателяхъ и мало по малу составили два огромныхъ тома. Цѣлю «Сборника» предполагалось представить всѣмъ христіанамъ, православнымъ и неправославнымъ, памятникъ православной вѣры, который бы свидѣтельствовалъ, какъ въ продолженіе всѣхъ столѣтій сохранялась она въ православной церкви со всею неизмѣнностію и чистотою, а съ другой стороны—дать богатое пособіе духовнымъ училищамъ для преподаванія новой еще тогда у насъ науки—патристики. Нѣкоторыя изъ статей «Сборника» были напечатаны въ «Воскресномъ Читаніи». Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Кіевѣ Преосвященный Иннокентій помышлялъ заняться начертаніемъ исторіи отечественной Церкви, и хотѣлъ начать съ того, чтобы написать очеркъ современнаго состоянія вѣры въ Греціи, Польшѣ и другихъ Славянскихъ земляхъ предъ началомъ Русской Церкви: одна статья его «о началѣ Христіанства въ Польшѣ» была уже написана и въ послѣдствіи напечатана въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Обстоятельства ли, или что другое, попрепятствовали продолженію важнаго предпріятія. Новые труды Преосвященнаго привлекали на него новыя награды. Въ 1839 году «за служеніе, ознаменовавшее вообще отличнымъ достоинствомъ, и въ особенности, пользою въ управленіи Духовною Академіею, и за назидательное употребленіе дара слова» онъ Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же году «за отличное по всѣмъ частямъ благоустройство Академіи», найденное ревизовавшимъ ее Преосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ Филаретомъ, удо-

стоялся получить признательность Святейшаго Синода. Это было последнее торжественное свидетельство о состояніи Кіевской Академіи, до какого довелъ ее несравненный и всегда незабвенный ея Ректоръ. Мало того, что онъ возвысилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ по внутреннему устройству, онъ возвысилъ ее, въ собственномъ лицѣ, предъ глазами всей Россіи, всѣхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ. Высшіе государственные сановники и іерархи, ученые и литераторы, посѣщавшіе Кіевъ и жившіе въ немъ, охотно посѣщали и Академію, всегда сопровождаемые самимъ Ректоромъ, и съ любовью присутствовали на торжественныхъ академическихъ актахъ. Слава знаменитаго Ректора неизбежно отражалась на вѣтренной ему Академіи и озаряла ее собою.

Насталъ наконецъ для Преосвященнаго Иннокентія третій и послѣдній періодъ его жизни — періодъ служенія Церкви и Отечеству въ санѣ епархіальнаго архіерея. 1 Марта 1840 г. Высочайшимъ указомъ онъ назначенъ во епископа Вологодской епархіи. Не долго суждено было оставаться здѣсь новому Архипастырю: всего девять мѣсяцевъ; но и въ это короткое время онъ успѣлъ обратить заботливое вниманіе на дѣла мѣстной Консисторіи, на улучшение Духовныхъ училищъ, на обновленіе архіерейскаго дома и соборнаго храма, успѣлъ заняться обзоромъ и отчасти собраніемъ Вологодскихъ древностей, составленіемъ своихъ Словъ къ Вологодской паствѣ, издавшихъ въ послѣдствіи, успѣлъ заслужить признательность Святейшаго Синода «за особую попечительность о благѣ своей паствы». 31-го Декабря того же года Преосвященный перемѣщенъ въ епархію Харьковскую. Тутъ служеніе его продолжалось около семи лѣтъ и ознаменовалось весьма важными дѣлами и событіями, каковы въ особенности: учрежденіе торжественнаго крестнаго хода въ Харьковъ по случаю ежегоднаго перенесенія въ городъ изъ Курижскаго монастыря чудотворной иконы Божіей Матери; сооруженіе новаго,

великолѣпнаго зданія для Семинаріи на новомъ видномъ мѣстѣ; возстановленіе двухъ древнихъ мужескихъ обителей — Святогорской и Ахтырской, и открытіе одной новой женской. Литературныя занятія Преосвященнаго текли своимъ обычнымъ порядкомъ, и, кажется, даже усиливались. Имъ постепенно изданы въ отдѣльныхъ книжкахъ: а) О грѣхахъ и его послѣдствіяхъ — бесѣды на св. Четырдесятницу; б) Молитва св. Ефрема Сирина — бесѣды на св. Четырдесятницу; в) Великій Постъ или новыя бесѣды на св. Четырдесятницу; г) Паденіе Адамова — бесѣды на великій постъ; д) Слово и рѣчи къ паствѣ Харьковской; е) Три слова о змѣ. Для объясненія такого обилія и отчасти самаго характера тогдашнихъ проповѣдей Преосвященнаго Иннокентія, считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько словъ изъ его письма къ намъ, писаннаго въ 1847 году. «Жатва многа, необозрима; а дѣла тѣхъ, какъ сами вѣсте, мало и далеко не по жатвѣ. Сіе-то самое и меня, при всѣхъ недосугахъ, заставляетъ печатать по временамъ — именно, что Богъ послалъ, позаботясь много объ отличныхъ достоинствахъ мысли или слога въ печатаемомъ. Ибо изъ многихъ опытовъ, особенно писемъ ко мнѣ со всѣхъ краевъ Россіи, знаю, какъ много вездѣ душъ, жаждущихъ духовнаго чтенія. Какая же бы съ нашей стороны была жестокость — отказывать имъ въ пищѣ, или заставлять долго ждать потому только, что намъ хочется представить этотъ хлѣбъ на серебряномъ подносѣ или съ извѣстными фигурами и проч.»? Тогда же Преосвященный Иннокентій началъ занимать составленіемъ и изданіемъ акаѳистовъ: Страстямъ Господнимъ, Покрову Пресвятыя Богородицы, Живоносному гробу и другихъ. Текстъ и содержаніе для этихъ акаѳистовъ онъ заимствовалъ, по его собственному сознанію, изъ извѣстнаго Западно-Русскаго или Почаевскаго акаѳистника, но только сокращалъ, очищалъ, усовершенствовалъ въ силѣ. Въ 1845 году «за отличное управленіе Харьковскою епархіею» Преосвященный возведенъ лично въ санъ Архіепископа.

скопа, а въ 1847 г. (1-го Апрѣля), по Высочайшему повелѣнію, вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, и распростился навсегда съ паствою Харьковскою.

Во время пребыванія Преосвященнаго Иннокентія въ столицѣ, послѣдовало (24-го Февраля 1848 г.) Высочайшее назначеніе его на епархію Херсоно-Таврическую, и, въ слѣдъ за тѣмъ (11-го Апрѣля), онъ «за отлично-усердное служеніе Церкви и Отечеству, и въ особенности назидательное дѣйствованіе на сердца ввѣренныхъ ему духовныхъ пастей назидательнымъ проповѣданіемъ Слова Божія, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 2-й степени. 29 Мая 1848 г. Преосвященный прибылъ въ Одессу, а на другой день—день сошествія св. Духа совершилъ первую свою торжественную службу и сказалъ первое слово къ новой паствѣ. Жители Одессы толпами стекались внимать и священно-служенію, и проповѣданію своего знаменитаго архипастыря, тѣмъ болѣе, что скоро, какъ знали они, ему надлежало возвратиться для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Этотъ второй годъ пребыванія Преосвященнаго Иннокентія въ сѣверной столицѣ былъ для него крайне неблагопріятенъ: въ немъ, въ первый разъ, обнаружилась здѣсь тяжкая болѣзнь, которая потрясла до основанія всѣ силы его организма,—такъ что хотя понемногу больной оправился, но созналъ необходимость просить Высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ свою епархію. Теплый климатъ, путешествіе по прекраснымъ странамъ обширной епархіи, морскія ванны—нѣсколько поправили здоровье Преосвященнаго, но оно уже никогда вполне не возстановлялось: онъ часто подвергался болѣзнямъ, особенно простудѣ, часто жаловался, и на словахъ и въ письмахъ къ знакомымъ, на свои недуги. Бодрый духъ однакожъ не переставалъ дѣйствовать съ прежнею силою, не смотря на слабость тѣлесной оболочки. Преосвященный

любилъ весьма часто служить и въ Одессѣ, и во время своихъ продолжительныхъ путешествій по епархіи, и почти въ каждую службу говорилъ краткія поученія, простыя, общедоступныя—въ родѣ отеческихъ бесѣдъ, которыя никогда нигдѣ не записывались. Между тѣмъ, своею архинастырскою ревностію и ходатайствомъ, онъ учредилъ въ Одессѣ, какъ прежде и въ Харьковѣ, два торжественныхъ Крестныхъ хода: одинъ—въ день основанія Одессы, другой—въ день ежегоднаго перенесенія въ Одессу Касперовской иконы Божіей Матери; открылъ въ Крыму нѣсколько монашескихъ скитовъ; собралъ въ Одессѣ и помѣстилъ въ особой часовнѣ коніи со всѣхъ чудотворныхъ иконъ, какія только извѣстны въ Россіи; обновилъ Семинарію и архіерейскій домъ, заложилъ и обновилъ множество храмовъ. Слава его, какъ просвѣщеннаго и доблестнаго Архипастыря, живое и благотворное его сочувствіе восточнымъ единовѣрцамъ, его проповѣди, переведенныя на языки—Французскій и Греческій, были причиною того, что онъ почтенъ былъ (1851 г.) отъ Короля Греческаго орденомъ Спасителя 1-й степени.

Въ Маѣ 1852 г. Преосвященный Иннокентій былъ снова вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, но за тяжкою болѣзнію едва могъ въ сентябрѣ отправиться къ мѣсту своего назначенія. Здѣсь ожидала его новая Монаршая награда: «за отличное и достойное пастырское служеніе Церкви, всегда украшающееся назидательными для паствы трудами и просвѣщенною заботливостію о благѣ преемственно ввѣренныхъ епархій, и за новыя опыты сей полезной духовной дѣятельности» онъ Всемилостивѣйше сопричисленъ (19 Апр. 1853 г.) къ ордену св. Александра Невскаго. Возвращеніе Преосвященнаго въ свою епархію послѣдовало незадолго предъ тѣмъ, когда наступила для нея пора самыхъ тяжелыхъ испытаній. И кто не знаетъ, какъ достойно умѣлъ проявить себя незабвенный Архипастырь въ эту грозную, кровавую эпоху? Его геройское,

истинно-христианское мужество и присутствие духа во время облежания и бомбардирования Одессы неприятельским флотом; его торжественныя службы и вдохновенныя рѣчи къ жителямъ Одессы въ эти страшные дни; его рѣчи и напутственныя молебствія воиновъ, отправлявшимся въ Севастополь, сестрамъ Крестовоздвиженской общины, рѣчи при освященіи въ Одессѣ баттарей и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ; его путешествія въ Крымъ, гдѣ старался онъ словомъ вѣры и упованія успокоивать и подкрѣплять злосчастныхъ обитателей страны; его священно-служенія и рѣчи въ самомъ Севастополѣ посреди громовъ войны:—все это озарило имя Иннокентія новою, блистательною славою — славою высокаго патриота и великаго пастыря Церкви, исполненнаго самоотверженія и любви, готоваго положить за свою паству или вмѣстѣ съ нею собственную душу. Рядъ новыхъ наградъ достойному естественно слѣдовалъ за такими подвигами. 10 Апрѣля 1854 г., «въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія къ доблестному служенію его Церкви и Отечеству, оказанному во время бомбардирования неприятелемъ города Одессы», Всемилостивѣйше пожалованъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукъ. 10-го Декабря того же года «за пастырскую заботливость его о раненыхъ воинахъ, проливаемыхъ кровь за Вѣру, Царя и Отечество въ Крыму», изъявлена ему признательность отъ Св. Синода. 30-го Апрѣля 1855 г. «за особенно пастырское ученіе въ благоустроеніи Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія» онъ удостоился получить благодарственный рескриптъ отъ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елены Павловны. 15-го Юля того же года—изъявлена ему Высочайшая благодарность «за посѣщеніе Севастополя и богослуженіе въ немъ во время бомбардирования его неприятелемъ». Наконецъ, 26-го Августа 1856 года, въ незабвенный для Россіи день, Преосвященный Иннокентій «за просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова къ наставленію душъ мирнымъ Христианскимъ добродѣ-

телямъ, а въ минувшіе два года, увѣнчанное достохвальными подвигами самоотверженія въ назиданіе и укрѣпленіе паствы среди ужасовъ жестокой брани»—Всемилостивѣйше возведенъ въ званіе Члена Св. Синода. Серебряная медаль на Георгіевской лентѣ и бронзовый крестъ на Владимирской—въ память минувшей войны — украшали также и его грудь.

Не смотря на всѣ, столько тревожныя обстоятельства послѣднихъ лѣтъ, Преосвященный находилъ время и для ученолитературныхъ занятій. Кромѣ «Собранія словъ и рѣчей по случаю нашествія неприятельскаго», который онъ приготовилъ и издалъ въ двухъ томахъ, онъ оставилъ въ это время еще нѣсколько акаѳистовъ: Пресвятой Троицѣ, Воскресенію Христову, Архангелу Михаилу и проч., пересмотрѣлъ, исправилъ и дополнилъ свое давнее, обширное сочиненіе: «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа», которое нынѣ печатается, собиралъ свѣденія для историческаго описанія священныхъ древностей Крыма, усердно хлопоталъ объ осуществленіи своей давней идеи и программы «Церковнаго архива», имѣя въ виду соединить въ немъ всѣ важнѣйшіе письменные памятники, относящіеся къ нашей Церковной исторіи, и собираясь издавать его на собственный счетъ, «Меня одолѣли археологическіе помыслы—писалъ онъ намъ въ концѣ прошлаго года (отъ 13 Декабря), говоря о всѣхъ этихъ своихъ занятіяхъ—не только всѣ старыя затѣи лѣзутъ въ глаза, поднимаясь изъ архива давняго забвенія, но и новыя предположенія готовы вспорхнуть цѣлымъ стадомъ; только позволь и не притвори дверь». «Я хлопочу теперь—писалъ онъ уже въ нынѣшнемъ году незадолго до своей кончины (отъ 13 Апрѣля)—узнать и провѣдать, нѣтъ ли чего для нашей Церковной исторіи въ патриаршемъ Константинопольскомъ архивѣ: вѣдь по теоріи, тамъ многое должно быть, особенно касательно Крымской іерархіи».... И упомянувъ затѣмъ о примѣчательныхъ древнихъ

обителѣхъ по Анатоліи, присовокуивъ: «мы тамъ уже нашли кое-что для исторіи Крыма».

Среди разнообразныхъ, непрерывныхъ трудовъ, среди новыхъ предпріятій и новыхъ заботъ для блага Церкви и Отечества, текла эта славная, многотрудовая жизнь, и, уже давно подточенная, тихо приближалась къ своему концу. Съ наступленіемъ нынѣшняго года, Преосвященный все чувствовалъ себя хуже и хуже. Но епархіальныя дѣла Крыма, такъ недавно опустошеннаго войною, неудержимо влекли къ себѣ попечительнаго Архипастыря. 17-го Апрѣля вечеромъ онъ отправился изъ Одессы въ путь, и, пробѣжавъ города—Николаевъ, Херсонъ и Перекопъ, 21-го числа служилъ въ Евпаторіи литургію и произнесъ проповѣдь; потомъ 23-го служилъ въ Симферополѣ и произнесъ слово о загробной жизни: то были уже послѣднія его служба и проповѣдь. 26-го числа онъ тяжело заболѣлъ въ Бахчисарайскомъ скиту, 2-го и 3-го Августа исповѣдался и приобщался Св. Христовыхъ таинъ въ Балаклавскомъ монастырѣ, 7-го совершенно больной — отправился обратно въ Одессу, 11-го прибылъ въ нее, а 26-го, въ день сошествія Св. Духа, въ тотъ самый праздникъ, въ который онъ совершилъ некогда первую литургію въ Одесскомъ Соборѣ при вступленіи на епархію, мирно предалъ духъ свой Богу, въ четвертомъ часу утра.

Знаемъ, что время для полнаго и безпристрастнаго суда о покойномъ Преосв. Иннокентіи еще не настало; но не можемъ удержаться, чтобы не высказать здѣсь о немъ, по крайней мѣрѣ, какъ о ученомъ и литераторѣ, нашего частнаго, некрепкаго мнѣнія. Это былъ человѣкъ, въ собственномъ смыслѣ, гениальный: высокій, свѣтлый, пропнцательный умъ, всегда богатое, неисощимое воображеніе, живая и обширѣйшая память, легкая

и быстрая сообразительность, тонкій и правильный вкусъ, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова—все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ покойномъ Іерархѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ, онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе: не однѣ духовныя науки, которыя извѣстны были ему въ совершенствѣ, онъ зналъ, болѣе или менѣе, весьма многія свѣтскія науки, такъ что могъ разсуждать объ нихъ съ специалистами, и нерѣдко своими мѣткими, оригинальными вопросами или отвѣтами поражалъ знатоковъ дѣла. Это былъ образцовый профессоръ: своими вдохновенными импровизаціями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгалъ умы слушателей. Но по самому складу и настроенію своихъ способностей, онъ не произвелъ и не могъ произвести знохи въ наукѣ, которую преподавалъ; онъ не подвинулъ ея впередъ, онъ даже вовсе ея не обработывалъ: лекціи, записанныя со словъ его воспитанниками, можетъ быть, не всегда вѣрно, и доселѣ сохраняющіяся въ рукописяхъ, суть лекціи живыя, легкія, часто обаятельныя; но не показываютъ ни широкаго, ни самостоятельнаго взгляда на цѣлую область науки, не вездѣ запечатлѣны зрѣlostію и основательностію, и вовсе не отличаются богатствомъ положительныхъ свѣденій. Въ лекціяхъ видѣнъ богословъ съ свѣтлымъ, чрезвычайно-гибкимъ, возвышеннымъ умомъ, богословъ—мыслитель; но не видно того, что называется христіанскимъ глубокомысліемъ и богословскою ученостію. Судя по историческимъ сочиненіямъ Иннокентія, онъ могъ быть блестящимъ повѣствователемъ—живописцемъ, отнюдь не ниже Карамзина, но не обладалъ собственно историческимъ талантомъ, не имѣлъ духа исторической критики и вообще всѣхъ тѣхъ свойствъ, какія нынѣ требуются отъ современнаго историка. Нѣтъ, не наука, какъ ни близка она была знаменитому іерарху, а искусство, высокое искусство челоѣческаго слова: вотъ, въ чемъ состояло его истинное призваніе! Онъ былъ не только отличный знатокъ, но и гениальный художникъ отечественнаго слова, какъ свидѣлствуютъ

и свидѣтельствовали—и его печатныя творенія, извѣстныя всей Россіи, и его академическіе уроки, и самыя его домашнія бесѣды. Онъ былъ великій проповѣдникъ, не всегда себѣ равный, но всегда оригинальный и вдохновенный, всегда общедоступный, всегда производившій магическое вліяніе на слушателей, великій не столько въ печатныхъ своихъ проповѣдяхъ, которыя не всѣ могутъ выдерживать строгую критику, сколько тогда, когда онъ произносилъ ихъ; это былъ гениальный ораторъ, именно на кафедрѣ церковной.... Какъ писатель Русскій, Преосвященный Иннокентій, по справедливости, долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи Русской литературы; а какъ проповѣдникъ онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями, не только нашего времени и отечества, но и всѣхъ временъ и народовъ: имя Иннокентія останется бессмертнымъ!

ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ВЪ КРЫМЪ

И ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ПОКОЙНАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХІЕПИСКОПА

ИННОКЕНТІЯ.

Хочу сказать здѣсь только то, что я самъ видѣлъ, самъ слышалъ, или чему самъ былъ свидѣтелемъ.

Епархіальныя дѣла Крыма и въ этомъ году неудержимо влекли къ себѣ попечительнаго Архипастыря. Опустошенная войною Святѣя края, раззоренные монастыри и церкви, нестроенныя кладбища падшихъ во брани воиновъ,—все снова требовало личнаго усмотрѣнія и распоряженія Святительскаго. Кромя того, — пастырская любовь его еще и еще искала молитвеннаго общенія съ тѣми, кому болѣе всѣхъ суждено было испытать тяжкій жребій минувшей войны. Для сего Преосвященный предполагалъ еще въ Великій постъ ѣхать въ Таврію, служить Страстную седмицу въ Симферополѣ, а «Христосъ Воскресе» воспѣть на могилахъ Севастопольскихъ; потомъ обmotрѣть Крымъ до самой Керчи, и затѣмъ, къ проходамъ, опять возвратиться на развалины Севастополя, къ гробамъ славныхъ его защитниковъ. Только множество самыхъ нужныхъ занятій остановило эту раннюю поѣздку, которая, по плану Преосвященнаго, должна была быть началомъ къ дальнѣйшему путешествію его по Херсоно-Таврической епархіи.

По возвращеніи изъ Крыма, онъ предполагалъ заняться внимательно поправленіемъ своего здоровья, которое въ этомъ году, по собственнымъ словамъ его, значительно излѣнилось къ худшему; потомъ съѣздить на Дунай, въ новоустрояемый скитъ Оерапонтіевскій и лично распорядиться тамъ всею; за тѣмъ посѣтить другія мѣста епархій, особенно церкви въ военныхъ поселеніяхъ; и такимъ образомъ, по окончаніи главныхъ епархіальныхъ дѣлъ, свободно слѣдующимъ лѣтомъ отправиться въ давно-желанный путь, на Востокъ, для поклоненія Живоносному Гробу Спасителя.

15 Апрѣля, вечеромъ Его Преосвященство приказалъ мнѣ готовиться въ дорогу: «ѣдемъ въ Крымъ, говорилъ онъ, тамъ у насъ много дѣла, а время дорого. Тебя, вѣдь, ничто особенное не можетъ удержать здѣсь»? Я упомянулъ о дѣлахъ семейныхъ. «Ничего, прервалъ Владыка, Богъ дастъ, все уладится и безъ тебя. Къ тому же у васъ здѣсь родные. Да, мы возвратимся недѣли черезъ три». Тутъ подошла игуменія Архангело-Михайловскаго монастыря съ сестрами. Благословляя ее, Преосвященный сказалъ: «Поручаю васъ Архистратигу Михаилу; Онъ вамъ будетъ заступникъ. Кланяйтесь и снесите мое благословеніе всѣмъ въ обители». Трогательный топъ, съ которымъ говорилъ Архипастырь, извлекъ слезы изъ глазъ настоятельницы. «Съ Богомъ. Прощайте», повторилъ онъ и, вручивъ четки плачущей, быстро удалился въ свои покои.

Наканунъ отъѣзда въ Крымъ, я болѣе часу пробылъ у Его Преосвященства. Онъ особенно благодушествовалъ, вспоминалъ свою службу въ Академіяхъ, объяснял причины поспѣшнаго написанія послѣднихъ дней земной жизни Спасителя и жизни Св. Апостола Павла: «нужно было поддерживать Христіанское чтеніе, говорилъ Владыка; съ Василіемъ Борисовичемъ Божановымъ и Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ дружно взялись мы за дѣло. Тогда-то появились и послѣдніе дни земной жизни Спасителя. И почему они такъ

поправилась всѣмъ, право, не знаю; что въ нихъ такое есть особенное? въ то время на мнѣ лежало столько работы, что, кажется, еслибы еще на одинъ лишній годъ остался я въ Академіи; а бы умеръ. Но меня перевели въ Кіевъ. Здѣсь, хотя такъ же много было работы, но не срочной. И я отдохнулъ, благодареніе Богу... Такъ, братъ, надобно трудиться, да разумно трудиться всѣмъ намъ, не сидѣть даромъ, сложа руки. Тогда-то будетъ польза для церкви». Особенно долго и съ увлеченіемъ говорилъ онъ о предметѣ, — постоянно занимавшемъ его, — о нашемъ Русскомъ крестьянствѣ. Разказавъ кратко исторію его, охарактеризовавъ Русскихъ помѣщиковъ, (здѣсь онъ приложилъ къ нимъ не помню какой-то стихъ поэта Давыдова), и, высказавъ горькое сожалѣніе о положеніи бѣдныхъ крестьянъ и надежду на улучшеніе быта ихъ, прибавилъ, что «зло это, больше всякой войны, грозитъ бѣдой Россіи, если только заранѣе не будутъ приняты разумныя мѣры къ отвращенію сей бѣды».

17 Апрѣля — день рожденія Государя Императора — былъ днемъ послѣдняго священнодѣйствія Преосвященнаго въ Одессѣ. Оставляя любимый храмъ Соборный, чувствовалъ ли онъ тогда, что живой не войдетъ въ него болѣе?...

Тогоже дня, въ шесть часовъ вечера, онъ отправился въ дорогу, столько разъ откладываемую. Предъ отъѣздомъ, зашелъ, по обыкновенію, въ Крестовую церковь, приложился къ иконѣ Касперовскія Богоматери, сотворилъ три земныхъ поклона, благословилъ домашнихъ. При этомъ онъ былъ въ невеселомъ расположеніи духа и не разговаривалъ...

Быстро проѣхавъ города: Николаевъ, Херсонъ, Аленки и Перекопъ, дѣлая мѣстами распоряженія по протѣжаемымъ благочиніямъ, — 20 числа прибылъ въ мѣстечко Ак-печеть, Перекопскаго уѣзда. «Надобно освятить это мѣсто, говорилъ Владыка; оно много вытерпѣло въ минувшую войну». Дорога покрыта развалинами Татарскихъ ауловъ и на сто верстъ

кругомъ — совершенная пустота. «Какъ больно, замѣчалъ Преосвященный не разъ, что такія мѣста, какъ въ нашемъ Крыму, гдѣ слѣдовало бы жить своимъ и людямъ трудолюбивымъ,—населены были племенемъ тунейдымъ и неблагодарнымъ къ Россіи». Въ Ак-мечетской церкви, опозоренной бунтовщиками Татарами и поврежденной отъ выстрѣловъ съ неприятельскихъ кораблей,—Архипастырь совершалъ молебствіе съ водоосвященіемъ и собравшимся поселянамъ ласково преподавалъ миръ и благословеніе. На дорогѣ изъ Акмечета къ Евпаторіи сказалъ мѣстному благочинному: «Отсюда не далеко имѣете генеральши Поповой Ея крестьянамъ далеко обращаться въ Ак-мечетскую церковь; приготовьте отъ меня отношеніе г-жѣ Поповой объ устройствѣ тамъ молитвеннаго дома. Жаль весьма, что на такихъ пространствахъ,—ѣдешь, ѣдешь и не на что перекреститься».

21 числа—служеніе въ разоренной Евпаторіи. Послѣ литургіи Архипастырь обратился къ гражданамъ съ привѣтомъ мира и выраженіемъ живой радости объ окончаніи ихъ бѣдствія, и заключилъ слово пастырскимъ благожеланіемъ пещись объ охраненіи града отъ плѣна и враговъ духовныхъ. Изъ собора прямо отправился на мѣсто, гдѣ во время двукратныхъ покушеній исторгнуть Евпаторію изъ рукъ неприятелей, легло нѣсколько тысячъ нашихъ воиновъ. Дорогою,—на слова сопровождавшаго его, Евпаторійскаго градоначальника, Гусакова, офицера объ одной ногѣ: Преосвященнѣйшій Владыко, поберегитесь; погода очень вѣтренная, отвѣчалъ: «Насъ-то беречь? Васъ беречь, такихъ героевъ, вотъ кого беречь». На солдатскихъ могилахъ отслужена панихида; Преосвященный долго молился, вмѣстѣ съ гражданами оплакивая кончину падшихъ, и заповѣдалъ соорудить имъ памятникъ, съ часовнею внутри, изъ бомбъ и ядеръ, и совершать ежегодно поминовеніе 23-го Апрѣля, въ день Великомученика Георгія. На память объ Евпаторійскихъ дѣлахъ, по желанію Преосвященнаго, доставлено ему нѣсколько ядеръ, тамъ собранныхъ.

За обѣдомъ у Генерала Анастасьева, Преосвященный высказывалъ свои замѣчанія о причинахъ неудачной дипломатической поѣздки Князя Меншикова въ Константинополь, и удивлялся положенію, въ какомъ онъ, Преосвященный,—путешествуя по Крыму, предъ высадкою неприятельскою, нашелъ тамъ нашу военную силу, тогда какъ во всѣхъ иностранныхъ городахъ писали уже объ экспедиціи противъ полуострова. «Мы спали тогда, какъ бы среди глубокаго мира; войска было мало и то разбросано. Тужъ же высказывалъ сожаленіе о томъ, почему не отняли мы снова, хотя бы на короткое время, Малахова кургана. Послѣ этого отступили бы съ большею честью и отняли бы самохвальство у Французовъ. А возможно было, еслибы курганъ,—совершенно понапрасну,—не былъ обведенъ глубокимъ ровомъ сзади и горжа оставалась бы широкою, и здѣсь, какъ это было на другихъ бастіонахъ». Послѣ обѣда привѣтствовали его Преосвященство начальники Караимскаго Евпаторійскаго общества. Въ Евпаторіи приказано было мнѣ совмѣстно съ настоятелемъ собора осмотрѣть всѣ произшедшія отъ войны поврежденія и утраты церковныя, сообразить средства,—какія подъ рукою, къ восполненію утраченнаго и составленію о томъ подробную записку въ свое время представить Архипастырю.

Рѣшено окончательно древній Генуезскій храмъ, близъ собора, занимаемый Еврейскою Синагогою, обратить въ храмъ Христіанскій. Во все это время его Преосвященство былъ здоровъ и веселъ.

22-го числа—Симферополь. Архипастырь прибылъ сюда, по обычаю, скромно, тихо, безъ малѣйшей церемоніи, и остановился въ загородномъ дворцѣ Князя Воронцова. Здѣсь послѣ утрени (23 числа) онъ вышелъ изъ молельни, благословилъ присутствовавшихъ, а мнѣ, служившему, сказалъ: «хорошо, спасибо. Но можно бы покороче и полнѣе. Вотъ я составилъ службу, послѣ ужѣ покажу тебѣ: увидишь, какъ хороша». Литургію тихо и умиленно служилъ въ соборѣ, и проповѣдывалъ

изъ текста: «Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ... такъ да погибнуть грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да вознесутся»,—о загробной жизни вообще и въ-частности о блаженствѣ праведныхъ и мученіяхъ грѣшниковъ. Онъ говорилъ долго, громко и съ особеннымъ одушевленіемъ. Всѣ слушали съ умиленіемъ, многіе воздыхали, а на глазахъ иныхъ, видѣлись слезы, какъ это обыкновенно бывало при его поученіяхъ. Никто изъ предстоящихъ не думалъ тогда, конечно, что это уже послѣднее слово нашего Златоуста, что отселъ навсегда умолкнуть сладкоглаголивый уста его, что снѣтъ священнодѣйствіемъ въ Соборномъ храмѣ Симферопольскомъ оканчивалось его столь всегда торжественное и трогательное Богослуженіе... На молебнѣ Скитскому іеромонаху Прокопію далъ крестъ, за труды его во время военное.

Въ Симферополѣ Владыка имѣлъ постоянныя совѣщанія съ начальниками края—о благоустройствѣ вообще всей Тавриды, и въ особенности церквей и монастырей, о средствахъ къ уничтоженію расколовъ, о возвышеніи Христіанской церкви учрежденіемъ въ Крыму кафедръ православнаго Епископа и о мѣрахъ къ исполненію сего предположенія, объ обезпеченіи Таврическаго духовенства домами и землями и объ ослабленіи иноувѣрныхъ обществъ тамъ, гдѣ таковыя усилились къ вреду православной церкви. Предложилъ устройство церкви въ военномъ Симферопольскомъ госпиталѣ, съ указаніемъ на средства къ содержанію въ ней священника, и общалъ ходатайствовать о семъ у Военнаго Министра. Поручалъ мнѣ заготовить окончательную отписку объ отводѣ земель нѣкоторымъ скитамъ и назначалъ священниковъ на мѣста праздня. По полученіи отъ меня подробныхъ свѣдѣній о состояніи Симферопольскихъ градскихъ церквей, указалъ мѣсто на площади, у поваго фонтана, для новой Петро-Павловской церкви и подобное же для новой Греческой. Въ то время въ письмѣ въ Одессу къ Архимандриту Діонисію выражалъ свое удовольствіе отъ окончанія главнѣйшихъ желанныхъ дѣлъ.

24 числа долго гулялъ по саду и между прочимъ спросилъ меня: «что, каковъ Симферополь?—» Довольно хорошъ, потѣсно постронлся.—«Да; жаль особенно того, что мало церквей и нѣтъ Архіерея православному духовенству, тогда какъ тѣмъ и другимъ здѣшніе татары пристыдили насъ». Потомъ говорилъ о дѣлопроизводствѣ въ Консисторіи: «какъ оно не исправно! Скоро, Богъ дастъ, все это передѣлаю: сокращу канцелярскихъ, измѣню, упрошу форму, и тѣмъ, надѣюсь, дамъ скорѣйшій ходъ дѣламъ. «А затѣмъ надобно рѣшительнѣе взяться и за дѣло объ изданіи при Консисторіи Епархіальнаго Журнала; въ немъ будутъ помѣщать главныя Епархіальныя распоряженія и поученія лучшихъ священнослужителей и проч... это принесетъ немалую пользу епархіи и покажетъ другимъ, что мы не безгласны и кое-что дѣлаемъ. -Далѣе замѣчалъ:» Какая здѣсь растительность! Если бы это орѣховое дерево хоть въ Вологдѣ или нашемъ Новгородѣ. (уроженецъ Новгородскій я жилъ съ нимъ въ Вологдѣ). «А правится ли эта дача? Какъ думаешь, хорошо ли было бы жить здѣсь?... Посмотри какъ величественъ Устьберъ-Дагъ! Мѣстами онъ покрытъ лѣсомъ, хотя отсюда невидно. Сколько разъ бывали мы на немъ!... А бѣлыя полосы—видишь?—это полосы снѣгу, какъ онѣ малы, а, вѣдь, тянутся на цѣлыя версты!... Смотри во всѣ глаза на природу Крымскую; сравнивай здѣшнія горы и растительность съ тѣмъ, что видѣлъ за Ураломъ». (Я служилъ въ Иркутскѣ). Этого же числа приказано мѣстному благочинному собрать все Симферопольское духовенство, когда на обратномъ пути Владыка будетъ въ Симферополѣ. «Да, хотѣлось бы посмотреть и на Гимназію» прибавилъ Преосвященный. Тутъ подали мнѣ депешу изъ Одессы; извѣщая меня о рожденіи сына, выражались въ ней такъ: «Въ замѣнъ падшихъ героевъ Севастополя, 23 числа въ 7 часовъ по полудни, благополучно родился вашъ рослый Вечеславъ» и проч. Я подалъ депешу Владыкѣ. Прочитавъ ее, онъ сказалъ: «А, поздравляю; ну, вотъ ты безпокоился; Господь все устроилъ. Да почему же Вече-

славъ—это чешское?» Какъ славянское оно наше же, сказалъ я. «Такъ; но почему бы не ближе—Сергій Радонежскій, Антоній, Θεодосій Печерскіе?...»

25-го числа — Бурлюкъ, мѣсто Алмійской битвы. Алма, какъ Кача, Бельбекъ и Самиръ, маленькая, но быстрая и во время дождей многоводная рѣка. Преосвященнаго встрѣтили здѣсь хлѣбомъ и солью. Съ праваго низменнаго берега рѣки,—позиціи непріятеля, отъ трактира, черезъ мостъ, до самой высоты лѣваго берега, нашей позиціи,—Его Преосвящество шель тихо, по мѣстамъ останавливаясь, внимательно осматривалъ поле битвы, съ подробностію разспрашивалъ очевидцевъ о дѣлѣ, слушалъ чтеніе реляціи о семъ Князя Меншикова. У моста, гдѣ была самая сильная схватка сражавшихся, долго и задумчиво стоялъ онъ и потомъ спросилъ: «Гдѣ бы лучше поставить здѣсь часовню?» — Я указалъ на площадку, въ полу-горѣ лѣваго берега, противъ самаго моста. «Да, отвѣчалъ Владыка, мѣсто хорошее, и прямо противъ моста,—пункта сильнѣйшаго кровопролитія. Только поставить бы на подобіе Казанскаго памятника,—видѣлъ ты,—въ формѣ пирамиды, съ малою внутри церковію или по крайней мѣрѣ часовнею, для ежегоднаго поминовенія убитыхъ, въ день сраженія». Дорогою, по приказанію Преосвященнаго, собрано нѣсколько камышковъ и цѣтвъ на память объ Алмскомъ полѣ. Подошли къ большому земляному насыпямъ, кой-гдѣ покрытымъ камнями. Въ концѣ ихъ крестъ съ французскою и англійскою надписями. Это наши—солдатскіе могилы. Здѣсь я отслужилъ панихиду, а онъ, нѣсколько отдавшись отъ насъ,—молился долго на колѣнахъ... Поднявшись на одинъ изъ кургановъ, гдѣ стоялъ Меншиковъ, онъ сказалъ:» вообразите состояніе отчаянно-заброшеннаго сюда союзнаго войска!... въ какой, думаю, опасности и страхъ было оно? Наполеонъ, вѣрно, охалъ тогда и не спалъ ночи. Онъ хорошо понималъ этотъ рискъ — особенно съ его-то стороны. Ниже мѣста палатки главнокомандующаго, напротивъ мо-

гилъ, онъ сѣлъ, и, помолясь, сказалъ: «Какая тема для поэта!... Откуда, думаю, съ какихъ концовъ Россіи не пришли сюда спящіе подъ этими насыпями?—Изъ Перми, можетъ быть, съ Астрахани, съ Дона, Волги, отъ Днѣпра».... За тѣмъ говорилъ съ поселянами, поручалъ имъ просить мѣстнаго владѣльца окопать и обсадить деревьями кладбище, предложилъ закуску всемъ собравшимся, самъ обдѣлалъ нѣкихъ апельсинами, и, высказавъ желаніе ѣхать дорогою, которою отступали наши и шли непріятель, отправился далѣе.

Спускаясь пѣшкомъ съ крутой горы въ Бахчисарайскую долину, Преосвященный разговаривалъ о мѣстной и вообще о Крымской растительности. «На южномъ-то берегу посмотришь, на страшныхъ отвѣсыхъ скалахъ, гдѣ кажется, и пыли, не только земли, нѣтъ,—лѣнятся деревья и кустарники. Чѣмъ они тамъ питаются, Богъ одинъ знаетъ». При встрѣчѣ съ мужикомъ, везшимъ лѣсъ, Владыка остановился, распросилъ, куда везетъ лѣсъ и почему думаетъ продать, и потомъ высказывалъ сожалѣніе о немилосердномъ истребленіи Крымскихъ лѣсовъ, и въ такой еще безлѣсной сторонѣ, какова наша Новороссія, и при такомъ неистощимомъ богатствѣ другаго горючаго матеріала—антрацита.... «вотъ-въ этомъ ущельѣ—Бахчисарай, не увидишь пока не подъѣдешь къ самому городу. Настоящее разбойничье гнѣздо; такъ и видно, что жили разбойники. А то—далѣе пресловуты Мекензевы горы. Какими путями кружили мы здѣсь въ то время, когда непріятель, стремясь съ Алмы, обходилъ Севастополь. Намъ хотѣлось тогда еще разъ благословить этотъ городъ на кровавый подвигъ его».

Вечеръ 25-го числа—Бахчисарай и Успенскій скитъ. Привѣтливо благословилъ Архипастырь пустынныхъ труженниковъ. Обитель—въ совершенномъ уединеніи, между громадныхъ въковыхъ скалъ. «Вотъ мы поустроились, слава Богу, говорилъ Владыка, проходя по монастырю. А какова мѣстность?—Не правда ли—это совсѣмъ другой, особый, міръ?—Здѣсь-то работать для единого на потребу; никто и ничто не мѣшаетъ.

И такія мѣста были оставлены безъ вниманія, и о Святыхъ Крыма, гдѣ пролили кровь свою за Христа первые просвѣтителі этой страны, гдѣ крестился нашъ Владиміръ Равноапостольный,—о такой Святыхъ было забыто въ православной Россіи!... Благодарю всегда Бога, что удостоилъ меня потрудиться для сей священной древности и съ тѣмъ вмѣстѣ—поставить крестъ на пустынныхъ пространствахъ Новороссіи, такъ помогъ Онъ мнѣ поднять изъ развалинъ вѣковыя обители Харьковскія». Далѣе разговоръ былъ о состояніи и нуждахъ скита. «А Н. доселѣ безпокоитъ васъ, говорилъ Преосвященный настоятелю. Не хорошій человѣкъ: для мнимой древности жидовства въ Чуфутъ-Калѣ — этою извѣстною всѣмъ укрѣпленіи Генуезцевъ,—онъ сочинилъ басню, наполнивъ ее самыми нелѣпыми и противорѣчащими фактами, насильно тянетъ туда жидовъ, дуритъ всѣхъ, заставилъ измѣнить законъ о продажѣ собственности, чтобы удержаться, съ дура, въ Чуфутъ-Калѣ, и стѣснить совершенно монастырь,—вѣковой домъ Богоматери. Ж. пожалъ плечами, когда я объяснилъ ему плутни Б. А. Но, довольно: при всѣхъ обличіяхъ. Завтра О. Архимандритъ позови его ко мнѣ». Было сыро и холодно. Я замѣтилъ это. Преосвященный сказалъ: «вотъ когда вздумалъ беречься! Это пужно дома, а не въ дорогѣ». Онъ былъ здоровъ и спокоенъ.

26-го числа утромъ занимался дѣлами сосѣднихъ церквей, и скитовъ, принималъ духовенство. Долго говорилъ съ Н.; это сильно обезпокоило и огорчило Архипастыря. Вскорѣ затѣмъ, посылая меня осмотрѣть въ подробности Бахчисарайскій соборъ, устроенное при ономъ греческое училище и предположенный къ обращенію въ православную часовню памятникъ Маріи Потоцкой, Преосвященный прибавилъ: «Пожалуй, зайдіи во дворецъ,—пресловутый памятникъ Ханства, уничтожить который Самъ Богъ вразумлялъ насъ. А мы,—какъ-будто нѣтъ у насъ вовсе нужды,—тратимъ сотни тысячъ на возобновленіе его. Между тѣмъ, всякій татаринъ смотритъ на него, чутъ

не какъ на Мекку, и тайнѣ питаетъ надежду на возстановленіе Ханства.... Для чего намъ было возстановлять его, послѣ пожара?—Что-бы Пушкинъ написалъ свой фонтанъ?—Да онъ и безъ того написалъ бы его. Въ 11 часовъ былъ въ банѣ, гдѣ проговорилъ, что у него болитъ лѣвый бокъ.... По выходѣ изъ бани посидѣлъ у Архимандрита, которому говорилъ: «Дай намъ, пожалуйста, въ Одессу кого-нибудь поблагонадежнѣе изъ братіи. Жаль? Эгоисты вы всѣ. Такъ ли я поступаю?—Я своихъ отправилъ на Дунай, когда потребовала нужда, и остался почти ни съ кѣмъ. Жди пока прищлютъ.... Такъ и во всемъ. Трудисься, право не знаешь покоя, а для себя развѣ?—Что не сдѣлано мною въ Кіевѣ, Вологдѣ, въ Харьковѣ, въ Одессѣ,—для себя ли это?» Почти тоже повторено и въ Балаклавскомъ монастырѣ. Весь этотъ день онъ занимался дѣлами церквей и скитовъ. Мнѣ съ О. Архимандритомъ поручилъ провѣрить записку о Чуфутъ-Калѣ и сказать о ней свое мнѣніе. А мѣстнаго благочиннаго отправилъ съ пѣвчими въ Севастополь, гдѣ 28 числа предполагалъ служить литургію, молиться на военныхъ кладбищахъ и сдѣлать крестный ходъ на главные бастіоны. Вечеромъ, съ Настоятелемъ скита и подрядчикомъ, расплачивовывалъ мѣсто для св. воротъ, часовни и гостиницы, и вообще сдѣлалъ окончательныя распоряженія объ устройствѣ скита. Было уже поздно, когда возвратился въ келіи. Преосвященный еще поговорилъ о постройкахъ, былъ радъ, что кончилъ скитскія дѣла, ласково предложилъ намъ закуску, благословилъ всѣхъ, и, почти непивши чаю, ушелъ въ свою комнату: при этомъ высказывалъ не разъ, мимоходомъ, что у него болитъ бокъ.

Въ 3 часа по полудни (на 27 число) онъ разбудилъ келейниковъ. жаловался на простуду, и принималъ парную, ножную ванну. Послѣ, говорилъ о своей болѣзни такъ: «Я почувствовалъ въ груди боль, какъ бы кто мечъ всадилъ въ нее».

Въ 6 часовъ утра прибылъ Бахчисарайскій медикъ и прописалъ растираніе груди и микстуру внутрь.

«Какъ бы я хотѣлъ заснуть теперь», говорилъ Владыка. «А вы,» обращаясь ко мнѣ и О. Архимандриту, сказали, «сходите, пожалуйста, въ церковь и отслужите молебенъ о моемъ выздоровленіи.» Тогда же отправленъ нарочный въ Севастополь объ отсрочкѣ Богослуженія. Весь этотъ день больной провелъ безпокойно, безъ сна и пищи, и былъ очень слабъ; при всемъ томъ, какъ и во все время болѣзни, занимался дѣлами. При прорытіи новой дороги въ полугорѣ, нашли истлѣвшую гробницу и старинную Греческую папацию. Владыка принялъ ее, поцѣловалъ, перекрестившись, и оставилъ у себя. Ночь на 28 число онъ провелъ безпокойно, безъ сна.

28-го числа выѣхалъ въ Балаклавскій монастырь, куда прибылъ вечеромъ, въ самую дождливую и вѣтреную погоду. На пути черезъ Мекензіеву гору, не выходя изъ кареты, осматривалъ мѣста битвы по Инкерманской и Байдарской долинамъ, на Черной рѣчкѣ и проч. Послѣ дороги чувствовалъ себя худо: былъ въ изнеможеніи, проводилъ ночи безъ сна и не имѣлъ вовсе аппетита. Севастопольскій медикъ Анопреенко прописалъ лѣкарство внутрь, нюхательный порошокъ, и растираніе груди, советуя больному быть, какъ можно, спокойнѣе, и беречься простуды. Послѣ этого, Преосвященный говорилъ: «этотъ медикъ давно служить здѣсь. Онъ рассказывалъ, что въ Крыму бываютъ отъ простуды такія болѣзни, которыхъ не выносятъ иногда и патура солдатская. Какая патура у Русскаго солдата,—и та не переноситъ крымской простуды, особенно весенней». При этомъ онъ рассказывалъ подробно: какъ отъ простуды какая-то въ тѣлѣ жидкость вынолзаетъ изъ своихъ конуръ, падаетъ на дыхательныя органы и душитъ человека.

29-го числа Владыка предполагалъ освятить новую церковь въ Херсонисскомъ скиту Св. Владимира. Болѣзнь усилилась, и освященіе поручено Балаклавскому Архимандриту, при

чемъ особенно наказано помолиться о болящемъ на обѣднѣ и на молебнѣ.

30-го числа, въ день освященія Херсонисской церкви,—куда Преосвященный собирався было ѣхать помолиться,—съ нимъ неожиданно произошли частые и довольно продолжительные обмороки.. При освященіи Херсонисской киновіи я сильно простудился. Узнавъ объ этомъ добрый Архипастырь позвалъ меня и сказалъ: «Я слышалъ, и ты нездоровъ. Скорѣе посоветуйся съ докторомъ. Но, пока онъ пріѣдетъ, вотъ — подъ рукою лѣкарство: ходи въ низъ къ морю и обратно, этимъ обезсилишь простуду». (Обрывистый крутой берегъ моря, у балаклавскаго монастыря, вышиною—около версты).

31-го Апрѣля и 1-го Мая больной былъ въ самомъ разслабленномъ состояніи, и иногда въ забытіи, и тогда,—какъ самъ послѣ рассказывалъ,—ему представлялась какая-то удивительная перестановка вещей, и измѣненіе обыкновеннаго, міроваго, порядка.

«Теперь мнѣ становится яснѣе», не разъ высказывалъ онъ, «то состояніе Богочеловѣка, въ какомъ Онъ являлся Апостоламъ по воскресеніи»... Какъ это разумѣлъ онъ, мы не понимали. Но видно было по всему, что высокая душа Святителя какъ бы двинулась изъ своихъ тѣсныхъ земныхъ предѣловъ и прозрѣвала уже, сквозь таинственную завѣсу, въ тотъ невѣдомый міръ, куда было суждено ей скоро переселиться.

2-го числа утромъ Его Преосвященство позвалъ къ себѣ монастырскаго духовника Иеромонаха Герасима, и сказалъ ему: «Отче, я желалъ бы исповѣдаться. Тихонько, не говоря никому, приди ко мнѣ сегодня вечеромъ; возьми съ собою что нужно—эпитрахиль, крестъ, требникъ». Духовникъ исполнилъ Святое желаніе Архипастыря. Вечеромъ онъ исповѣдался и провелъ съ О. Герасимомъ довольно долгое время. Всю эту ночь былъ онъ уединенъ въ особенномъ молитвенномъ дѣяніи. А 3-го числа утромъ, послѣ ранней литургіи,

отъ того же Иеромонаха принялъ причастіе Св. Таинъ, при настоятель и братіи монастыря.

4-го числа чувствовалъ себя лучше; почему на 5-е назначилъ служеніе въ ближайшей монастырской цѣкви; отправлялъ Бахчисарайскаго Архимандрита въ Инкерманскій скитъ, для назначенія мѣста повому строенію, а меня посылалъ въ Севастополь, для осмотра военныхъ кладбищъ, разрушенныхъ градскихъ церквей и церковныхъ домовъ. «Жаль», высказывалъ при этомъ Владыка, что не могу еще разъ быть на солдатскихъ могилахъ. Мнѣ поручены онѣ. Посмотри, что тамъ дѣлается, есть ли ограда, и гдѣ лучше поставить церковь. Да помолись и отъ меня. Сообразите съ благочиннымъ, что изъ разрушеннаго при церквахъ можно исправить, и какими легче средствами. Взгляни же и на церковь и на площадь, гдѣ мы молились подъ громами войны».... По возвращеніи изъ Севастополя, я доложилъ Преосвященному, что ограда очень приличная обводится кругомъ военного кладбища, и что церковь хорошо бы поставить выше оного, въ полугорѣ; на это онъ сказалъ только: «пожалуй.» А отъ благочиннаго потребовалъ рапортъ и написалъ резолюцію о возобновленіи церковнаго дома при Петро-Павловской церкви; рассматривалъ планы скитовъ; особенно заботился объ участіи бывшаго въ плѣну Балаклавскаго монастыря.

5-го числа по слабости не служилъ, но присутствовалъ при Богослуженіи въ церкви, гдѣ произвелъ въ Протоіерея Настоятеля Севастопольской Петро-Павловской церкви, бывшаго не отлучно на своемъ мѣстѣ во все время осады города. Того дня читалъ Владыкѣ статью о Богданѣ Хмельницкомъ, при чемъ онъ между прочимъ замѣтилъ: «Малороссы—кто не билъ, не мучилъ ихъ? И продавались—то они и были продаваемы: все позволяли дѣлать надъ собою... И этотъ Хмельницкій—когда взялся за дѣло?—когда отняли у него хуторшико и любовницу, да и послѣ того, какъ дѣйствовалъ? вѣдь, нерѣшительно, Богъ знаетъ, какъ...»

6-го числа еще разъ взглянулъ на Севастополь, его развалины и укрѣпленія: «Бѣдный городъ! болѣзненно произнесъ Владыка. Былъ въ Херсонисскомъ скиту. Видѣ бѣдной кинови, изрытой непріятельскими траншеями, едва возникающей изъ развалинъ, болѣзненно подѣйствовалъ на попечительнаго Архимастыря. Зашелъ въ церковь, гдѣ, послѣ обычной молитвы одного брата благословилъ въ расофоръ, назвавъ его Евремонъ, по имени одного изъ Священномучениковъ Херсонисскихъ. Преподавъ здѣсь послѣднія наставленія настоятелямъ Крымскихъ скитовъ и монастырей, назначивъ меня общимъ Депутатомъ ихъ въ Консисторію,—возвратился въ Балаклавскій монастырь чрезъ Севастополь, въ вѣтряную и холодную погоду.

Дорогою, смотря на Севастополь, между прочимъ сказалъ мнѣ: «Не забудь напомнить въ свое время снестись съ военнымъ Начальствомъ объ устройствѣ новаго городского кладбища, на другомъ концѣ города: тяжело жителямъ со всѣхъ концовъ города носить покойниковъ въ одно мѣсто—на старое кладбище. Да и о разоренной церкви на этомъ кладбищѣ нужно подумать серьезно».. Въ Балаклавскомъ монастырѣ говорилъ: «Какъ жаль, что разстроилась наша побѣдка.. Сколько дѣла осталось неоконченнаго! Правда, можно бы и осенью снова быть въ Крыму. Но, время дорого... Къ тому же надобно поглотиться; вотомъ непремѣнно съѣздить на Дунай, въ Феррапонтіевскій скитъ: тамъ все самому надобно осмотрѣть и устроить. Предметъ важный.. Да хотѣлось бы нынѣ же навѣстить и другія церкви, особенно въ военныхъ поселеніяхъ, и—уже послѣ того бы—слѣдующимъ лѣтомъ,—съ Богомъ—и на Востокъ..» Вечеромъ, поручивъ Балаклавскому Архимандриту Геронтію, вмѣсто себя, осмотрѣть дальнѣйшія мѣста Крыма, Преосвященный продиктовалъ ему слѣдующую инструкцію.

Кизилтамы. 1. Устроить какъ можно скорѣе въ какой нибудь отдѣльной, способной къ тому, комнатѣ, малую церковь, во имя Св. Стефана Архіепископа Судоржскаго 2, Ста-

ратся скорѣе окончить дѣло о покупкѣ Кизильтама. 3. Взять рѣшительныя мѣры, чтобы лѣсъ ни сколько не былъ рубленъ и все цѣло было до прутинки, а между тѣмъ, ни мало не медля, окопать лѣсъ, чтобы заѣздовъ не было, и учредить стражу. 4. Отдать планъ дома съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣли и сообразили съ мѣстомъ и увѣдомили—есть ли на все это матеріалъ какой? Этотъ домъ предполагается къ постройкѣ съ слѣдующею весною. 5. Братіи въ Кизильтамѣ покамѣсть много, а въ другихъ мѣстахъ, начиная съ Одессы, крайняя скудность;—пѣтъ ли желающихъ потрудиться для меня и по моему распоряженію — человека два-три, года на два, а потомъ они возвратятся спокойно въ Кизильтамъ?—Таковыхъ О. Арсеній можетъ привезти съ собою въ Одессу, на паряхъ—не тратя времени.

Кетермесъ. Кумпалу (благочинный) спасибо, Гушину—(купецъ, строитель киновій) спасибо, — и всѣмъ Керчанамъ большое спасибо. Осмотрѣть все и преподать совѣты, между прочимъ о томъ, чтобы не пускались въ прошаиство—въ лаварничество, молились и жили, уповаю на Бога. Передать это братіи и въ Кизильтамѣ и наказать въ прочихъ скитахъ. Прѣздомъ изъ Кизильтама въ Керчь захватить въ Старый Крымъ и посмотрѣть, что тамъ сдѣлалъ священникъ съ церковію и съ домою церковнымъ. Онъ доноситъ много — есть ли хотя въ половину? О. Михаилу сказать, что онъ, по обстоятельномъ соображеніи всѣхъ его дѣлъ, можетъ явиться на паряхъ въ Одессу за разрѣшеніемъ всѣхъ недоумѣній. » Къ этой краткой инструкціи присоединены словесныя приказанія и совѣты.

Сдѣлавъ подобныя наставленія—касательно и другихъ Св. мѣсть полуострова, отслушавъ напутственное молебствіе, и ласково простившись съ братією, 7-го числа Его Преосвященство выѣхалъ изъ монастыря—обратно въ Одессу, куда спѣшилъ съ первыхъ дней болѣзни, повторяя: «ахъ, какъ бы скорѣе домой... пожалуй, и умрешь здѣсь»..

Вообще все время пребыванія своего въ Балаклавскомъ монастырѣ, онъ былъ слабъ, безъ сна проводилъ всѣ ночи, и не имѣлъ аппетита. Часто поручалъ молиться о немъ въ церкви, а келейниковъ заставлялъ по ночамъ читать въ слухъ молитвы, особенно псаломъ: «Помилуй мя Боже». Не прерывно почти занимался дѣлами: по словамъ его приготовлены мною отношеніе—къ военному Министру о жалованьи Флотскимъ Иеромонахамъ, къ Новороссійскому и Бессарабскому Генералъ-Губернатору — объ отводѣ въ Крыму свободныхъ участковъ земли, для разоренныхъ Крымскихъ скитовъ, къ Таврическому Губернатору о притѣсненіяхъ нѣкоторымъ обителямъ, дѣлаемыхъ сосѣдними владѣльцами, и представленіе Святѣйшему Синоду о вспоможеніи крайне-обѣдѣвшему Балаклавскому монастырю. Посылалъ письма къ разнымъ лицамъ, прося всѣхъ молиться о немъ; слушалъ чтеніе книгъ, назначалъ денежныя пособія скитамъ. Принималъ посѣтителей; окончательно исправилъ акафистъ ко причащенію Св. Таинъ и проч.

Отъ Балаклавы до Инкерманской долины, не разъ вставалъ изъ экипажа, и подолгу шелъ пѣшкомъ. Въ это время указывалъ на мѣста непріятельскихъ лагерей и говорилъ о военныхъ дѣлахъ, особенно—о томъ, какъ и гдѣ здѣсь наши, подъ командою Генерала Липранди, били Турокъ и Англичанъ. На каменномъ мосту Черной рѣчки (гдѣ было дѣло 6-го Августа), долго стоялъ и, осматривая мѣстность,—Одюхины высоты и Сапунъ-гору,—сравнивалъ ее съ мѣстностію Алмійскою.

Съ 7-го на 8-е число ночевалъ въ Симферополѣ. Услышавъ о болѣзни Архипастыря, духовенство изъ разныхъ мѣсть поспѣшило къ нему на встрѣчу. Но онъ никого почти не принималъ, исключая г. Кашкадамова, ревнителя Крымской Святины. (По особенной проникательности своей Владыка вездѣ умѣлъ находить людей, преданныхъ благу церкви). Вѣдѣлъ пѣтъ узнавать о нуждахъ всякаго являвшагося и послѣ доложить ему. Боль въ груди усилилась; почему поло-

жень на нее пластырь. Изъ Симферополя послалъ, за собственноручнымъ подписомъ, предписаніе Настоятелю Бахчисарайскаго собора объ устройствѣ оградъ и часовенъ на военныхъ кладбищахъ, (на Качѣ и Бельбекѣ), кон на пути молитвенно благословилъ. Пересматривалъ присланныя бумаги и письма; заботился, какъ и во все время, отпискою по дѣламъ Болгарскимъ. О безмездномъ надѣленіи Болгарскихъ церквей Богослужебными Славянскими книгами мною приготовлено было, отъ имени Его Преосвященства, представленіе Святейшему Синоду. Отдавая мнѣ, для прочтенія, одну секретную бумагу изъ Петербурга, сказалъ: «Прочитай. Какъ легко разсуждать вдали. И не поздно ли уже объ этомъ»... И еще: «видишь, одно письмо сдѣлало что? — больше пяти формальныхъ бумагъ»....

Предъ отъѣздомъ принималъ Настоятеля и Старосту Керченскаго Собора, конмъ поручилъ благоустройство новаго скита Кетерлесскаго и вообще попеченіе о городскихъ церквахъ.

8-го числа, въ 6 часовъ вечера, прибылъ въ Перекопъ, гдѣ, чувствуя особенное изнеможеніе отъ дороги, совѣтовался съ мѣстнымъ врачомъ, который, приписавъ капли, уговаривалъ его отдохнуть на мѣстѣ дни-два. Принималъ Управляющаго Таврическою Палатою. Посылалъ къ мѣстному Протоіерею за книгами. Когда принесли Богословіе и другое нравственное. «Да, нища добрая,» — сказалъ Владыка; отнеси, пусть себѣ наслаждается». Затѣмъ еще разъ спрашивалъ книгъ; принесенныя развѣтывалъ и молча отдавалъ обратно. Наконецъ шутливо сказалъ: «Да, нѣтъ ли хоть Еруслава Лазаревича, — тамъ, гдѣ нибудь, — за печкой». Былъ особенно тихъ и добръ ко всѣмъ. Однажды сказалъ мнѣ: «Посиди здѣсь, что, съ тобою не бывало обмороковъ? — Странное какое-то, особенное, состояніе.... переменяются предметы.... являются новые образы.... Какъ будто другой міръ.... Со смертію взоръ у человѣка мгновенно расширяется, какъ, напримѣръ, поднявшемуся на высоту вдругъ

открывается большое пространство»... Ночь провелъ безъ сна, безпокойно и утромъ (9 числа) въ 8 часу выѣхалъ.

Дорогою останавливался у двухъ Священниковъ: одному совѣтовалъ записаться хозяйствомъ и сдѣлать деревянный полъ въ комнатахъ, у другаго похвалилъ хату, которая была вѣстѣ и кухня, здѣсь обращаясь ко мнѣ сказалъ: «Когда дорогой увидишь такую теплую и сухую хату; тутъ и останавливайся».

9-е число. Карсунскій монастырь. Владыка долго бесѣдовалъ съ Преосвященнымъ Викаріемъ, о назначеніи коего въ Іерусалимскую миссію только-что полученъ былъ Синодальный указъ; пересматривалъ планы монастырскихъ перестроекъ дѣлалъ распоряженія касательно устройства монастыря и со-сѣднихъ благочиній, подписалъ бумаги къ нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ, и, приказывая мнѣ собрать свѣдѣніе о нуждахъ монастырской братіи, спросилъ: «что, каковъ монастырь? Видѣлъ церкви, келліи, сады: все цвѣтетъ, благоухаетъ. Не забудь, что я самъ сажалъ эти деревья». Ночь, какъ и прежнія, была для больного безсонная и томительная. На слѣдующій день онъ поспѣшилъ выѣздомъ.

10-го числа, минуя Херсонъ и не остановившись въ Николаевѣ, расположился было почевать за Бугомъ, въ селѣ Варваровкѣ; послали постель, по обычаю, на полъ изъ сѣна. Онъ не много полежалъ, но вскорѣ болѣзнь въ груди весьма усилилась, и онъ тотчасъ выѣхалъ. Дорогою стало лучше онъ заходилъ къ двумъ Священникамъ, умывался, пилъ, чай, ласково говорилъ съ Священниками, разспрашивалъ, давалъ совѣты.

11-го числа, во 2-мъ часу по полудни, прибылъ въ Одессу.

Черезъ два часа позвали Доктора Далласа, съ которымъ больной провелъ болѣе часу.

Вечеромъ былъ въ банѣ и ваннѣ.

12-го числа составленъ консилиумъ изъ Докторовъ: Далласа, Энно и Сезеневскаго, при чемъ (стороною) они замѣтили

что болѣзнь Преосвященнаго подобна болѣзни покойнаго Государя Императора, Николая Павловича. Приложили мушку къ лѣвому боку, отъ чего на другой день (13 числа) больному было легче: онъ ходилъ, немного кушалъ, принималъ посѣтителей и членовъ Консенсторіи, конямъ раздалъ бронзовые кресты.

14-го числа здоровье было въ одинаковомъ положеніи.

Къ 15-му стало хуже: не было аппетита и сна до самой смерти. Въ первые дни, по пріѣздѣ, онъ принималъ нѣкоторыхъ посѣтителей, а съ 18-го числа никого, кромѣ Графа Строгонова.

18-го числа приглашенъ на консилиумъ г. Пироговъ вмѣстѣ съ прежними врачами, и—странно—болѣзнь найдена не совсемъ опасною.

20-го, во второй разъ пріѣзжалъ г. Пироговъ и былъ консилиумъ, вслѣдствіе чего приложена больному другая мушка. Но онъ не чувствовалъ себя лучше и говорилъ присылавшимъ узнавать о его здоровьѣ, что оно не хуже прежняго. Съ этого дня, по совѣту докторовъ, онъ проѣзжался по городу и два раза на свою дачу. Болѣзнь держалась въ одинаковомъ положеніи. По временамъ только бывали скоропреходящіе обмороки. Вообще въ это время онъ былъ въ самой свѣжей памяти и совершенно-свѣтломъ умѣ, но въ постоянномъ самоуглубленіи и молитвенномъ расположеніи духа; весьма мало говорилъ; рѣчь его была кратка и отрывиста; взоръ вопрошающій и умиленный; нерѣдко видали его молящимся, колѣнопреклоннымъ: тогда онъ, отъ полноты сердца зывалъ: «Боже буди милостивъ мнѣ грѣшному! Помилуй меня, Господи, помилуй меня по великой твоей милости». Не разъ за нѣсколько дней до смерти проговаривалъ окружающимъ: «Такой болѣзни у меня не бывало; можетъ быть, я умру». Или: «все что-то плохо; кажется, я умру». Или «Я умру». Весьма рѣдко прилегалъ, а всегда почти, дни и ночи,—или ходилъ тихо по комнатамъ или сидѣлъ, склонивши нѣсколько

голову на грудь, часто съ закрытыми глазами, блѣдный, изнеможенный. Занятій не оставлялъ: слушалъ чтеніе книгъ, и преимущественно проповѣдей Преосвященнаго Митрополита Московскаго, Филарета; читалъ очеркъ жизни Митрополита Платона; пересматривалъ и исправлялъ, приготовленную еще до болѣзни, службу Священномученикамъ Херсонскимъ. Иногда, сидя за письменнымъ столомъ на лоскуткахъ бумаги слабою рукою писалъ молитвы и стихи изъ псалмовъ Давидовыхъ. Тогда, и вообще во все время болѣзни, продолжавшейся ровно мѣсяць,—со всѣми былъ ласковъ, добръ, тихъ, и ко всѣмъ внимателенъ необыкновенно.

Больше всего озабочивали его дѣла Болгарскія. Почему не разъ въ болѣзни принималъ къ себѣ Члена Одесскаго Болгарскаго Общества Палаузова и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ. Судьба новоустраиваемой придунайской пустыни Священномученика Оеарапонта также сильно занимала Архипастыря; заботясь о ея благоустройствѣ, 20 числа вечеромъ онъ распорядился командировкою меня въ Молдавію. «Что, на смотрѣлся ли на своего сына? Такъ, поѣзжай опять, другъ мой, на Дунай. Видишь, я не могу самъ этого сдѣлать, какъ бы хотѣлось и какъ бы нужно было. Читалъ Синодальные указы объ этомъ?—Хорошо; по смыслу ихъ, и по моимъ замѣчаніямъ, осмотрѣвъ снова все тамъ, сообрази, что и какъ сдѣлано, что подлежитъ сдѣлать, и какъ лучше и какими удобнѣе средствами... Скажи отъ меня поклонъ и спасибо Почтмейстеру въ Галацахъ. Прекрасный человекъ. Пусть потрудится во славу Божию и ради пользы братіи. Узнай отъ него—что и какъ наша церковь въ Галацахъ? Да не забудь сказать ему, что о немъ думаютъ и хлопчутъ.... Но.... я немогу говорить много... грудь тяжело—болитъ, увидишь самъ. Прійди же завтра, отправишься къ Графу Строгонову; ему говорено обо всемъ». На другой день я нашелъ Владыку тихо прохаживающимся по залѣ. «Идешь къ Графу»?—Иду, Преосвященнѣйшій Владыко. «Поди же сюда въ (кабинетъ). Вотъ

ему записка» (собственноручная.) По этой записке немедленно мнѣ выданъ былъ заграничный паспортъ и все нужное, для путешествія. Когда потомъ я доложилъ Его Преосвященству о своей готовности къ дорогѣ, онъ сказалъ: «да, хорошо ли теперь? вѣдь, у васъ свадьба, да и Нацвалову обѣщано освятить церковь. Онъ ждетъ. Сдѣлай уже сперва это. А, хорошій онъ человекъ—Нацваловъ то—а? Какой усердный къ церкви—рѣдкость! Такихъ людей надобно намъ беречь. Поздравь его отъ меня съ окончаніемъ Св. дѣла; очень радъ». Тутъ Владыка сѣлъ, за письменный столикъ, въ кабинетъ, и продолжалъ: «Хорошо». А потомъ и на Дунай. Такъ вѣрно это—не опоздаешь? ну, съ Богомъ». Благословляя меня, кивнулъ не много головою и опустилъ ее на грудь, закрывши глаза. Дойдя до дверей кабинета, я оглянулся: Владыка былъ въ томъ же положеніи. Тяжело было у меня на сердцѣ: Увы,—какъ оказалось,—это было послѣднее мнѣ благословеніе Архипастыря и Отца, это было прощанье мое на вѣки съ тѣмъ, къ кому, въ продолженіи 16-ти лѣтъ, съ дѣтскою преданностію обращено было мое лице и сердце.. Возвратившись изъ путешествія (28 числа) я нашелъ только гробъ его, оплакиваемый осиротѣвшею паствою.

Далѣе передаю, что говорили другіе.—За нѣсколько дней до смерти, покойный Архипастырь сдѣлалъ распоряженіе своимъ деньгамъ—въ Михайловскій монастырь на сиротъ, въ Крымскіе скиты, родственникамъ и служащимъ при немъ; а находящееся въ печати сочиненіе свое: «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» собственноручнымъ предложеніемъ завѣщалъ Попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія и канцелярскимъ служащимъ Коненсторіи, объ обезпеченіи конхъ постоянно заботился отечески.

Всѣ послѣдніе дни лѣчился неохотно.

24-го числа призвалъ пѣвчихъ, обласкалъ ихъ, обѣщая наградить всѣхъ деньгами, и заставлялъ пѣть: «Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твои». «Пойте Богу нашему, пойте

Царевнѣ». «Благообразный Іосифъ». «Величитъ душа моя Господи». «Взбранной воеводѣ побѣдительная». И «Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ Твоимъ», воскресный тропарь.

25-го числа съ утра до 3 часовъ по полудни пробылъ на своей дачѣ; приказалъ отслужить вселепскую паннихиду, что особенно подѣйствовало на благорасположеніе его духа; осматривалъ садъ и хозяйство; приблизившись въ саду къ работавшимъ штатнымъ служащимъ, ласково сказалъ имъ; Боже поможи, хлопцы. Читалъ корректуру печатаемаго сочиненія: «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя» Долго бесѣдовалъ съ своимъ духовникомъ отцемъ Герасимомъ, котораго изъ Крыма привезъ сюда. По возвратѣ въ городъ, останавливался противъ собора, и, крестясь, долго смотрѣлъ на него; дома принималъ Графа Строгонова, бесѣдовалъ съ нимъ около часу, и между прочимъ о великости праздника Святой Троицы: любимѣйшій предметъ его. «Это—вѣнецъ христіанскихъ торжествъ,» повторялъ онъ не разъ,—то же, что свѣтлый куполъ въ величественномъ зданіи. Полна душа моя симъ высочайшимъ торжествомъ христіанства: говорю, бывало, о немъ сколько угодно, не готовясь; говорю и—потокъ неудержимой рѣчи самъ собою льется; говорю и не наговорюсь.. Объ этомъ же бесѣдовалъ и съ Княгинею Воронцовой, посѣщавшей его въ болѣзнь. Въ этотъ день онъ приказывалъ одному изъ келейниковъ читать канонъ и всю службу съ акаѳистомъ Святой Троицы. Услышавъ соборный звонъ ко всепощной, задумчиво сказалъ крестясь: «Это—на паннихиду; сегодня вселепская паннихида». Послѣ всепощной разговаривалъ, на балконѣ, съ Преосвященнымъ Выкаріемъ, рекомендовалъ ему гдѣ по дорогѣ въ Петербургъ останавливаться, и просилъ приготовить для него особое помѣщеніе въ Іерусалимѣ, когда, Богъ дастъ, тамъ будетъ.

Къ вечеру ему стало хуже. Между прочимъ онъ велѣлъ тогда выпустить изъ кѣтокъ всѣхъ птичекъ, на волю. Въ 11

часовъ ночи былъ съ нимъ сильный и тяжкій обморокъ, продолжавшійся болѣе часа. Къ этому времени поспѣшили медики. Пришедши въ себя, онъ тихо благодарилъ ихъ за участіе, но говорилъ, что у него ничто не болитъ. Медики удалились, прописавъ нужную ванну и какую-то микстуру, послѣ которой онъ не разъ просилъ пить. Последніе два съ половиною часа провелъ въ безпокойствѣ; но, какъ и прежде, въ совершенно-полномъ умѣ и умирительно-молитвенномъ расположеніи духа; прилегалъ, постоянно перемѣняя мѣсто и заботясь о томъ, чтобы ухаживавшіе за нимъ келейники отдыхали тутъ же, при немъ; приказалъ приготовить себѣ постель, изъ свѣжаго сѣна, на полу, въ гостинной. Подъ праздникъ Троицы онъ нѣмѣлъ прежде обычай спать на зеленой травѣ также, какъ въ 12 часовъ ночи, предъ Богоявленіемъ, при пѣніи тропаря: «во Иорданѣ крещающуся тебѣ Господи»; — почерпая воду изъ источника, которую потомъ хранилъ и раздавалъ другимъ. Уже свѣтало: часъ былъ пятый въ началѣ Праздникъ Святой Троицы. (26 Мая) Владыка привсталъ, набожно перекрестился нѣсколько разъ, прошелся тихо по комнатамъ, поддерживаемый келейниками, взглянувъ на свѣтъ начинающагося дня, и бросая внимательный тревожный взоръ на окружающіе предметы; при этомъ умиленно сказалъ: «Господи, какой день»!.. Потомъ приказалъ положить себя на сѣно; перемѣнялъ нѣсколько разъ положеніе, и наконецъ, склонившись на грудь, сказалъ два раза: «а, вотъ этакъ хорошо». Потомъ сказавъ поспѣшно: «Скорѣе — поднимите меня» и на рукахъ двухъ келейниковъ, колѣнопреклоненный, незамѣтно скончался.

Протоіерей Андрей Логиновскій.

Одесса. Іюнь,
1857 года.

КОНЧИНА ИННОКЕНТІЕВА.

(Изъ Одесскаго Вѣстника).

Господи! Да за что же прогнѣвался Ты на насъ такъ жестоко? Чѣмъ согрѣшили мы предъ Тобою паче всякой мѣры? Скоро ли перестанешь Ты казнить насъ, и такъ уже ходящихъ въ сѣни смерти?

Мая 26-го въ пятомъ часу утра, скончался въ Одессѣ, послѣ кратковременной болѣзни, на 57 году отъ роду Высокопреосвященный Иннокентій.

Но что же? это архіерей, богословъ, витія....

Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія, — это великій гражданинъ Русскій, котораго душа отзывалась на всѣ вопіющіе вопросы отечества, котораго сердце болѣло всѣми его ранами, котораго умъ занятъ былъ постоянно мыслями объ ихъ исцѣленіи, который готовъ былъ всегда жертвовать ему своею жизнью.

Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія — это другъ человечества, который горячо желалъ ему вездѣ законнаго преуспѣянія, въ духѣ Христовой вѣры, который, въ минуту сомнѣній и колебаній, возвышалъ одинъ громозвучный свой голосъ за угнетенныхъ Славянъ на востокъ, и осѣлался

предрѣчь имъ свободу, который возбуждалъ участіе къ ихъ бѣдствіямъ, казнилъ стыдомъ равнодушныхъ.

Нѣтъ, это не только архіерей, богословъ, витія — это братъ, пылавшій любовью къ меньшей братіи, принимавшій живое участіе въ ея скорбиной долѣ, призывавшій всѣхъ существовъ своимъ ея возрожденіе, провидѣвшій въ немъ, съ радостнымъ біеніемъ сердца, зарю новыхъ, славныхъ судебъ.

Иннокентій былъ государственный человѣкъ, который въ затруднительныхъ обстоятельствахъ всегда могъ подать благой совѣтъ и указать на новыя стороны вопроса.

Иннокентій былъ просвѣщенный человѣкъ, стоявшій съ вѣкомъ паравнѣ, для котораго въ области познаній не было ничего незнакомаго, которому геологія была также близка, какъ гомилетика, и анатомія, военное некуство, политическая экономія, пзвѣстны паравнѣ съ патристикою.

Иннокентій дѣлалъ столько же, сколько говорилъ: при первомъ извѣстіи о вражескомъ нападѣніи на Крымъ, онъ полетѣлъ туда чрезъ всѣ опасности благословить Русское войско на святыя подвиги и одушевить вѣрою, столько еще въ немъ сильною, и многимъ неизвѣстною. Иннокентій, въ Одессѣ, осыпавый бомбами и ядрами, совершалъ безтрепетно богослуженіе страстной субботы, около соборнаго храма подъ выстрѣлами непріятельскаго флота, и удержалъ съ собою цѣлый народъ на священной стражѣ.

Иннокентій являлся на всѣхъ бастіонахъ, во всѣхъ лагеряхъ, во всѣхъ больницахъ, и не упускалъ ни одного случая, въ продолженіи роковыхъ трехъ лѣтъ, чтобъ возбуждать вездѣ духъ, разносить всюду слова жизни, надежды и вѣры.

И такого человѣка лишиться въ то время, когда людей, говорить, нѣтъ!

Господи! Неужели мы еще мало умалились, неужели мы еще не довольно обвиняли, неужели мы еще не глубоко упали? Или Ты опредѣлилъ въ верховномъ совѣтѣ Своемъ, чтобъ всѣ мы, подобно несчастнымъ Израильтянамъ, родившимся въ Египтѣ, перемерли въ пустынь, недостойные узрѣть землю обитованную? Или Ты хочешь самъ совершить чудо спасенія нашего, — чтобъ никто не смѣлъ помышлять о своемъ ничтожномъ содѣйствіи, — и потому лишаешь насъ послѣднихъ свѣточей, которые проливали какіе-то слабые лучи въ густой непроницаемой тьмѣ, насъ облегающей?

О люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха,
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается сѣтной и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣнѣхъ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленіе!

Эти стихи Пушкина невольно вспали мнѣ на умъ, когда я писалъ о кончинѣ Иннокентія: именно незамѣченный, непризнанный, неоцѣненный, прошелъ онъ передъ нами! Близорукіе, мы думали, что Иннокентій только красно говоритъ, точно какъ мы думали о Пушкинѣ, что онъ только стихи бойко пишетъ!

Впрочемъ, даже этимъ низшимъ, очевиднымъ его достоинствамъ, не воздали должной чести сѣтые, грубые и жесткіе современники! Въ журналахъ нашихъ, навязывающихъ намъ въ каждомъ номерѣ по новому, пріятному своему гению, въ журналахъ нашихъ, въ продолженіе двадцатилѣтней слишкомъ

дѣтельности Иннокентіевой, вы не найдете двухъ страницъ о его сочиненіяхъ. Обильныя образцами высокаго краснорѣчія, и примѣрами ораторскихъ движеній, новыхъ и сильныхъ, составляющія сокровище Русской словесности и Русской науки, сокровище Христіанскаго міра всѣхъ исповѣданій, драгоцѣпныя сочиненія Иннокентія пройденны молчаніемъ отъ современной критики. А находились еще и такіе легкомысленные, опрометчивые судьи, которые за то или другое слово, вырвавшееся у вѣтинъ въ потокъ неукротимой рѣчи, за какое нибудь общее мѣсто, проскользнувшее по привычкѣ, за неосторожное изреченіе, которое можно растолковать въ худую сторону, произнесли Иннокентію приговоръ осужденія, забывая всѣ его дѣла, всѣ его заслуги, труды, достоинства, всѣ доказательства благороднаго взгляда на жизнь.

Но неужели Иннокентій не имѣлъ недостатковъ и пороковъ? Я терпѣть не могу безусловныхъ панегириковъ, и не вѣрю съ земное совершенство, слѣдуя Апостолу Павлу, сказавшему, что всякій человѣкъ есть ложь, и псаломѣвцу Давиду, воскликнувшему: аще Ты, Господи, изриши, то кто постоитъ! Иннокентій, какъ всѣ мы грѣшные люди, имѣлъ вѣроятно свои пороки и недостатки: я не говорю объ нихъ потому только, что ихъ не знаю: случайно, въ продолженіе нашей двадцатилѣтней дружеской съ нимъ связи, представлялся мнѣ онъ съ одной своей свѣтлой стороны, и производилъ во мнѣ всегда то впечатлѣніе, которое въ слабыхъ чертахъ передалъ я выше. Темная, отрицательная его сторона осталась для меня такимъ образомъ неизвѣстною. Пороки и недостатки Иннокентіевы могли относиться къ его званію, къ привычкѣ властвовать, къ заведенному порядку — желательнѣе, чтобъ всѣ они были скорѣе оглашены, тщательно изслѣдованы и безпристрастно осуждены, да, читая ихъ, сми-

ряемся мыслию, какъ слаба человѣческая природа, самая высокая, — да, читая ихъ, наиздаемся, какъ осторожна и внимательна должно быть человѣку въ наблюденіи за собою, если и самые избранные, надѣленные Божьими дарами, такъ легко увлекаются и такъ скоро падаютъ! Высокая душа Иннокентіева вѣрно сама будетъ рада такому обнаженію, чтобъ расчесться вѣрнѣе съ своими современниками, и не получить отъ земли ничего лишняго, а расчетъ съ небомъ у всякаго особой, егже никто исповѣсть до Страшнаго суда Божія.

Друзьямъ Иннокентія слѣдовательно нечего опасаться за его славу, за его память: какъ бы ни были велики его проступки, если были, — у него много останется еще въ запасѣ достоинствъ, за которыя должно будетъ намъ поминать имя его съ благодарностію во вѣки вѣковъ.

Прости нашъ незабвенный Иннокентій! Да останутся эти бѣдныя, стѣсненныя... строки, на одрѣ тяжелой болѣзни, изъ глубины сердца слезами съ кровію написанныя, свидѣтельствомъ, хоть предъ немногими внимательными, моего искренняго къ тебѣ уваженія, и горячей любви.

М. Погодинъ.

4-го Юня.
1857.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИННОКЕНТІИ,

АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКОМЪ И ТАВРИЧЕСКОМЪ.

26-е Ноября, день твоего ангела, незабвенный мой наставникъ! Жители Одессы уже не придутъ къ тебѣ въ этотъ день съ обычными поздравленіями, а безъ сомнѣнія, соберутся въ тотъ храмъ, гдѣ почиваетъ твой прахъ, совершать по тебѣ должное поминовеніе. И такъ, вотъ гдѣ предѣлъ твоего земнаго странствованія и мѣсто покаянія!!! Елецъ былъ твоею колыбелью; въ немъ ты родился и впервые узрѣлъ свѣтъ Божій. Предчувствовали твои родители высокое твое назначеніе?...

Съ благоговѣніемъ припоминаю, что мнѣ извѣстно о моемъ незабвенномъ наставникѣ, припоминаю въ день ангела его, и этимъ самымъ желаю хоть нѣсколько почтить его память.

Въ 1833 г. поступилъ я въ Кіевскую Академію, будучи вдовцемъ, изъ священниковъ *). Въ Кіевѣ, помню, пріѣхалъ 12-го Августа; остановился на Подолѣ, близъ Братскаго мона-

*) Родомъ я изъ Курской губерніи, Путивальскаго уѣзда, сынъ священника села П.... Въ міръ вменовался Васи́лемъ; постриженъ въ монашество въ Кіево-братскій монастырь самимъ покойнымъ Преосвященнымъ, въ 1834 г. Апр. 7-го, и наименованъ Іоаса́фомъ.

стыря. На завтра утромъ пошелъ въ академію, отыскалъ своихъ земляковъ—студентовъ академіи, поступившихъ уже въ высшее отдѣленіе. Они приняли меня, спасибо, какъ нельзя лучше, радушно; указали, къ кому я долженъ прежде всего явиться. По ихъ совѣту, я сперва представился Инспектору Академіи Іереміи *). Инспекторъ обошелся со мною весьма благосклонно. Приказалъ перебраться мнѣ въ академію, указавъ комнату въ новомъ корпусѣ **); гдѣ я и прожилъ четыре года въ продолженіе всего академическаго курса.

Меня на первыхъ порахъ удивила какая-то особенная точность и исправность въ распоряженіяхъ со стороны академическаго начальства. Едва я перебрался въ академію, какъ уже нашелъ въ своей комнатѣ желѣзную койку, тюфякъ съ двумя подушками, чистую простыню и новое шерстяное одѣяло, столъ, шкафъ и два стула. Смотря на все это, я какъ-то воодушевился; прошелъ, по-видимому, и тотъ страхъ, что я пріѣхалъ въ академію не въ гости, а учиться послѣ шестилѣтняго моего вдовства, взялся опять за книги, сѣсть на академическую скамью вмѣстѣ съ моими товарищами, молодежью, только что кончившею курсъ семинарскихъ наукъ, и слушать лекціи профессоровъ академіи. Все это очень хорошо. А экзаменъ? невольно подумалъ я, (удивительно, какъ это иногда совсемъ нехотати приходятъ на умъ такія мысли!). Вѣдь, чтобъ быть студентомъ академіи, продолжалъ думать я, сперва надо выдержать экзаменъ.

Здѣсь профессеры и бакалавры не то, что семинарскіе наставники, а главное—здѣсь Иннокентій.... Представивъ все это себѣ живо, я, признаюсь, порядочно струсилъ. Началъ ходить по комнатѣ въ большомъ раздумѣ, и наконецъ остановился

*) Это бывшій Нижегородской Преосвященный, проживающій нинѣ на покой въ Нижегородскомъ Печерскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

**) Это былъ въ мое время особый номеръ для монашествующихъ студентовъ, угловой, въ нижнемъ этажѣ, обращенномъ къ небольшому академическому саду.

на той мысли: ужъ не возвратится ли мнѣ домой? Вдругъ входитъ въ мою комнату служитель отъ инспектора съ приказаніемъ, чтобъ я шелъ къ ректору. Услышавъ такое повелѣніе, я какъ-то опять ободрился, преспокойно одѣлся, перекрестился и пошелъ. Что будетъ, то будетъ. По крайней мѣрѣ я хоть тѣмъ буду счастливъ, что увижу *геніальнаго челоѣка*, увижу, запечатлѣю его образъ, и уйду.

Вотъ ужъ я въ комнатѣ отца ректора. Челоѣкъ доложилъ обо мнѣ, отворилъ залу, и я вошелъ. Изъ угловой комнаты, это въ родѣ гостиной въ покояхъ настоятельскихъ *), вышелъ Иннокентій въ рясахъ, безъ камилавки, подошелъ ко мнѣ, и быстро посмотрѣлъ. Я, впрочемъ, отъ этого ни сколько не смутился, потому что во взорѣ его выражалось что-то особенно доброе. Поклонившись, я подошелъ къ рукѣ, поцѣловалъ его руку, а онъ мою. Не могу въ точности объяснить своихъ при этомъ чувствованій. И страхъ, и уваженіе, и любовь попеременно волновали мою душу. Боже мой! подумалъ я: и этотъ челоѣкъ не пренебрегъ мною, сельскимъ священникомъ, поцѣловалъ мою руку!....

Иннокентій сталъ въ нѣкоторомъ отъ меня отдаленіи. Склонивъ голову на лѣвую сторону, и заложивъ руки въ карманъ, онъ повелъ со мною слѣдующую рѣчь:

«Давно ли вы овдовѣли?»—«Въ 32-мъ году».—«Сколько лѣтъ жили въ супружествѣ?»—«Шесть лѣтъ».—«Дѣти есть у васъ?»—«Два сына малютки, старшему третій годъ, меньшому другой годъ пошелъ». — «Гдѣ же они теперь?»—«Въ домѣ моихъ родителей».

Тутъ онъ помолчалъ нѣсколько, прошелся по комнатѣ, потомъ, обратясь ко мнѣ, опять завелъ разговоръ.

«Ко мнѣ писали объ васъ Курскій Преосвященный Илію-

*) Покойный Преосвященный былъ ректоромъ академіи и вѣдѣлъ настоятелемъ Братскаго монастыря.

доръ и ректоръ семинаріи Елпидифоръ *). Да, фамилія ваша Гапоновъ. Не братъ ли вамъ Иванъ Ивановичъ Гапоновъ, учившійся въ здѣшней академіи?»—«Братъ двоюродный». — «Я помню его очень хорошо **). Какъ онъ поживаетъ?»—«Хорошо, слава Богу».—«Вы въ первый разъ въ Кіевѣ?»—«Въ первый».—«Подите къ вашимъ землякамъ, старшимъ студентамъ, и попросите ихъ, чтобъ они сводили васъ въ лавру; побывайте въ пещерахъ, помолитесь Кіевскимъ Святыхъ Угодникамъ. Комнату вамъ указали?»—«Указали».—«Хорошо, такъ пока отдыхайте себѣ; познакомьтесь съ Кіевомъ. Это городъ, въ полномъ смыслѣ историческій. Въ немъ есть чему поучиться. Съ Богомъ!»

Вотъ первое мое свиданіе съ покойнымъ Преосвященнымъ Иннокентіемъ. Въ это время онъ былъ еще архимандритомъ.

Я опять поцѣловалъ его руку, а онъ мою. Тутъ ужъ я не утерпѣлъ, у меня навернулись слезы; но я старался скрыть это, скоро поклонился, и вышелъ изъ залы.

Отъ ректора пошелъ я прямо въ старый корпусъ, къ своимъ землякамъ. Увидѣвъ меня, они спросили съ какимъ-то бизпокойствомъ въ одинъ голосъ: «Что это, ты, кажется, чѣмъ-то растревоженъ?»—«Господи!» отвѣчалъ я: «я видѣлъ *челоѣка*.... и, больше вамъ ничего не скажу. Пойдите въ лавру; познакомьте меня съ Кіевомъ—вотъ его приказаніе!»

22-го Августа, въ день коронаціи покойнаго Государя Императора, Иннокентій, по назначенію, долженъ былъ сказывать проповѣдь въ лаврѣ. Старшіе и вновь прибывшіе студенты—все мы отправились въ лавру посмотрѣть и послушать проповѣдника, о которомъ, еще бывши на родинѣ, я слышалъ такъ много и плѣнился разсказами о немъ. Лаврская Успенская церковь была полна народу. Литургію совершалъ

*) Нынѣшній Вятскій Преосвященный.

**) Покойный Преосвященный былъ 1-го курса Кіевской академіи, а братъ мой 2-го: оттого онъ и помнилъ его очень хорошо.

покойный Митрополитъ Евгеній. Въ половинѣ обѣдни прибылъ въ церковь наставитый старецъ, Фельдмаршалъ Графъ Сакенъ, со всѣмъ своимъ генералитетомъ. У насъ, новичковъ-студентовъ, зарябило въ глазахъ при видѣ такого блистательнаго собранія. Кончается обѣдня. Причастенъ пропѣтъ наскоро. Поставленъ аналогій. Выходитъ изъ алтаря проповѣдникъ—Инокентій въ мантіи и въ клобукѣ, держа въ рукѣ проповѣдь, свернутую въ трубку (кстати замѣтимъ: онъ и не развертывалъ ея). Фельдмаршалъ сѣлъ въ кресло, прильнувъ нѣсколько головой къ рѣшеткѣ. Проповѣдь была изъ текста: *Видѣна шестоя Твоя, Боже, и проч.* Лишь произнесенъ былъ текстъ, какъ всѣ находившіеся въ храмѣ обратились въ слухъ и во вниманіе. Мы замѣтили перемѣну въ лицѣ проповѣдника: оно сдѣлалось какъ-то свѣтлымъ и болѣе привлекательнымъ.

Кому теперь не извѣстна эта проповѣдь! Но надобно было видѣть, какъ онъ произносилъ ее. По видимому, все было такъ просто, безъ всякихъ изысканностей со стороны проповѣдника. Но эта простота была удивительна! Голосъ у проповѣдника звучный, пріятный; приемы самые скромные, приличные. Содержаніе проповѣди, въ полномъ смыслѣ, торжественное, блистательное. Однимъ словомъ: въ проповѣдуемомъ все гармонично, все соотвѣтствовало одно другому какъ нельзя лучше. Когда проповѣдь кончилась, Сакенъ всталъ и поклонился проповѣднику.

23-го Августа начался экзаменъ вновь прибывшимъ студентамъ, и продолжался до 28-го числа. 31-го Августа, намъ, новичкамъ, приказано было въ десять часовъ утра собраться въ академической залѣ, чтобы услышать рѣшеніе, кто какъ оказался по экзамену. Десять часовъ пробило. Ректоръ, въ сопровожденіи всѣхъ академическихъ наставниковъ, вошелъ въ залу. По прочтеніи молитвы, секретарь правленія академіи прочиталъ списокъ студентовъ, признанныхъ способными слушать курсъ академическаго ученія. Инокентій подошелъ къ намъ, и сказалъ: «Поздравляю васъ, господа,

студентами академіи. Богъ дастъ, мы покороче познакомимся съ вами». Нечего и толковать, что каждый изъ насъ отъ такого лестнаго привѣтствія выросъ, какъ говорится, на цѣлый вершокъ.

Съ 1-го Сентября началось у насъ ученіе обычнымъ порядкомъ. Гг. наставники прецедуро стали надѣлять насъ каждый Божій день листиками, тѣсно написанными то на Русскомъ, то на Латинскомъ языкѣ. Успѣвай только списывать. Эти лекціи по разнымъ предметамъ, преподаваемымъ въ низшемъ отдѣленіи, какъ то: по философіи *), эстетикѣ, всеобщей гражданской исторіи. Въ добавокъ къ лекціямъ, каждую недѣлю надлежало написать что нибудь на данный вопросъ. Не требовалось, правда, чтобы писали много, за то непременно требовалось сочиненіе дѣльное **). Предъ концемъ перваго сентябрьской трети, довольно трудной для новичковъ-студентовъ, бываютъ экзамены. Опять экзамены!... Дѣло прошлое, а помнится очень хорошо, что какъ посмотришь, бывало, на груду лекцій, такъ право, и сердце-то сжималось, и голова кружилась, и въ глазахъ темнѣло. Старшіе студенты, впрочемъ, старались ободрять насъ, что экзаменовъ бояться нечего, что сбыть ихъ съ рукъ всего легче, и что далѣе, по ихъ словамъ, экзаменное время сущій праздникъ для студентовъ ***). Наконецъ дежурный (изъ старшихъ студентовъ) объявилъ намъ, что завтра, т. е. 20-го Декабря, начнутся экзамены по низшему отдѣленію, что отецъ ректоръ строгаго приказалъ не брать съ собою ни книгъ, ни тетрадокъ, а идти

*) Такъ какъ философія состоитъ изъ разныхъ частей, то ее преподавали намъ на первой трети вдругъ три наставника: Иванъ Мих. Протоіерей Скворцовъ *метафизику*, Василій Никол. Карповъ *эмпирическую психологію*, о. Алексій Шокотовъ (нынѣшній Уфимскій и Оренбургскій Преосвящ. Антоній) *исторію системъ философскихъ*.

**) Сверхъ того, ректоръ, съ своей стороны, назначалъ намъ проповѣди на воскресные и праздничные дни.

***) По крайней мѣрѣ нынѣ въ это время готовится такая, какава бываетъ только по праздникамъ.

на экзаменъ такъ себѣ, просто-за-просто. Тутъ кто-то изъ насъ дополнилъ рѣчь дежурнаго: значить, идти, словно въ гости? — «Ну, да», подтвердилъ дежурный.

Экзаменъ начался, и что же? Оказалось, что экзаменованы-то были не мы собственно, а Гг. наставники. Мы только были зрителями да слушателями. Вотъ какъ это бывало: студентъ, обыкновенно, выходилъ къ столу, бралъ билетъ съ известнымъ номеромъ, какой попадался, объявлялъ его содержание; по спросу наставника, начиналъ излагать самый предметъ, но не успѣвалъ онъ еще произнести двухъ, трехъ словъ, какъ вдругъ ректоръ прерывалъ его рѣчь: «Довольно, хорошо». Бывало скажетъ онъ: «Это ваше классическое дѣло. А вотъ лучше разрѣшите мнѣ напр., этотъ вопросъ». Студентъ думаетъ, собирается съ мыслями, какъ бы отвѣтить получше *). Выходило, однако же, на повѣрку всего чаще, ни то, ни се. Тогда ректоръ обращался къ наставнику; начинался споръ; возраженіе за возраженіемъ — любо, бывало, слушать! Мы въ восторгѣ. Но бывало и то, что какъ захочетъ покойный Преосвященный, такъ на вопросъ, имъ предложенный, хотя по видимому и трудный, отвѣтитъ удовлетворительно и студентъ, и наставникъ. Какъ это дѣлалось у него, мы никакъ не могли себѣ растолковать. Въ противномъ же случаѣ ни тотъ, ни другой ничего не скажутъ; за то ужъ самъ, бывало, разрѣшитъ вопросъ ловко, умно, превосходно. И вотъ въ чемъ состояли наши, такъ называемые, частные экзамены! Продолжались они, обыкновенно, не болѣе трехъ часовъ. И чего же, бывало, не наговорить въ столь короткое время незабвенный нашъ ректоръ! Какихъ истинъ не сообщитъ!... Онъ былъ и философъ, и психологъ, и фیزیологъ, и богословъ, и историкъ.

Покойный Преосвященный имѣлъ необыкновенный даръ слова, память обширную, разумъ здравый, взглядъ на вещи

*) Любилъ покойный Преосвященный, если кто на вопросъ его отвѣчалъ скоро хоть бы-то и не совсѣмъ удовлетворительно.

глубокій, быстрый и всегда мѣткій. Его мысли какъ будто мысли были всего человѣчества: тотчасъ видишь, что это такъ. У него, кажется, всякій предметъ обдуманъ былъ со всѣхъ сторонъ какъ нельзя лучше. Оттого онъ не читалъ, а говорилъ намъ лекціи *), или объяснялъ Св. Писаніе **) всегда экспромтомъ.

Никогда не забуду его манеры. Надобно замѣтить, что въ то время, когда покойный Преосвященный говорилъ лекціи, онъ часто хаживалъ въ классъ, раза три, четыре въ недѣлю; ходилъ всегда около половины десятаго утра. Нужно ли говорить, что чѣмъ чаще приходилъ онъ, тѣмъ болѣе было для насъ интересно?

Вотъ скоро, господа, половина десятаго, скажетъ ктонибудь изъ насъ. Отецъ ректоръ прійдетъ сейчасъ; садимте по мѣстамъ. Сѣли, пріутихли въ пріятнѣйшемъ ожиданіи своего незабвеннаго наставника. Идетъ, говорятъ. Дверь отворена, входитъ. По прочтеніи молитвы, поклонится намъ на обѣ стороны; мы отвѣтимъ ему тѣмъ же. «Садитесь, господа!» Сѣли. Раза два, три пройдетъ по классу въ какой-то глубокой задумчивости. Потомъ подойдетъ къ кому-либо изъ студентовъ, возьметъ тетрадку, свернетъ ее въ трубочку, или сложитъ какъ ни попало (онъ будетъ держать ее въ рукѣ такъ, просто, или мять). «Мы», начнетъ бывало: «вчера остановились на такомъ-то предметѣ; продолжимъ его теперь и обозримъ, сколько можно, со всѣхъ сторонъ. И такъ въ первыхъ» (это значить, дѣло начато). Ходитъ по классу, садится рѣдко, а рѣчь у него такъ и льется, словно рѣкой. Если бъ кто сталъ за дверью и прислушался, навѣрное подумалъ бы, что читается книга, написанная самымъ прево-

*) Излагалъ догматическое богословіе и часть практическаго. Это слушали мы уже въ высшемъ отдѣленіи академіи.

**) Это бывало по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ предъ обѣдой. Студенты обѣихъ отдѣленій сходились въ академическую залу. Кончивши объясненіе, покойный Преосвященный шелъ въ церковь, и совершалъ литургію.

сходнымъ слогомъ — тогда, какъ въ самой вещи говорилось свободно. Нужны ли, напр. тексты изъ Св. Писанія для подтвержденія истины? Вотъ они, нерѣдко съ подробнымъ истолкованіемъ. Или историческое начало извѣстной истины? Укажетъ и его, и проведетъ по вѣкамъ. Мнѣнія ли отцевъ Церкви? Представитъ и ихъ и произнесетъ на Латинскомъ, или на Греческомъ языкѣ *).

Въ-четвертыхъ.... (это значить, предметъ обозрѣнъ уже съ трехъ сторонъ). Но вотъ даютъ колокольчикъ. Какая досада! Истинно бывало пожалѣешь, что такъ скоро летитъ время. Кажется, слушалъ бы до вечера **).

Послѣ обѣда сойтись въ кружокъ и разсуждать о томъ, что говорено было ректоромъ поутру—было любимымъ занятіемъ для студентовъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о покойномъ Преосвященномъ, какъ о проповѣдникѣ. Я былъ такъ счастливъ, что въ теченіе всего академическаго курса, былъ слушателемъ многихъ изъ его проповѣдей. Такъ при мнѣ говорены были проповѣди въ Страстную и Свѣтлую Седмицу, на нѣкоторые двенадцатые праздники и на другіе случаи.

Помню, это было въ 1835 году, сказано была имъ проповѣдь въ Великую Пятницу. Покойнаго Преосвященнаго всегда занимало величайшее событіе въ мірѣ—это смерть Божьего человека. Оттого, всѣ поученія, сказанныя имъ на этотъ случай, не смотря на ихъ краткость, преисполнены глубокныхъ мыслей, трогательны и умиленны. Оттого, не мы одни, но

*) Покойный Преосвященный превосходно зналъ древніе языки; зналъ также и свободно читалъ сочиненія на Французскомъ, Нѣмецкомъ и Польскомъ языкахъ.

**) Въ мое время нарочно пріѣзжалъ въ Кіевъ одинъ изъ профессоровъ Харьковскаго Университета, желая послушать лекцій Иннокентія. Но Преосвященный не позволилъ ему входа въ аудиторію, потому что въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ такого обычая, какой сохраняется въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ профессоръ и ушелъ, завидуя студентамъ, что они имѣютъ счастье быть учениками столь знаменитаго наставника.

и Кіевляне, знавшіе покойнаго Преосвященнаго, какъ превосходнаго проповѣдника, лишь наступалъ Великій Пятокъ, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ желали услышать, именно въ этотъ день, его проповѣдь, и стекались въ храмъ Братскаго Монастыря въ большомъ числѣ *). И дѣйствительно, было чего послушать!

Я участвовалъ тогда, т. е. въ Великій Пятокъ, въ служеніи. Вечерняя служба отправлялась въ зимней церкви. Предъ концемъ вечерни послѣдовалъ выносъ плащаницы въ лѣтній соборъ. Народу была тма. Среди церкви, на приготовленномъ мѣстѣ (катафалкѣ), положена была плащаница. Иннокентій настоятель трижды обошелъ плащаницу съ каженіемъ. Четыре мальчика, пѣвчіе, въ траурныхъ стихаряхъ, ставъ по обѣ стороны плащаницы, пропѣли умиленно: Благообразный Іосифъ, и прочіе стихиры. Настала тишина. Взоры всѣхъ невольно обращены были на проповѣдника, въ ожиданіи отъ него чего-то особеннаго. Помню, онъ стоялъ въ это время задумчиво, склонивъ нѣсколько голову на лѣвую сторону (это была его привычка). Окинувъ всѣхъ взоромъ (о, что это былъ за взоръ! въ немъ выражалось что-то вдохновенное), онъ началъ Слово такимъ образомъ:

«Когда дѣти соберутся къ гробу отца, или подданные къ гробу владыки, то послѣ слезъ и стѣнованія первымъ дѣломъ

*) Впрочемъ у насъ въ братствѣ, при богослуженіи, въ воскресные и праздничные дни, народу всегда бывало полна церковь. Причиною тому, кромѣ проповѣдыванія, благодушная служба. Иннокентій всегда служилъ самъ-пятъ: два бакалавра монашествующихъ и два іеромонаха изъ студентовъ академіи, да три, или четыре іеродіакона, между коими были: *Димитрій* (Муретовъ), нынѣшній Херсонскій Преосвященный, и *Евсѣвій* (Ильинскій), нынѣшній Подольскій Преосвященный,—богатое облаченіе на служащихъ, построенное Иннокентіемъ, прекрасное пѣніе. Въ мое время хоръ пѣвчихъ былъ очень хорошій; состоялъ онъ изъ студентовъ академіи и мальчиковъ духовнаго увѣднаго училища. Къ намъ пріѣзжалъ Фельдмаршалъ Сакенъ собственно для того, чтобы послушать пѣвчихъ.

ихъ бываетъ узнать послѣднюю волю умершаго и пр.... *) Быть не можетъ, чтобъ Онъ (Спаситель) отошелъ отъ насъ къ Отцу, не оставивъ намъ какого либо завѣщанія. Но се, и книга завѣта на персяхъ Его! Дерзнемъ, братіе, дерзнемъ разогнуть сію священную книгу, да увидимъ и услышимъ, что *речетъ о насъ Господь*».

Сказавъ это, онъ подошелъ къ плащаницѣ, поклонился почти до земли, взявъ Евангеліе, лежавшее на персяхъ Спасителя, раскрылъ и произнесъ: «О, братіе, Онъ *речетъ миръ на люди своя*», (Псал. 84, 9), и въ подтвержденіе этихъ словъ, прочиталъ мѣста изъ Евангелія: *Миръ оставляю вамъ* и пр. (Іоан. 14, 27) и *якоже завѣща мнѣ Отецъ Мой, и азъ завещаю вамъ царство*. (Лук. 22, 29.)

Закрывъ Евангеліе, онъ сдѣлалъ обращеніе къ Спасителю: «Боже мой! къ намъ ли это завѣщаніе? Господи! памъ ли сидѣть на томъ престолѣ, на коемъ возсѣдишь Ты.... Но рцы намъ, что нужно для пріятія сего царства? Ты самъ не вдругъ восшелъ на престолъ. Быть не можетъ, чтобы намъ дано было взойти на него вдругъ». Тутъ опять раскрылъ Евангеліе и прочиталъ: *Иже хочетъ по Мнѣ ити* и пр. (Марк. 8, 34. Мат. 10, 38.)

Закрывъ опять Евангеліе и началъ: «Не легкій скипетръ для царства, но скипетръ и пр.... Но что дѣлать намъ, когда мы изнеможемъ подъ симъ крестомъ»? Опять обращеніе къ Спасителю: «Ты самъ вѣдаешь, какъ *духъ бодръ, а плоть немощна*», (Мар. 14, 38) и пр. «Куда обратиться намъ, когда изнеможемъ подъ крестомъ на пути къ царству, Тобой завѣщанному»? На этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ какъ бы отъ лица самаго Спасителя: *Да не смущается сердце ваше* и пр. (Іоан. 14, 1. 15, 5. 7. 14, 12. 16, 23. 24. 14, 13. 16, 33.)

*) Представляемъ здѣсь это слово сокращенно.

«Послѣ такихъ обѣтованій, братіе», продолжалъ проповѣдникъ: «нѣтъ мѣста опасенію и сомнѣніямъ. Завѣтъ вѣренъ: скрѣпленъ кровію, засвидѣтельствованъ небомъ и землею, принять и утвержденъ Отцемъ!» и пр. *).

Вслѣдъ за симъ закрывъ онъ Евангеліе, подошелъ къ плащаницѣ, съ благоговѣніемъ преклонился до земли, и положилъ его опять на персяхъ Спасителя.

Покойный Преосвященный всегда удивлялъ своимъ искусствомъ въ произнесеніи проповѣдей, всегда былъ увлекателемъ; но здѣсь, кажется, онъ превзошелъ самаго себя. Такъ это было трогательно! такъ поразительно! У слушателей, то струились слезы, то, по временамъ, вырывались глубокіе вздохи.

Разъ какъ-то сошлись мы въ кружокъ, и начали толковать о томъ, какъ бы научиться писать хорошо проповѣди и произносить ихъ хоть не такъ, какъ на примѣръ нашъ отецъ ректоръ, по крайней мѣрѣ порядочно. Желаніе было похвальное. Толковали, толковали, судили, рядили, и кончили, однако же, ничѣмъ, т. е. никто не могъ сказать изъ насъ ничего дѣльнаго. Случилось же такъ, и это вскорѣ послѣ нашихъ разговоровъ и сужденій на счетъ проповѣдей, что самъ покойный Преосвященный помогъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Разбирая проповѣдь одного изъ студентовъ, и находя въ ней недостатки, онъ предложилъ намъ слѣдующее наставленіе: «Чтобы сдѣлаться хорошимъ проповѣдникомъ, для этого требуется немногое. (Вотъ что? подумалъ я: а мы требовали, помнитсѣ, чего-то многого). Пишите, во-первыхъ, просто, безъ всякихъ умствованій: это не въ духѣ евангельскихъ истинъ. Видите, какъ онѣ просты и доступны для каждаго, и какъ обильны мыслями! Читаешь и не читаешься. Пишите, во-вторыхъ, не съ тѣмъ, чтобы показать себя, или, такъ сказать, блеснуть: этой мысли вы опасайтесь, иначе далеко уклонитесь

*) См. Слово Т. I, стр. 257—260. М. 1843.

лоу цѣли. Намъ нужно убѣдить, наставить, вразумить. Вотъ цѣль проповѣдника! Но, главное, вы сами должны быть прежде всего убѣжденными въ той истинѣ, какую хотите передать другимъ, а для этого нужны твердая вѣра и доброе сердце. Третіе, касательно слушателей: принимайте ихъ кто бы они ни были, не болѣе какъ за вашихъ учениковъ, и вы будете говорить смѣло и свободно; говорите, а не читайте, старайтесь говорить наизусть, и слушатели всегда останутся довольными; наконецъ, въ-четвертыхъ, помните, что исходя на среду церкви для проповѣданія, выходите какъ бы на всемірную апостольскую проповѣдь, что вы то же, что посланники Божіи. Представивъ все это, вы невольно возбоготеете предъ своимъ высокимъ назначеніемъ, и произнесете проповѣдь прекрасно».

Событія, достойныя памяти.

Въ 1834 г. 15-го Іюля былъ открытъ въ Кіевѣ Университетъ во имя Св. В. К. Владимира. Попечителемъ былъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке.—Положить твердое основаніе всякому порядку въ такомъ заведеніи, каковъ университетъ, для этого требовалось много опытности и благоразумія.

Г. фонъ-Брадке часто посѣщалъ покойнаго Преосвященнаго. Можно было тотчасъ понять цѣль и намѣреніе этого посѣщенія. Одно изъ таковыхъ посѣщеній было замѣчательно по слѣдующему разговору между попечителемъ университета и покойнымъ Преосвященнымъ. — Вы, сказалъ г. фонъ-Брадке Иннокентію, порекомендовали мнѣ законоучителя для университета, вашей академіи профессора, протоіерея И. М. Скворцова, и я вамъ очень благодаренъ. «Да», отвѣчалъ покойный Преосвященный: «это у насъ столпъ академіи *)». — «Теперь», продолжалъ г. фонъ-Брадке: «прошу васъ покорнѣе дать

*) Протоіерей Скворцовъ воспитывался въ С. Петербургской Академіи, во второмъ курсѣ, и поступилъ въ Кіевскую Академію на кафедру философіи при началѣ открытія академіи, въ 1817 году.

мнѣ еще наставника для философскаго предмета. Вообразите, какое мое положеніе: въ университетѣ, какъ вамъ извѣстно, открыто столько-то факультетовъ, и есть уже наставники, а для философскаго факультета нѣтъ. Присылали, правда, Итмещкіе доктора свои сочиненія, желая занять философскую кафедру. Созвать университета разсматривалъ эти сочиненія, и они оказались довольно неудовлетворительными». — «Это плохо», отвѣчалъ покойный Преосвященный: «видно, надобно оказать вамъ помощь и въ этомъ случаѣ. Извольте; рекомендую вамъ одного изъ нашихъ бакалавровъ, г. Новицкаго».

Пожалѣли, правда, мы крѣпко, когда узнали, что Орестъ Мариовичъ поступаетъ въ университетъ, (онъ читалъ намъ логику), но вмѣстѣ и порадовались, что г. Новицкій сдѣлаетъ честь нашей академіи *).

Замѣтили мы еще, что г. фонъ-Брадке бывалъ у насъ перѣдко въ церкви въ праздничные дни, съ нѣсколькими изъ своихъ студентовъ.—Что за цѣль? Развѣ своей церкви нѣтъ? Оказалось, что онъ пріучалъ своихъ студентовъ, какъ вести себя въ церкви. «Видите,» говорилъ онъ имъ: «какъ студенты академіи стоятъ: чинно, благоговѣйно».

Какое сильное вліяніе имѣлъ покойный Преосвященный и на университетъ!

Въ 1835 г., прѣздомъ изъ Екатеринославской губерніи, былъ въ Кіевѣ оберъ-прокуроръ Св. Синода, покойный Нечаевъ. Посѣтилъ нашу академію, и нашелъ ее въ отличномъ устройствѣ и порядкѣ. Тутъ, между прочимъ, мы имѣли удовольствіе видѣть, какъ покойный Преосвященный умѣлъ ловко и умно обращаться съ вѣншими. Нечаевъ былъ въ восхищеніи, когда, на его вопросы и разспросы, были тотчасъ готовы

*) Г. Новицкій, по назначенію Совѣта Университета долженъ былъ приготовить вступительную лекцію, и предложить ее публично въ университетской залѣ. Для этого приглашены были: покойный М. Евгеній, нашъ отецъ ректоръ и всѣ знатъ Кіевская. О. Г. Новицкій блистательно выдержалъ пробу, а мы, студенты, были отъ этого въ восторгѣ.

удовлетворительные ответы и умные рассказы. По прибытіи въ С.-Петербургъ, оберъ-прокуроръ довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія покойнаго Государя Императора, что онъ нашелъ Киевскую академію въ примѣрно-отличномъ порядкѣ, и ходатайствовалъ о наградѣ ея начальника: покойный Преосвященный въ скоромъ времени получалъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени.

Въ 1836 г. нашъ отецъ ректоръ въ С. Петербургъ, 21-го Ноября, въ день Введенія, хиротонисанъ въ епископа на Кіевское викаріатство.

Перебѣдился ли онъ хоть сколько-нибудь, когда возведенъ былъ въ святительскій санъ? Нѣтъ! онъ все былъ такой же въ отношеніи къ намъ, какъ и прежде.

Кстати, скажемъ теперь о нѣкоторыхъ чертахъ его характера.

Покойный Преосвященный, по своему темпераменту, могъ бы быть человекомъ живымъ и веселымъ; но онъ умѣрялъ свойственную себѣ веселость серьезными и учеными трудами. Оттого былъ болѣе задумчивъ, нежели веселъ. Онъ постоянно, такъ сказать, вращался въ умственномъ, идеальномъ мірѣ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, впрочемъ, былъ любезенъ до чрезвычайности. Разсказать какую-либо исторію, анекдотъ, была его страсть.

Но особенно отличительною чертою его была ученая *сообщительность*. Бывало, въ учепыхъ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей читаетъ что-либо такое, чего онъ и самъ не зналъ, а оно, по мыслямъ, прекрасное, и къ тому еще новенькое. Ужъ не утерпѣть, возьметъ книгу, придетъ въ аудиторію, и прочитаетъ это мѣсто студентамъ. Потомъ новую мысль обозрѣть со всѣхъ сторонъ, разовѣетъ ее по-своему, и мы выходимъ изъ класса съ новымъ запасомъ.

Доброта, непамятозлобіе. Бывало, пожуришь онъ кого-либо изъ насъ, а журилъ тоже ловко! Мастеръ былъ на все. Но только и гнѣву было, что на одинъ часъ. Потомъ призо-

ветъ къ себѣ дежурнаго, и спросить: «А что, такой-то студентъ скорбитъ»? — «Печаленъ, Преосвященнѣйшій Владыко!» — «Возмите жъ вотъ эту книгу (непремѣнно своего сочиненія: Страстную, или Свѣтлую Седмицу), отдайте ему и скажите, чтобы онъ былъ покоенъ, что между нами забыто все».

Прозорливость. Покойный Преосвященный имѣлъ особенную способность выбирать людей на дѣло, какъ бы собственно имъ принадлежавшее. Оттого у насъ наставники, поступившіе при немъ въ академію, отлично знали свое дѣло, потому что получали кафедру по ихъ склонностямъ.

Къ отличительнымъ свойствамъ покойнаго Преосвященнаго можно прибавить еще то, что въ домашней, собственно своей эконومی, былъ онъ до крайности щедръ и даже расточителенъ. Терпѣть онъ не могъ счету въ деньгахъ. Служитель его, или расходникъ придетъ, бывало, и доложитъ ему, что вотъ надо деньги на такіе-то и такіе расходы. Преосвященный выслушаетъ все это преспокойно, потомъ пойдетъ въ спальню, (спальня у него была вѣстѣ и кабинетомъ), возьметъ *суповую чашку* съ серебряными и мѣдными деньгами изъ-подъ постели (вотъ въ чемъ и гдѣ было у него казнохранилище!) и скажетъ: «На, вотъ, бери себѣ, сколько ты можешь взять.» А ассигнаціи у него всегда лежали подъ тюфякомъ, какъ ни попадо.

Вотъ все, что я могъ припомнить о моемъ незабвенномъ наставникѣ. Желалъ бы, чтобы всѣ мои товарищи по академіи, *)—о другихъ я не смѣю ничего сказать, **)—съ признательностью къ покойному Преосвященному, высказали и съ

*) Приношу искреннюю благодарность товарищу моему отцу ректору Серафиму. Онъ, въ своемъ надгробномъ панегирикѣ, превосходно изобразилъ все достоинство покойнаго Преосвященнаго. Завидую отцу Серафиму, что онъ только одинъ изъ моихъ товарищей имѣлъ случай пролить слезы, и высказать свои чувствованія надъ гробомъ незабвеннаго нашего наставника.

**) Учениковъ покойнаго Преосвященнаго по Кіевской академіи, было человекъ до четырехъ-сотъ.

своей стороны все то, что каждому изъ нихъ объ немъ извѣстно, и что, быть можетъ, послужило бы со временемъ матеріаломъ для составленія полнаго жизнеописанія великаго въ Русской нашей іерархіи архипастыря.

Въ 1857 году вышло въ свѣтъ мое сочиненіе «Владимирскія Достопамятности». Въ Апрѣлѣ отослалъ я одинъ экземпляръ къ покойному Преосвященному. Онъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ съ благодарностью, и когда же? за четыре дня до своей смерти. Такъ онъ помнилъ и любилъ своихъ учениковъ! А намъ ли забыть тебя, дорогой нашъ наставникъ? О, скорѣе буди забвенна десница наша!... Мы будемъ, пока сами живы, всегда молиться и обязаны молиться по тебѣ, да упокоитъ Господь душу твою въ селеніяхъ Святыхъ.

Вотъ письмо покойнаго Преосвященнаго, полученное мною 7-го Іюля.

Почтеннѣйшій о. Іеромонахъ Іоасафъ!

«Получивъ изданную вами книгу о Владимирскихъ древностяхъ, и прочитавъ оную съ удовольствіемъ, спѣшу принести вамъ благодарность за доставленіе пріятнаго чтенія. Нельзя не порадоваться, что вы нашли способъ употребить такъ прекрасно досугъ свой на пользу Церковной Исторіи. Продолжайте, почтеннѣйшій о. Іоасафъ, трудиться на севѣ священномъ поприщѣ. Если гдѣ, то на немъ трудъ тщетенъ не бываетъ».

Вашего Преподобія

усерднѣйшій слуга

Иннокентій Архіепископъ Херсонскій.

22-го Маія, 1857 г.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ

О ПОКОЙНОМЪ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИННОКЕНТІИ.

Все время моего академическаго ученія, съ 1833 по 1837 годъ, было особеннымъ временемъ во многихъ отношеніяхъ. Академія наша пришла въ самое цвѣтущее положеніе, бывъ обязана этиамъ покойному Преосвященному *). По его идеямъ, по его планамъ и предначертаніямъ, науки у насъ пошли впередъ, — умножились введеніемъ новыхъ предметовъ, или же усовершенлись по другому составу направленію, нежели чѣмъ это было прежде. Въ низшемъ отдѣленіи, эмпирическая, или опытная психологія была преподаваема **) въ первый разъ по методу, указанной покойнымъ Преосвященнымъ. И этотъ предметъ, какъ очень любопытный и занимательный, студенты слушали съ большимъ удовольствіемъ. Философія отцевъ Церкви и право естественное ***) также не менше были

*) Самъ онъ въ это время былъ въ крѣпкихъ силахъ: ему было гдѣ тридцать пять.

**) Читалъ сперва г. Карповъ, потомъ Осипъ Григорьевичъ Михневичъ, нынѣшній профессоръ Одесскаго лицея.

***) Читалъ то и другое г. Михневичъ же.

любопытны и занимательны *). Въ высшемъ отдѣленіи читана была гомилетика въ самомъ обширномъ видѣ. Преподавалъ ее покойный Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ **). Человѣкъ этотъ былъ съ большими способностями, безпримѣрно доброй души и сердца, преисполненного живыми христіанскими чувствованіями. Любилъ свой предметъ какъ самаго себя. Гомилетика—это была его жизнь, пища, все! Онъ трудился, усовершенствовалъ этотъ предметъ долго—не много меньше двадцати лѣтъ ***); къ тому же Амфитеатровъ былъ извѣстенъ, какъ отличный проповѣдникъ. Послѣ Преосвященнаго Иннокентія, онъ занималъ первое мѣсто на церковной кафедрѣ. Его проповѣди слушали съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и самаго Иннокентія.

Къ концу нашего курса введена была новая наука, каноническое право. Читалъ этотъ предметъ протоіерей Ив. Мих. Сковорцовъ.

Какихъ, подумаешь, у насъ не было людей!... Вотъ они, напримѣръ Сковорцовъ—философъ, и въ тоже время истолкователь церковныхъ праснахъ. Я. К. Амфитеатровъ—гомилетикъ ****). Были и другіе, не менѣе замѣчательные наставники.

*) Кстати замѣтимъ: Гг. наставники представляли свои лекціи на разсмотрѣніе с. ректору, особливо по тѣмъ предметамъ, кои вновь вводились, или излагаемы были по методу, имъ указанной.

***) Умеръ въ холерный 1848 годъ.

****) Еще при жизни покойнаго Амфитеатрова Гомилетика его была отпечатана и сдѣлана руководственною книгою для духовныхъ учебныхъ заведеній. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, графъ Н. А. Протасовъ, поднесъ ее Государю Императору, и авторъ за свой трудъ удостоился получить Монаршую милость: брилліантовый перстень.

*****) Проповѣди Амфитеатрова отпечатаны въ особой книгѣ уже по смерти его; но многія изъ нихъ еще при его жизни почитались въ Воскресномъ Чтеніи. Тутъ же почитались и нѣкоторыя другія его статьи въ видѣ бесѣдъ, или разговоровъ на разные случаи; напр. Бесѣда отца съ дѣтьми о воскресеніи мертвыхъ и пр. Преосвященный Иннокентій о г. Амфитеатровѣ отзывался такъ: „У меня золотой гомилетикъ Амфитеатровъ и отличный проповѣдникъ“.

Иннокентій сіялъ въ святилищѣ Петра Могилы *) словно солнце, а прочіе наставники наши были, такъ сказать, его спутниками.

Какихъ чувствованій были мы—студенты въ отношеніи къ Преосвященному Иннокентію? Мы его любили всѣмъ сердцемъ и всею душою, глубоко уважали, благоговѣли **). Мы до того сроднились съ нимъ, что даже предугадывали, что было у него на умѣ. Напримѣръ, начнетъ онъ, бывало, говорить лекцію о какомъ бы то ни было предметѣ, и мы тотчасъ могли видѣть ходъ его мыслей. Далѣе, мы такъ привыкли къ нему, что даже предвѣряли его желанія. Лишь, бывало, посмотрѣть, и мы тотчасъ догадывались, чего ему хочется. За то и онъ любилъ насъ крѣпко!

Однажды, это было въ 1834 г., въ недѣлю Пасхи, вдругъ захотѣлось Преосвященному, чтобы литургія была совершена на Греческомъ языкѣ въ академической церкви, гдѣ престолъ во имя Живоноснаго Источника, празднуемый въ пятницу Свѣтлой Седмицы.—Призвавъ къ себѣ дежурнаго за день до пятницы, онъ отдалъ приказаніе, чтобы какъ пѣвчіе, такъ и служащіе приготовились отправлять литургію въ такой-то день и въ такой-то церкви на Греческомъ языкѣ. И это, быть можетъ, случилось въ первый разъ съ того времени, какъ существуетъ наша академія. Сказано, сдѣлано. Насталъ пятокъ. Не понятно, какимъ образомъ узнали объ этомъ Кіевляне, а кажется, все дѣлалось въ тихомолку. Церковь небольшая. Народу собралось много. Впускали въ церковь уже по выбору, при содѣйствіи полиціи. Была, можно сказать, одна знать

*) Извѣстно, что Кіевскій митрополитъ Петръ Могила былъ основателемъ Кіевской академіи въ XVII столѣтіи. Вслѣдствіе этого, академія совершаетъ всегда память по немъ 31-го Декабря, и говорится панегирикъ, по назначенію какимъ-либо бакалавромъ.

***) Бывало, Преосвященный заботѣтъ, и вся академія отъ этого, такъ сказать, переполощется; часть по часу спрашиваютъ другъ у друга: а что, не легче ли отцу ректору? Каково его положеніе? Скоро ли онъ выздоровѣетъ? и пр.

Кіевская. Къ литургіи именно приглашенъ былъ Греческій архимандритъ, проживавшій въ своемъ Кіевскомъ-Греческомъ монастырѣ.

Литургія совершена была торжественно; пѣвчіе пропѣли по партесу все до единой іоты, въ томъ числѣ и концертъ, на языкѣ *) того народа, отъ коего мы, Русскіе, и первѣе всѣхъ, Кіевляне, приняли Христіанскую Вѣру. Чудное сближеніе временъ и обстоятельствъ! Думаю, рѣдкій Кіевлянинъ, стоя тогда въ церкви, не переносился мыслию къ временамъ св. Князя Владимира.— И вотъ какъ могъ, замѣтимъ, покойный Преосвященный возбуждать и согрѣвать прекрасныя чувствованія въ душѣ каждаго Христіанина.

Послѣ обѣдни, болѣе знакомые Преосвященному зашли къ нему; заговорили, обыкновенно, про литургію. Одинъ изъ посѣтителей, генералъ Лохвицкій, подошелъ къ Преосвященному и сказалъ: «Меня особенно удивило то, что гг. студенты ваши пѣли все на Греческомъ языкѣ, и все это такъ прекрасно». — «Да», отвѣчалъ Преосвященный: «меня студенты любятъ, и я ихъ люблю крѣпко. Чтѣ мнѣ захочется, то они и сдѣлаютъ, спасибо имъ»!

Въ мое время, когда мы оканчивали курсъ академическаго ученія, даже публичное испытаніе было образцовое: студенты говорили пробныя лекціи съ кафедръ. Преосвященный выбиралъ нарочно такіе предметы, которые особенно могли бы быть любопытны и занимательны для публики.

Надобно замѣтить, что предъ окончаніемъ нашего курса, прибылъ, 26-го Іюня, на Кіевскую паству покойный Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Филаретъ **). Съ 30-го Іюня начались у насъ приватныя экзамены, и продолжались до 7-го Іюля. Митрополитъ Филаретъ остался очень доволенъ этими

*) Одна лишь проповѣдь сказана была Преосвященнымъ на Русскомъ языкѣ (См. эту проповѣдь Т. I, стр. 443).

**) Скончался 21-го Декабря. 1857 г.

экзаменами. Студенты отвѣчали на всѣ его вопросы прекрасно, удовлетворительно, за что благодарилъ онъ Преосвященнаго Иннокентія, всѣхъ Гг. наставниковъ академій, сказалъ и намъ спасибо, и наконецъ, отозвался вообще объ академіи такъ: «Я нашелъ вашу академію въ отличномъ видѣ».

16-го Іюля было публичное испытаніе. Въ десять часовъ утра прибылъ въ академію Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ, и съ этимъ вмѣстѣ академическая зала наполнилась посѣтителями *). Молитва: Царю небесный, была пропѣта студентами въ совокупности съ хороше пѣвчихъ. Посѣтители сѣли по мѣстамъ. Экзаменъ начался такимъ образомъ: по вызову Преосвященнаго Иннокентія, студентъ подходилъ къ Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту, бралъ у него благословеніе, всходилъ на кафедру, развертывалъ листъ бумаги, и обращаясь къ публикѣ, говорилъ: мы намѣрены изложить такой-то предметъ; рассмотримъ же его, сколько можно, со всѣхъ сторонъ.— Прочитавъ вкратцѣ обзоръ, или конспектъ предмета, начиналъ излагать (наизусть) уже самый предметъ точно, такъ, какъ бы слѣдовало говорить въ классѣ предъ своими учениками. И любо жъ было слушать! Какая разница, невольно каждый могъ подумать, между обыкновенными изустными отвѣтами и этимъ педагогическимъ диктаторствомъ. Тутъ публика видѣла предъ собою не студента, а наставника съ авторитетомъ, и потому слушала со вниманіемъ все, ей предлагаемое. — Мысль Преосвященнаго Иннокентія превосходно осуществилась, и потому публика оставалась чрезвычайно довольною этимъ родомъ испытанія **).

*) Между посѣтителями были: Іосифъ, бывшій Смоленскій епископъ, удалившійся въ покой въ Кіевскую лавру, Анастасій, епископъ Екатеринославскій, военные генералы и другія свѣтскія особы.

**) Нельзя не вспомнить здѣсь объ одномъ доводѣ отвѣтъ моего товарища, С. С. Гогоцкаго, нынѣшняго профессора Кіевскаго университета, на вопросъ, предложенный ему Высокопреосвященнѣйшимъ М. Филаретомъ. Г. Гогоцкому пришлось говорить о послѣднихъ событіяхъ міра (de novissimis). Предметъ,

Вспомнивъ все то, что было у насъ въ академіи хорошаго, и что всему этому виновникомъ былъ безсмертный нашъ Иннокентій, мнѣ остается разсказать еще о тѣхъ случаяхъ, кои относились собственно ко мнѣ, и которые навсегда пребудутъ для меня незабвенными.

Въ 1836 г., въ Великомъ Посту, я былъ нездоровъ: у меня болѣла грудь. Сколько я ни крѣпился, однако же долженъ былъ пойти въ свою академическую больницу, въ надеждѣ, при пособіи медицинскихъ средствъ, получить облегченіе въ своей болѣзни. Вышло напротивъ. Боль въ груди не только не уменьшилась, а еще болѣе усилилась при сильномъ кашлѣ. Наконецъ я до того изнемогъ, что едва могъ дышать. Не спавъ нѣсколько ночей сряду, я разъ какъ-то успокоился, и сталъ засыпать, — это было утромъ часу въ десятомъ, — какъ въ это время вошелъ въ больницу о. ректоръ. Онъ подошелъ ко мнѣ. Я хотѣлъ было приподняться, но онъ сказалъ: «Лежи себѣ, не вставай.» Посмотрѣвъ на меня, онъ прибавилъ:

«Ты крѣпко нездоровъ?»

— «Да». — Тутъ у меня навернулись слезы.

«Что же плачешь?»

«Жаль мнѣ», сказалъ я, «моихъ дѣтей. Я, быть можетъ, умру.»

какъ видите, очень любопытный. Г. Гогоцкій началъ излагать его съ подробнымъ обзоромъ. Публика слушала со вниманіемъ. Вдругъ Высокопреосвященнѣйшій возразилъ: «Какъ же вы, Г. Г. говорите, что какъ кончина міра сего, такъ и второе прішествіе Спасителя, неизвѣстны, а между тѣмъ, иностранцы пишутъ и даже печатаютъ, что преставленіе свѣта будетъ тогда-то-и, Г. Гогоцкій, ни сколько не думая, быстро отвѣчалъ (у него поговорка вообще чрезвычайно скорая): *Нѣсть вамъ разумити времена и лѣта, яже Отець Небесный положи во своей власти.* (Дѣян. 1, 7), Высокопреосвященнѣйшій М. Филаретъ, такъ остался доволенъ этимъ отвѣтомъ, что всталъ и сказалъ: «Прекрасно! прекрасно! Спасибо вамъ, г. Гогоцкій.» Этотъ умный отвѣтъ ознаменовался еще болѣею горжественностью, когда вдругъ, по мановенію Преосв. Иннокентія, дѣлѣе заглохъ двухорный концертъ: *Небеса похваляхъ славу Божию.*

При семъ онъ самъ видимо смутился. Помолчавъ нѣсколько, онъ потомъ сказалъ: «Тебѣ лекарства, какъ видно, нѣсколько не помогаютъ. Теперь настало прекрасное время (это было въ Апрѣлѣ); я думаю отправить тебя на свою монастырскую дачу. Тамъ ты лучше поправишься».

Я едва могъ приподнять нѣсколько голову и поблагодарить за его отеческое попеченіе обо мнѣ. Опъ ушелъ.

10-го Апрѣля, въ пятницу на Фоминой недѣлѣ, я перѣѣхалъ на монастырскую дачу, въ такъ называемую Пироговку, отстоящую отъ Кіева въ десяти верстахъ *).

Лишь выѣхалъ я изъ города и поднялся на гору, какъ вдругъ сталъ чувствовать себя лучше: кашель нѣсколько унялся, и я началъ дышать съободнѣе. И вотъ что значитъ нагорный воздухъ! Я опытно извѣдалъ его пользу.

Монастырская дача эта, можно сказать, рай; мѣсто ровное, низменное, обрамленное вокругъ небольшимъ дровянымъ лѣсомъ, въ главѣ коего, къ южной сторонѣ, высятся на долину, охвата въ полтора, прекрасный дубъ, въ полномъ смыслѣ, развѣсистый. По правую сторону дачи идутъ Кіевскія горы, покрытыя чернымъ лѣсомъ; по лѣвую стелются лаврскіе обширные луга, на коихъ тамъ и сямъ растутъ небольшія рощицы; тамъ далѣе Днѣпръ старый и новый, съ своими озерами и заливами, наполненными всякою рыбой **).

При вѣздѣ на дачу, находится монастырскій дворъ, близъ его овощной огородъ; за огородомъ деревянный домъ съ верхнимъ жильемъ, план антресоляни, для настоятельскаго пріѣзда. — Предъ домомъ, въ полуквадратѣ растетъ нѣсколько липъ:

*) Преосвѣщ. Иннокентій отправилъ меня въ Пироговку на своей монастырской лошади, далъ мнѣ послушника для услугъ, далъ денегъ, сахару и чаю — такъ онъ былъ добръ!

**) Не говорю уже о птицахъ разнаго рода, между коими, безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимаетъ соловей, населяющихъ эту богатую мѣстность. Ихъ столько тутъ, что для нихъ монастырская дача съ ея окрестностью служитъ, въ весеннее время, какъ будто сборнымъ пунктомъ.

онъ довольно высокія и толстыя; за ними открытое ровное мѣсто, на коемъ Преосвященный предполагилъ развести фруктовой садъ, и оно года два тому, какъ было уже засажено дичками. Дички росли хорошо.—Ба! подумалъ я, вотъ прекрасное для меня занятіе—привить дички. Ни мало не медля, написалъ я письмо къ о. ректору; говорю ему, что я знатокъ по садовой части, что я, осмотрѣвъ всѣ дички, нѣтъ посаженные, нашелъ годными къ прививкѣ, что для этого нужно приобрести въ Кіевѣ у садоводовъ (а въ Кіевѣ есть богатые сады) хорошихъ сортовъ яблонь и грушъ. Ожидаю отвѣта на мое письмо: смотрю, на другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, пріѣхалъ самъ о. ректоръ. «Ты хочешь заняться садомъ?» спросилъ онъ, выходя изъ экипажа.

— «Такъ точно».

«Вотъ же тебѣ все, что нужно. Скоро-ль ты займешься?»

— «Хоть сейчасъ».

«Нѣтъ, сперва напьемся чаю. Каково твое здоровье?»

— «Слава Богу, чувствую себя лучше», отвѣчалъ я.

И въ самомъ дѣлѣ мнѣ было лучше. И этому причиною было, кромѣ свѣжаго лѣснаго воздуха, частое нагибанье всѣмъ корпусомъ, когда я осматривалъ дички и обрывалъ около нихъ траву. Кашель совсѣмъ пересталъ; въ груди стало легче; проявился аппетитъ и сонъ *).

Напились чаю.

«Ну, теперь и за работу», сказалъ Преосвященный. «А знаешь ли, я еще никогда не видалъ, какъ прививаются деревья?»

Такая откровенность со стороны Преосвященнаго меня чрезвычайно какъ заинтересовала. Вотъ, подумалъ я, настала и моя очередь быть наставникомъ. Посмотримъ, какъ-то будетъ перенимать этотъ ученикъ.

*) Сильно рекомендовать вѣнья, кои страдаютъ грудью, воспользоваться этими способамъ леченія.

Принялись за работу. Прививалъ я, обыкновенно, въ расколъ. Такъ, напр., сперва приготоуишь черенокъ, заостривъ его клинышкомъ съ толстаго конца, сръжешь дичокъ ровно, чисто, потомъ расколешь его посреди, присадишь туда черенокъ, наконецъ обвяжешь чистою тряпочкой расколъ дичка, а сръзь черенка залѣпишь воскомъ, чтобы не вредила сырость или мокро, вотъ и вся операція!... Преосвященный смотрѣлъ на все это съ особеннымъ вниманіемъ.

Когда я такимъ образомъ кончилъ свою работу надъ первымъ дичкомъ, онъ, какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ, спросилъ:

«Только-то?»

— «Только», отвѣчалъ я.

Любопытство невольно завлекло его еще далѣе.

«И примется, и вырастетъ, и будутъ плоды такой точно породы, отъ какой взять этотъ черенокъ?»

— Такъ точно.

«Диво! И какъ все это просто! Привѣй еще».

Я привилъ еще нѣсколько дичковъ. Онъ все смотрѣлъ и замѣчалъ.

«Ну, теперь, давай, прѣвью и я», сказалъ онъ.

— «Извольте».

Первый дичокъ и черенокъ испортилъ. «Эхъ, плохо», сказалъ онъ: «что-то руки дрожать». Второй опытъ удался, и какъ же онъ былъ радъ! Взала охота. Потомъ третій, четвертый, короче: дичковъ до десяти привилъ сряду.

«Ну, теперь довольно. Постой, я ихъ отмѣчу, какъ собственные мои труды». И отмѣтилъ ихъ, воткнулъ возлѣ каждаго изъ нихъ палочки.

«А скоро-ль черенки примутся?»

— «Недѣли чрезъ двѣ, много—три».

«Будемъ ждать. А какъ они высоко вырастутъ за лѣто?»

— «Смотря по дичку—въ аршинъ и болѣе».

«А скоро-ль будутъ приносить плоды?»

— «На четвертый годъ».

За сѣмъ, дня чрезъ три, о. ректоръ опять утромъ прѣхалъ на дачу.

«Ну, что дички?» спросилъ онъ.

— «Привиты всѣ», отвѣчалъ я.

«А сколько?»

— «Штукъ до двухъ-сотъ».

«Пойдемъ гулять. Да ты не былъ на другой нашей дачѣ?»

— «Не былъ, а слышалъ про нее, что она отсюда недалеко *)».

«И хорошо сдѣлалъ, что не былъ. Такъ пойдемъ же».

Мы прошли чрезъ садовое мѣсто. Преосвященный осмотрѣлъ свои прививки, почти всѣ пересмотрѣлъ и мон. Въ концѣ сада, къ южной сторонѣ, какъ я уже сказалъ, стоитъ на долинѣ большой дубъ. Подходя къ нему, о. ректоръ снялъ шляпу и сказалъ: «А каковъ дубъ?»—«Да, прекрасный», отвѣчалъ я. «На вашей дачѣ—это рѣдкость!»

«Я расскажу тебѣ анекдотъ. Этимъ дубомъ я всегда любовался. Но жаль было смотреть, что вокругъ его росли кустарники и мелкій лѣсъ. Это самое отнимало у него много вида. Разъ осенью прѣхалъ я въ Пироговку. Смотрю, штатные мои ничего не дѣлаютъ, сидятъ себѣ сложа руки. «А что же вы», говорю я, «ребята, ничего не дѣлаете?»—«Сегодня, паноча, праздникъ».—«Какой праздникъ?»—«Михайлево чудъ». **)—«Михайлово чудо!!! Хорошо же, берите-ко, ребята, съ собою топоры, и пойдемте: я покажу вамъ свое чудо, коли уже пошло на чудо». Вотъ пришли мы сюда—къ этому дубу. «Смотрите, ребята», говорю имъ, «каковъ дубъ? Вѣдь это, настоящее, царственное дубъ; ***) да жаль, что возлѣ его растутъ эти кустарники и мелкій лѣсъ. Вырубите же все это и

*) Разстояніемъ отъ Пироговки съ версту или немного болѣе.

**) Это значитъ 6-е Сентября.

***) Т. е. величественный, господствующій.

вычистите вотъ до сихъ поръ, и тогда увидите, какъ это будетъ хорошо».—«Чи бачете, братци», стали разговаривать между собою штатные: «що каже нашъ панъ отецъ: се царскій дубъ». Тутъ одинъ изъ нихъ, болѣе благоразумный, подбоченясь и приложивъ ко лбу указательный палецъ лѣвой руки, сказалъ: «Отъ—се чудо, такъ чудо. А мы сіюго и не знали. Давайте жъ, брати, зробимо такъ, якъ звелить намъ панъ отецъ». И они въ тотъ же день вырубали и вычистили все это мѣсто».

Отъ дуба мы прошли чрезъ мелкій лѣсъ проложенною тропинкой; дайте пришлось идти чрезъ болото, перешагая съ кочки на кочку, а индѣ была вода, или топаль; тутъ положены были небольшія бревушки. Надобно было идти съ большою осторожностью, чтобы не оступиться и не упасть въ воду, или въ грязь. Я опасался за Преосвященнаго, а онъ то и дѣло, что предостерегалъ меня. Прошли, однако жъ, благополучно. Вышли на дорогу. Дорога эта проселочная, идетъ изъ города при скатѣ Кіевскихъ горъ. По ту и другую сторону дороги лѣсъ, большой и малый.

«Пойдемъ теперь тише», сказалъ Преосвященный. «Пока дойдемъ до нашего лѣса, я расскажу тебѣ исторію про этотъ лѣсъ».

«Каждый разъ, какъ прѣду въ Пироговку, особливо весной и лѣтомъ, первымъ и любимымъ моимъ дѣломъ было ходить по этимъ горамъ и лѣсамъ. Теперь эта окрестность почти вся мнѣ извѣстна. И я ходилъ всегда одинъ вотъ съ этимъ товарищемъ», указавъ на свою палку. «Мѣста здѣсь вообще всѣ хороши. Но одно изъ нихъ особенно обратило на себя мое вниманіе. Оно извѣстно подъ названіемъ гадючаго лога, видно, оттого, что въ немъ дѣйствительно водится множество змій. Это урочище вдалось какъ-то въ гору широко и кругло, и такимъ образомъ, въ объемъ своемъ, представляетъ родъ котловины. Къ спуску горы, края этой котловины постепенно суживаются такъ, что все это мѣсто ско-

рѣе походить на вѣрѣ. Въ вершинѣ лога, съ лѣвой стороны, есть ключи, и вода бѣжитъ сильно; есть и другой ключъ близъ холма, при входѣ въ логъ. Вода въ немъ прекрасная; тутъ колодезь. Мѣсто, какъ ты можешь судить, хорошее, имѣетъ свои выгоды; воды много, строеваго лѣсу хотя и нѣтъ, за то молоднякъ: дубъ, кленъ, ясень, липа и пр., растутъ очень хорошо. Я сказалъ, что это мѣсто—урочище хорошее. Нѣтъ, этого мало: оно, сверхъ чаянія, оказалось историческимъ, и вотъ какими образомъ. Разъ, это весною, прихожу я къ гадючому логу, смотрю, близъ колодца разложено огонь; по лѣсу бродить скотъ; пастуховъ, однако жъ, не видать. Гдѣ жъ это они? Стою и думаю себѣ; вдругъ услышалъ я говоръ мальчиковъ. Я обратился туда, откуда слышался мнѣ говоръ, и увидѣлъ на холму трехъ мальчиковъ. Я пошелъ къ нимъ; смотрю, ихъ тамъ нѣтъ. Взошелъ на самый холмъ, нѣтъ; обошелъ холмъ вокругъ, смотрѣлъ туда и сюда, все ихъ нѣтъ. Что это за диво? Между тѣмъ, по правую сторону при спускѣ съ холма, я увидѣлъ взрытую землю, подошелъ туда, вижу, какая-то нора. Я тотчасъ догадался, что мальчики здѣсь скрылись. Моя догадка вскорѣ оправдалась: голоса мальчиковъ слышались въ норѣ. Я уклонился нѣсколько въ сторону, чтобы дать время выйти имъ оттуда. (Впослѣдствіи оказалось, что они, увидѣвъ меня, испугались, да со страха и скрылись въ нору). Дѣйствительно, одинъ изъ мальчиковъ выползъ изъ норы. Я постарался приласкать его, далъ ему монету, и спросилъ, гдѣ же прочіе его товарищи. «Тамъ, въ ямѣ», отвѣчалъ онъ. — «А что жъ это за яма? Глубока ли она? не льзя ли это норы?» — «Нѣ, се кажутъ пещеры.» — «Пещеры!... Позови-ка своихъ товарищей, скажи имъ, чтобы они меня не боялись: я добрый человекъ.» Выползая, наконецъ, и тѣ. Для ободренія ихъ, я и этихъ надѣлилъ деньгами. — «Скажите жъ мнѣ теперь, хлопцы, можно ли и мнѣ туда слазить?» — «А чомъ не можно? можно.» — «Да вѣдь тамъ темно? Ничего не уви-

дѣшь?» — «Дакъ щожъ, що темно, мы возмемо съ собою огню, наберемо сухыхъ трисочекъ, засвѣтимъ и пѣдемъ. Мы все такъ робымъ». — «Ну, сдѣлайтежъ это сей-часъ.» Они тотчасъ побѣжали, насобирали сухихъ щепъ, гдѣ-то нашли нѣсколько соломы, принесли и огня. «Да вы, паноче», сказалъ одинъ изъ мальчиковъ: «скиньте съ себе одежду; вона така хороша, якъ нѣбуть замараєте?» Въ самомъ дѣлѣ, я послушался и скинулъ съ себя рясу. — Господи, благослови! спустился ползкомъ въ нору, зажгли огонь. Одинъ изъ мальчиковъ пошелъ впередъ, я за нимъ, двое за мною. Какъ же я удивился! Лишь прошли мы шаговъ нѣсколько, я увидѣлъ, что это въ самомъ дѣлѣ пещеры точно такія, какъ и въ Лаврѣ, судя по ихъ улицамъ, или проходамъ. Дальше я уже не ходилъ, предоставивъ другому времени заpastись свѣчею, и разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ. На другой или на третій день прѣбывалъ въ Пироговку, пришелъ сюда, нашелъ, по уговору тѣхъ же мальчиковъ. Они ожидали меня уже не съ боязнью, а съ радостью. Мы тотчасъ приступили къ дѣлу: опять ползкомъ спустились въ пещеры. (Проходъ въ нихъ отъ времени заваленъ и заросъ кустарникомъ; оставалось одно лишь небольшое отверстіе). Зажгли свѣчи, и пошли уже спокойно разсматривать пещеры. Оказалось, что весь холмъ *) изрытъ пещерами; улицы, или проходы идутъ извиристо въ разныхъ стороны, и потомъ сходятся къ одному какому-либо мѣсту, напримѣръ къ церкви или къ трапезѣ. Я замѣтилъ и другой выходъ изъ пещеръ на другую сторону холма; но онъ совсѣмъ заваленъ землею.

«Вотъ какую рѣдкость нашелъ я въ Гадючемъ логу! Удивительно, что я никогда не слыхалъ объ этихъ пещерахъ, и мнѣ никто объ нихъ не говорилъ. Молчалъ же и я, и никому не сказывалъ о своей находкѣ, придумывая между тѣмъ, какими бы способомъ возстановить эти пещеры. А это могло бѣ

*) Въ объемъ своего холма будетъ сажень около пятнадцати, и покрытъ кедрами лѣсомъ.

быть не иначе, какъ если бы самое урочище, что всего лучше, сдѣлалось собственностью Братскаго монастыря. Подивись же, какъ это случилось. Не прошло и года, какъ отыскалъ я эти пещеры, вышелъ указъ *), коимъ повелѣно отводить монастырямъ, въ казенныхъ пущахъ, строевой и дровяной лѣсъ. Я истинно порадовался, что такъ кстати приспѣла Царская милость. Ни мало не медля, я снесся, съ кѣмъ слѣдуетъ, указавъ на это урочище, представивъ въ резонъ, что оно близко къ нашей такой-то дачѣ. И вотъ Братскій монастырь владѣть теперь этимъ сокровищемъ! Вотъ оно, мы пришли къ нему; вотъ граница нашего лѣса **); а вотъ и самый Гадючій логъ».

Прежде всего, мы подошли къ часовнѣ, построенной уже Преосвященнымъ: она стоитъ возлѣ дороги. Въ часовнѣ колодезь и св. иконы; близъ самой дороги другой колодезь. «Первый колодезь, что въ часовнѣ», сказалъ Преосвященный, — для протѣжнихъ людей; этотъ для скота. Вотъ и корыто водопойное. — Въ эти колодези сообщается вода изъ пруда. При скатѣ горы, гдѣ оканчивается и самый логъ, постепенно суживаясь, Преосвященный устроилъ плотину, и такимъ образомъ вышелъ прекрасный проточный прудъ отъ тѣхъ ключей, которые находятся въ вершинѣ лога. Воды въ прудъ столько, что, пожалуй, можно поставить небольшую мельницу **).

По лѣвую сторону, при входѣ въ Гадючій логъ, на пригоркѣ, построена изба для лѣсовиковъ. Мимо ея и около пруда, мы прошли по просторной дорогѣ чрезъ мостикъ прямо къ колодезю, что близъ холма (холмъ отъ колодезя по правую сторону.) «Сядемъ здѣсь», сказалъ Преосвященный, «и отдохнемъ. Напьемся воды. Она, смотри, какъ хороша!» Колодезь вглубь не болѣе аршина; ключъ сильно бьетъ изъ-

*) Указъ этотъ состоялся въ 1832 г.

**) Лѣсъ окопанъ вокругъ канавой.

***) Прудъ въ длину сажень двадцать, въ ширину пять и менѣе, гдѣ какъ изстѣность позволяетъ. Глубина пруда около плотины до трехъ аршинъ.

подъ пня, и потомъ съ журчаніемъ стремится въ прудъ. — Человѣкъ принесъ стаканъ. Мы напились воды. Вода дѣйствительно прекрасная на вкусъ, чистая и холодная какъ ледъ. «Ну, теперь пойдемъ въ пещеры», сказалъ Преосвященный, «а ты, Василь, принеси намъ огня въ лыхтари» *).

Отъ колодезя на холмъ тоже прокопана дорожка. Она идетъ не прямо вверхъ, а по ребру холма. Предъ входомъ въ пещеры находится небольшая платформа, или площадка. Въ самыя пещеры сдѣлана створчатая дверь съ поднавѣсомъ или фронтономъ; надъ дверью поставлена икона Преподобныхъ Отецъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Лишь двери были отворены, какъ Преосвященный вынулъ изъ кармана двѣ восковыя свѣчи; одну изъ нихъ далъ мнѣ. Зажегши свѣчи, мы вошли въ пещеры. Преосвященный пошелъ впередъ. — «Какіе узкіе и низкіе проходы», сказалъ я, «совсѣмъ не такіе, какъ въ Лаврѣ.» — «Да», замѣтилъ на это Преосвященный: «тѣ, т. е. Лаврскія пещеры, много измѣнены чрезъ расширение и повышеніе, конечно, ради богомольцевъ, а вотъ эти настоящія подлинныя, какъ были ископаны святыми отшельниками, почему знать? можетъ быть, самими Преподобными Антоніемъ и Θεодосіемъ, или, по крайней мѣрѣ, близкими къ нимъ современниками. По узкости переходовъ можно судить, какіе постники были эти отшельники. Они, безъ сомнѣнія, были разнаго роста, большаго и средняго, и потому не иначе должны были ходить здѣсь, какъ изгибаючись, и все это для того, чтобы всячески изнуять свою плоть».

«Вотъ церковь», сказалъ Преосвященный, «престолъ и жертвенникъ». То и другое было изъ групта земли. Церковь очень малая: человѣкъ пять не болѣе могли бы стать. На

*) Т. е. въ фонарѣ. Замѣчательно отъ *Leuchter* *подосвѣтникъ*. Покойный Преосвященный любилъ приспособляться къ Малороссійскому нарѣчію, и это штатно-служителямъ его чрезвычайно какъ нравилось. Они говорили: «якій-то добрый нашъ Панъ отецъ, поздоровъ его, Боже!»

престолъ поставлена икона Успенія Пресвятыя Богородицы. Потомъ осмотрѣли трапезу. Она не много болѣе церкви; кельи эти—чрезвычайно какъ малы; въ нѣкоторыхъ кельяхъ есть выжженные на стѣнѣ въглубь кресты, и что-то похожее на четки. Грунтъ земли въ пещерахъ былъ глинистый, крѣпкій. Обдѣлка пещеръ гладкая, довольно искусная. Воздухъ въ нихъ чистый, сухой.

Осмотрѣвъ пещеры, мы взошли потомъ на самый холмъ. Онъ не совсѣмъ высокъ, но видъ съ него чудо какъ хорошъ! Еще не успѣвъ я осмотрѣться и полюбоваться мѣстностью, какъ Преосвященный, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Посмотри, какіе виды открываются отсюда прямо на востокъ. Вотъ Днѣпръ съ его пойменными лугами, а тамъ далѣе синѣется боръ.... Не лѣзя не удивляться», продолжалъ онъ, «какъ святые отцы умѣли избирать мѣста для своего уединеннаго подвижничества! Вода, лѣсъ, луга — все, что вамъ угодно, вотъ подъ рукой. А какіе были лѣса, если представишь и перенесемъ къ тѣмъ временамъ, когда жили эти отшельники! И теперь растутъ кое-гдѣ столѣтніе дубы и липы. Это потомки древнихъ, дремучихъ лѣсовъ *). Невольно вспомнишь, что и нашимъ Русскимъ подвижникамъ, какъ нѣкогда Египетскимъ пустынноикамъ, служила одна и та же природа книгою, въ которой они хотѣли видѣть и читать премудрость Творца всяческихъ, хотѣли и, въ продолженіе всей своей жизни, никакъ не могли прочесть и одной страницы изъ этой Всемірной Книги **). Преосвященный говорилъ это съ какою-то восторженностью, а я слушалъ съ благоговѣніемъ.

Потомъ мы обошли все урочище ***) по горной сторонѣ.

*) Въ Гадючемъ логу дубы, кленъ и липы, какъ я видѣлъ, были охвата въ два и болѣе. Но жаль, что всѣ эти массивныя деревья были безъ верхушекъ. Стояли одни лишь комели, и это много портило видъ самого лѣса. Преосвященный предполагалъ ихъ срубить.

**) Антоній Великій Египетскій говоритъ: „Я во всю жизнь свою (а онъ прожилъ 105 лѣтъ), не могъ перевернуть и одного листа въ этой Всемірной Книгѣ.“

***) Оно заключаетъ въ себѣ десятины 25.

Отсюда еще болѣе открывается прекрасныхъ видовъ, на далекое пространство. Почти вся Заднѣпровская сторона видна. Преосвященный часто останавливался на тѣхъ особенно мѣстахъ, откуда представлялись картинные виды и говорилъ: «Я бы здѣсь построилъ домъ». Надобно замѣтить, это было въ его натурѣ — строиться, разводить сады.

Вечеремъ онъ уѣхалъ домой.

Преосвященный нѣрѣдко и послѣ этого прїѣзжалъ въ Пироговку, и ужъ безъ того не обходилось, чтобы мы не побывали въ Гадючемъ логу.

Однажды случилось вотъ что: Возвращаясь изъ Гадючаго лога въ Пироговку, мы пошли другимъ путемъ, который тоже идетъ чрезъ болото, только здѣсь есть гать и мостикъ, такъ что можно удобно и проѣзжать. Идучи по гати, я увидѣлъ нѣсколько черепахъ на кунѣ возлѣ орѣховаго куста. Онъ вышелъ изъ воды и грѣлся на солнцѣ, выползши изъ своихъ скорлупъ. Преосвященный какъ-то не замѣтилъ ихъ, прошелъ мимо. Я же, идя позади его, лишь увидѣлъ черепахъ въ ихъ обнаженномъ видѣ, съ ихъ длинными головами и жалами, вскричалъ почти невольно: «Ахъ, какія гадкія твари!» Преосвященный вдругъ оборотился ко мнѣ и спросилъ: «Что тамъ такое? Какія это твари?» — «Черепашки», отвѣчалъ я, «вонъ, смотрите, сколько ихъ». Онъ остановился, посмотрѣлъ на нихъ, потомъ, обратясь ко мнѣ и принявъ какой-то серьезный видъ, спросилъ: «Да ты гдѣ учился?» Что за странный вопросъ, подумалъ я. — «Въ Академіи», говорю я. — «Хорошъ же ты академикъ! Да развѣ у Бога, всепремудраго и всесовершеннаго существа, есть какія-либо гадкія твари? Ну, думаю себѣ, понался же я! А то все было между нами хорошо. «Каждая тварь», продолжалъ онъ, «выражаетъ собою мысль Божію. А мысль Божія совершенна, полна, слѣдовательно и каждая изъ тварей, по своему виду и роду, заключаетъ въ себѣ все совершенство и всю полноту. Правда, мы называемъ нѣкоторыхъ изъ тварей гадкими — такъ, по при-

вычтъ. Но это очень глупо. Вникни, рассмотрим организм этихъ, по-видимому, гадкихъ тварей, и ты удивишься чудному ихъ устройству. Даже, можно сказать, чѣмъ ничтожнее, чѣмъ едва замѣтнѣе для глазъ нашихъ что либо изъ рода пресмыкающихся или насѣкомыхъ, тѣмъ болѣе оно имѣетъ въ себѣ совершенствъ. Мы мало знаемъ природу, оттого такъ поверхностно и судимъ объ ней. Нѣтъ, когда говорится: Дивенъ ты, Господи, и дивны дѣла Твои, такъ это потому именно сказано, что всякая тварь въ своемъ родѣ совершенна, что каждая изъ нихъ находится въ тѣсной связи съ прочими тварями, и создана для известной, необходимой цѣли. Вотъ какъ надо смотрѣть на природу и на все, что есть въ ней! — Что мнѣ, послѣ этого, оставалось дѣлать? Подойти и поцѣловать руку у Преосвященнаго за такое его мудрое наставленіе. Я это и сдѣлалъ. И мы опять пошли своимъ путемъ спокойно.

Между тѣмъ, нашимъ прививкамъ прошло уже недѣли двѣ с лишкомъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ оживленія; да и самъ о. ректоръ постоянно спрашивалъ: скоро-ль будутъ отпрыски или побѣги? Наконецъ, дождался: у черенковъ оказались отпрыски. Я извѣдомилъ объ этомъ Преосвященнаго. Онъ въ тотъ же день пріѣхалъ на хуторъ. «Пойдемъ, пойдемъ», сказалъ онъ, «посмотримъ и, первѣе всего мои прививки». Какъ же онъ обрадовался, когда увидѣлъ на своихъ прививкахъ образовавшіеся уже отростки съ свѣжими, прекрасными листочками!

Осмотрѣвъ со вниманіемъ свои и мои прививки, Преосвященный остановился, молчалъ и думалъ, какъ-бы углубляясь во что-то, и наконецъ сказалъ: «Удивительно, какъ природа въ этомъ явленіи разительно изображаетъ догматъ нашего возрожденія! Дикій корень, какъ и нашъ первородный грѣхъ. Къ дикому произрастенію прививается добрая маслина, и соки дикаго же корня должны сообщаться съ жизнью этой доброй маслины, дабы она возрасла и дала плодъ въ свое время.

Такъ и съ нами: человѣкъ все тотъ же остается; но чрезъ таинство крещенія ему сообщается благодать Святаго Духа, и онъ тогда становится новою тварію; изъ младенца во Христѣ возрастаетъ потомъ, при естественныхъ и благодатныхъ средствахъ, въ мѣру возраста Христова для того, чтобы приносить плодъ во святыню». Кончивъ свою рѣчь, Преосвященный обратился ко мнѣ, и сказалъ, «спасибо тебѣ за урокъ»!

Во весь этотъ день Преосвященный былъ какъ-то особенно веселъ и разговорчивъ. Онъ даже остался почевать на дачѣ. Погода была прекрасная, природа въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

Вечеромъ мы расположились пить чай подъ липами, что предъ домомъ. Тутъ Преосвященный вполне предался влеченію своихъ мыслей; рѣчь у него лилась словно рѣка. Любо было слушать! «Да», сказалъ онъ, между прочимъ: «счастливы тѣ, кои имѣютъ случай провести весеннее время среди природы. Оно много добраго внушаетъ. Вотъ я скажу о себѣ: когда я жилъ здѣсь весною года два тому назадъ, — у меня родилась мысль написать Свѣтлую Седвицу, а живя попрежде этого въ Борщаговкѣ *), тоже весной, придумалъ я составить Страстную Седвицу; не говорю уже о томъ, что и мое здоровье въ это время ощутительно поправляется. Я, такъ сказать, съ весны запасался здоровьемъ на цѣлый годъ».

Стало смеркаться. Преосвященный вдругъ спросилъ у меня: «Ты любишь смотрѣть, какъ огонь горитъ?» — «Люблю». — «Я и самъ люблю. Прикажи же принести дровъ и развести огонь вотъ здѣсь, близъ воды (это небольшое озеро тутъ же предъ домомъ) и, какъ можно больше. Мы будемъ смотрѣть, какъ это будетъ горѣть, и слушать шѣніе соловьевъ».

Желаніе Преосвященнаго тотчасъ было исполнено, и онъ, склонясь на дерновую скамью, все молчалъ и слушалъ, какъ

*) Это собственно акаѣическая да а, верстаетъ въ семи отъ Кіева.

заливались соловьи въ своихъ оглушительныхъ теканьяхъ и разнаго манера речитативахъ.

Было уже одиннадцать часовъ. Посмотрѣвъ на часы, Преосвященный сказалъ: «Не пора ли намъ на покой? Да! я и забылъ тебѣ сказать: вѣдь я скоро уѣду и надолго — вѣсяца на три».

— «Куда жъ это? позвольте узнать».

«Въ южные края Россіи».

— «Стало быть, по нашему учебному округу?»

«Да, но мнѣ особенно хочется побывать въ Крыму. Говорятъ, это уголокъ Италіи».

(Думалъ ли Преосвященный найти потомъ въ этомъ уголкѣ Италіи зародышъ своей смерти? О, горы, горы Гелзуйскія)!... Мы разстались.

21-го Мая, въ шесть часовъ утра, ректоръ выѣхалъ изъ Кіева.

Надолго — на всю жизнь мою оставилъ ты, незабвенный мой наставникъ, глубокое во мнѣ впечатлѣніе, отеческимъ попеченіемъ, мудрыми наставленіями и ласковымъ обращеніемъ со мною, *наименьшимъ* твоимъ ученикомъ!

Магистръ І. І.

И моя (*) вѣтъ въ лавровый вѣнокъ безсмертія — незабвенному Архипастырю, Высокопреосвященному Иннокентію Борису, бывшему Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

Вмѣсто девиза:

Въ людяхъ, свыше особенными дарами надѣленныхъ, все поучительно! (Отчетъ за 1857 г. Импер. Акад. Наукъ, 2 отдѣл. стр. 28).

Есть много людей даровитыхъ, — есть много талантливыхъ, но мало многостороннихъ, — едва не всеобъемлющихъ. Есть много пишущихъ и говорящихъ, много читающихъ, много изобрѣтающихъ, много приводящихъ въ порядокъ; но гдѣ вы скоро встрѣтите такого, каковъ былъ всесторонній и, можно сказать, всеобъемлющій геній незабвеннаго Иннокентія, который говорилъ разумно, сладко и увлекательно; читалъ бездну всякихъ книгъ; разсуждалъ со всякимъ о всякой всячинѣ; правилъ епархією съ особеннымъ благоразуміемъ, изобрѣталъ геніально, приводилъ въ порядокъ, возстановлялъ, подымалъ съ земли брошенное и временемъ забытое?

Говорилъ разумно, сладко и увлекательно. Живо помнитъ всякъ Харьковецъ, какъ, бывало, незабвенный, вдохновенный

*) Изъ Харькова отъ признательно благодарнаго къ незабвенному Архипастырю.

Витія Харьковской Церкви, взявъ въ руки Спасительный посохъ, всходитъ на амвонъ, и какъ, бывало, вся церковь, не смотря на тѣсноту ея, двинется къ амвону, дабы всякому стать поближе; помнитъ всякъ, какъ бывало Іеродіаконъ большею частію, предпоситъ Библію или Евангеліе предъ лицомъ Святителя, который, самъ отыскавъ текстъ и прочитавъ его въ подлинникъ, какъ онъ говаривалъ, въ знакъ того, чтобы всякъ зналъ, что начинается слово именно—словомъ Божиимъ, которое слово такъ свято, что грѣшно и іды не сказать такъ, какъ оно есть,—отдаетъ тому же Іеродіакону Библію или Евангеліе; или если проповѣдь не изъ текста; то, по восхожденіи на амвонъ, окинувъ быстрымъ орднымъ своимъ взоромъ всѣхъ предстоящихъ,—и немного—полминуты подумавъ, еще на полступня приближается къ нимъ, какъ бы въ знакъ того, что пастырь желаетъ побесѣдовать съ пасомыми, не только сердцемъ къ сердцу, но и лицомъ къ лицу,—и, когда у собранія едва духъ переводится отъ жажды слышанія и отъ опасенія не уронить и одного слова, обожаемый Витія начиналъ, бывало, такъ: *«и еще нѣтъ одного года, любезная братія!»* (въ навечеріе новаго года), или такъ: *«Не много гробовъ видѣла страна наша и проч. (На погребеніе сенатора Квитки), или такъ: «Итакъ вотъ гдѣ, среди насъ, суждено тебѣ найти мѣсто послѣдняго успокоенія отъ трудовъ, мужъ неумолимыхъ подвиговъ, побѣды и славы отечественной» (На погребеніе Графа Орлова-Денисова), или еще такъ: «Съ новымъ лѣтомъ благодати благородныя воспитанницы! съ новымъ лѣтомъ благодати, и новымъ счастьемъ: ибо гдѣ благодать Божія, тамъ и счастье» (на 2 день новаго года въ Харьк. Институтъ благородн. дѣвицъ). Самое начало рѣчи всегда говорило, кто начинаетъ говорить? Но потокъ этого стремительнаго водопада сначала всегда почти былъ тихъ и какъ-бы съ задержкою, но туда дальше—на срединѣ и подъ конецъ рѣчи, катился быстро, стремился не удержимо, восхищалъ и все съ собою уносилъ!... Случалось не рѣдко, видишь—*

Витія на минуту останапливается. И такъ это бывало величественно! видишь, что здѣсь нѣтъ ничего заготовленнаго прежде; видишь — чистый экспромтъ, и удивляешься воодушевленію Витія; не то, чтобы онъ, остановившись, сконфузился или смѣшался, нѣтъ; напротивъ всегда принималъ болѣе важный видъ, рѣшительный тонъ, и какъ будто съ неба полагалъ кто-то въ уста Витія, всегда почти за такими остановками, самые интересные вопросы. И какъ, бывало, неприятно, когда предъ *аминь* Владыка останапливался: думаешь еще что то сказано будетъ, и слышишь—*аминь*. Кажется, каждый произноситъ: *ахъ жаль, ахъ досадно!*... Потому окончаніе проповѣди всегда почти сопровождалось неудовольствіемъ слушающихъ за то, что прерывалась рѣчь!

Всегда почти на особенные дни и случаи говаривалъ Высокопреосвященный проповѣди,—но уже каждагодно, во св. четвердесятницу, на извѣстныя темы говаривалъ систематически, напр. о молитвѣ Еерема Сирипа, о грѣхѣ, о паденіи Адама и т. д. Во св. великій постъ служивалъ почти всегда по средамъ и пяткамъ и бывало любимѣйшимъ его дѣломъ просто, внятно и до слезъ трогательно поучать православный народъ.

Что говорилъ съ кафедры въ этотъ годъ, того не было написано на бумагѣ, а такъ безъ замѣтки оставались на небольшихъ лоскуткахъ до слѣдующаго года; излагалъ же на бумагѣ, какъ слѣдовало, и выправлялъ къ печати всегда давно прошедшее, по крайней мѣрѣ, двухъ годовое или годовое. Отличная была способность говорить, но не менѣе того мастерски и выправлялъ свои сочиненія: иной мараешь, мараешь и не знаешь, на чемъ остановиться, а Высокопреосвященный Иннокентій—поправивъ разъ, два, да уже, когда, отдавая переписывать набѣло, скажетъ, *ну довольно, хорошо*, то уже именно *хорошо*. Рѣдкая была способность находить истину и останапливаться на ней съ полнымъ авторитетомъ и убѣжденіемъ!

А когда принесешь къ нему свою проповѣдь для прочтенія, какъ бывало иѣтко скажетъ, что въ ней есть, и чего

пѣтъ? Живо помню, какъ онъ твердилъ и мнѣ не однократно. «Нѣтъ жизни, пойдите, найдете ее, влейте силу и теплоту;— не хитрите, не лѣзьте въ книги и энциклопедію, поищите ближе вотъ тутъ въ сердцѣ!... Вотъ гдѣ ларчикъ! а ключъ отъ него въ добромъ смыслѣ и чистой совѣсти!... Подите помолитесь и начинайте проще и проще,—но непремѣнно съ полнымъ сознаніемъ предмета и еще съ миромъ душевнымъ; а оканчивать прошу, если не слезою, то, по крайней мѣрѣ, нѣжнымъ и кроткимъ чувствомъ». Такъ онъ говаривалъ лично мнѣ не однократно.

Мало того, что незабвенный Архипастырѣ самъ любилъ витійствовать, любилъ настраивать и воодушевлять другихъ, въ комъ только замѣчалъ способность говорить. Я лично знаю, какъ онъ одного Протоіерея,—вновь поступившаго въ Харьк. епархію, сряду 4-ре мѣсяца, каждое воскресенье, заставлялъ при служеніи своемъ говорить проповѣди. Когда любопытные спросили, для чего такъ дѣлается? Онъ отвѣчалъ: «Нашелся бисеръ, въ пыли долго валявшійся, время, пора отереть его и поставить за стекло». (Этотъ протріерей былъ прежде въ уѣздномъ городѣ на менѣе видномъ поприщѣ, нежели теперь).

Высокопреосвященный любилъ экспромты не свои только, но и другихъ. Весьма бывало часто глядѣлъ—вечеромъ часовъ въ 6, 7 и 8—записочка собственноручная: «*На завтра сготовьте проповѣдь*». Сначала казалось трудно, а потомъ дѣлалось легкимъ и даже приятнымъ дѣломъ когда, бывало, разъяснить и доказать, что вымышленное и вычурное никуда не годится противъ простаго, естественнаго—прямо отъ чувства и сердца исходящаго. У любимыхъ учениковъ его уже изъ кафедръ Святительской, много такихъ, можно сказать, часовыхъ экспромтовъ, и кои носятъ на себѣ святительское *Valet*, или *хорошо, хорошо, — спасибо*, такъ уже подлинно *Valet* и *спасибо!*...

Читалъ бездну книгъ: помнить всякъ, кто бывалъ въ комнатахъ покойнаго Высопреосвященнаго, сколько у него было

книгъ и, кажется, разомъ читанныхъ? и въ кабинетѣ, и въ гостиной, и въ спальнѣ и въ залѣ—вездѣ были книги; книги на столахъ, книги на стульяхъ, на окнахъ и на полахъ. Онъ не токмо ходилъ и сидѣлъ съ книгою, но и засыпалъ не съ книгою только, а и на книгахъ. Помню, однажды—позвалъ онъ меня къ себѣ на самый верхній этажъ, называемый *антресолями*, гдѣ были главныя его библіотечныя комнаты, большія три или 4-ре—и гдѣ онъ часто, бывало, и засыпалъ;—а на сонъ, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ богатъ,—какъ душа чистая, мирная и спокойная!... Смотрю, лежитъ онъ на широкомъ диванѣ; а принималъ онъ, царство ему Божіе, всѣхъ, но особенно людей къ нему близкихъ, очень просто, можно сказать, дружески или отечески. «А—здравствуйте Отецъ! былъ его привѣтъ:—садитесь около меня». Со всею скромностію, я ему отвѣчалъ: «негдѣ: Вы сами Владыка, на книгахъ. Онъ улыбнулся и сказалъ: правда! Но сказать ли вамъ: вотъ тутъ то, вотъ въ нихъ то и покой нашъ. Я никогда такъ и незасну сладко, и никогда не сплю такъ мирно, какъ съ книгою въ рукахъ и въ головахъ, особенно меня вразумляетъ чтеніе Св. Евангелія, возвышаютъ посланія Ап. Павла, улаждаютъ посланія Ап. Іоанна Богослова, проникнутыя и дышущія любовію; а когда какое либо облако находитъ, помрачается свѣтлость души, я обыкновенно читаю 14, 15, 16 и 17 главы Евангел. Іоанна Богослова, гдѣ описывается прощальная бесѣда Господа Нашего Иисуса Христа, съ возлюбленными Его учениками. Совѣтую и вамъ тоже дѣлать» и прибавилъ: «читайте, читайте и вы, отче, серьезныя книги; ничѣмъ такъ не питается и не возвышается духъ нашъ и не приводится въ гармонію, какъ чтеніемъ серьезнымъ; признаюсь—у меня есть въ обыкновеніи—если мысли не въ порядкѣ, я тотъ-часъ беру книгу и чтеніемъ ихъ упорядочиваю: отъ того у меня, какъ вы видите, столько и вездѣ книгъ разложено», «да, Ваше Высокопреосвященство, много ихъ вездѣ», мои были слова; «это еще немного, продолжалъ онъ; прежде было около меня въ

двое, въ трое больше, особливо когда я профессорствовалъ въ Петербургѣ и ректорствовалъ въ Кіевѣ: вотъ когда привозили, бывало, ко мнѣ и отвозили возами; едвали на двадцать троекъ можно бы забрать, — сколько ихъ у меня тогда въ рукахъ перебывало! На вопросъ: какая изъ книгъ духовныхъ замѣчательнѣйшая по содержанію? «*Новая тварь*», отвѣчалъ Владыка, а изъ философскихъ? — «*Картина чело-вѣка*» — «вотъ книги, продолжалъ Святитель, подобныхъ коимъ мало я встрѣчалъ — разумѣется, не по слогу, а по содержанію, слогъ дурень, а для проповѣдей — для теплоты и жизни, рекомендую — изъ греческихъ *Макарія*, но особенно любимого мною *Златоуста*, а изъ Русскихъ — *Тихона Воронежскаго* и преимущественно его сокровище — отъ міра собираемое. А когда явится нѣкое бореніе въ мысляхъ, съ чѣмъ вмѣстѣ начнетъ теряться спокойствіе сердечное, надобно достать и читать книгу, переведеную, кажется, съ французскаго языка, въ 18-ти годахъ, о духовной брани и внутреннемъ мирѣ; хотя эта книга западная; но — дѣльная, и содержитъ опытное знаніе сердца челоувѣческаго, особенно о мирѣ внутреннемъ; а изъ книгъ, по церковной исторіи, единственная книга Ильи Минятія — *камень соблазна* — гдѣ прекрасно, превосходно о причинахъ отпаденія Западной церкви отъ Восточной и о неправотѣ западнаго ученія въ домогательства главенства Папскаго». Такое было сужденіе Высокопреосвященнаго! пришедши домой, я это тотъ-часъ записалъ, и, можетъ быть, три или четыре раза уже прочелъ!

Разсуждалъ со всякимъ о всякой всячинѣ. Надобно было дивиться, какъ этотъ челоувѣкъ находился говорить съ кѣмъ угодно и притомъ не на минуту, а на цѣлые часы — и съ ученымъ, и съ неученымъ, о дѣлѣ и бездѣлѣ, если этого требовало приличіе, а отказывать онъ не умѣлъ, — именно какъ геніальный челоувѣкъ! Однажды, пришедши къ Владыкѣ, вижу какую-то почтенную старушку, деревенскую панью, сидящую и заговаривающую съ Владыкою — и о чемъ же? Трудно

отгадать! — о цвѣтахъ и разныхъ издѣліяхъ, преимущественно женскихъ. Я изумился, какъ отчетливо и съ точнымъ знаніемъ всего семейнаго быта говорилъ Владыка и приводилъ въ восторгъ почтенную старушку. По выходѣ старушки, — Владыка, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Ну что дѣлать? надобно быть для всѣхъ всемъ — по слову Апостольскому: старушка захотѣла побесѣдовать съ Владыкою, дабы похвалиться семьѣ своей, и надобно было Владыкѣ дѣлаться старухой! что дѣлать? не лзя иначе жить: не будутъ любить, оттолкнешь отъ себя всѣхъ. А это тоже нехорошо, особенно для Архіерея, который живетъ среди міра; надобно приспособляться». Въ другой разъ — видѣлъ я Владыку разсуждавшего съ умнѣйшимъ челоувѣкомъ, бывшимъ ректоромъ Харьковскаго Университета докторомъ Еллинскимъ: вотъ такъ была бесѣда! — нѣтъ не бесѣда, а ученый диспутъ! Можно было чего послушать! съ какою быстротою и какимъ легкимъ соображеніемъ Владыка или задавалъ ученому доктору вопросы, или разрѣшалъ задаваемые? Долго говорено было о важности медицины и что она должна быть въ содружествѣ — съ нравственнымъ-религіознымъ чувствомъ, и заключили такъ: если каждая наука требуетъ постоянного изученія, медицина требуетъ цѣлой жизни — и то для того только, чтобы быть сколько нибудь порядочнымъ докторомъ... А однажды, при мнѣ разсуждалъ Владыка съ профессоромъ минералогіи Борискомъ о камняхъ — и тоже съ удивительнымъ знаніемъ этой части. Но особенно Высокопреосвященный любилъ садоводство, и занимала его любопытство и наблюденіе — прививка деревьевъ: здѣсь онъ по его словамъ, видѣлъ символъ нашего возрожденія!

Правиль епархією съ удивительнымъ благоразуміемъ. Всѣ боялись Высокопреосвященнаго, всѣ твердили: съ этимъ Владыкою не шути! но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ его любили, — глаубоко уважали и гордились тѣмъ, что Иннокентій Харьковский, Владыка! Онъ во всю свою жизнь на паствѣ Харьковской

никого не заставлялъ плакать безпричинно и никто имъ не былъ стѣсненъ; если бывало кого и постращать, то тутъ же скоро и успокоить. У него было правило — казаться серьезнымъ начальникомъ, — а на дѣлѣ иначе. Однажды, помню, мнѣ лично говорилъ онъ: «вы по вашему званію кажитесь серьезнымъ, чтобы васъ почитали и вмѣстѣ побанвались, — а тамъ себѣ по чувствамъ и сердцу — какъ знаете; только не слишкомъ братайтесь съ подчиненными; иначе они потеряютъ къ вамъ уваженіе! а начальникъ безъ уваженія — плохой начальникъ!»

За самые проступки наказывалъ милостиво, приспособительно къ лицу провинившагося, напр. по окрытіи дѣвчятаго Николаевского монастыря, въ Харьковской епархіи, Высокопреосвященный вельдѣ отиѣтъ по церквамъ въ городѣ Харьковѣ благодарственный Господу Богу молебенъ; на повѣсткѣ объ этомъ одинъ изъ священниковъ ученыхъ написалъ: *куда какая радость!* а на повѣсткѣ о продолженіи изданія журнала «Воскреснаго чтенія», гдѣ весьма часто помѣщались статьи Высокопреосвященнаго Иннокентія, тотъ же ученый написалъ: *«не стоитъ выписывать: журналъ дрянной!»* Владыка, за то и другое, только и сказалъ этому лицу: «За хулу на цѣлую Академію и на монастырь, походите-ка дней нѣсколько въ монастырь (Архіерейскую домовую церковь); а въ послѣдствіи содѣйствовалъ этому священнику въ полученіи магистерства и произвелъ въ протоіеренъ.

Въ самыхъ мѣрахъ наказанія всегда было что нибудь интересное — или забавное или шуточное. Одинъ изъ протоіереевъ просился въ придворное духовенство на томъ основаніи, что уже въ Харьковѣ кругъ дѣятельности малъ для него; бумага возвращена была къ Владыкѣ Иннокентію; — Владыка сказалъ: *«нада оразумить просителя!»* Какое же сдѣлано было вразумленіе? Положено было: каждую субботу прочитавъ эту бумагу и росписаться на листѣ: *читалъ такой-то*; и сіе дѣлать до толѣ, пока весь листъ непишется. А

однажды велѣлъ Преосвященный одному діакону подождать двѣсти поклоновъ за куреніе табаку — и не велѣлъ никому постороннему объявлять, за что, а сказать — Владыка жалѣетъ его груди и голоса.

А когда нужно было кого показать публикѣ на видѣ, — какъ ловко дѣлаетъ, бывало, это Владыка!.. Лично мнѣ извѣстно, какъ онъ знакомилъ съ харьковскою публикою одного протоіерея изъ другой губерніи, къ нему въ Харьковскую паству поступившаго. Подъ день храмоваго праздника той церкви, къ которой былъ опредѣленъ этотъ протоіерей (подъ 4 дек.) посылаетъ его съ письмомъ и книгою къ губернатору, и просятъ губернатора видѣться съ нимъ въ храмовой церкви. Между тѣмъ протоіерею приказалъ заготовить приличную проповѣдь, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣдни была у него закуска. Когда прибылъ губернаторъ въ церковь и съ нимъ чиновники, послѣ обѣдни и послѣ всей церемоніи, онъ самъ предложилъ на пирогъ — къ проповѣднику, — и здѣсь самъ знакомилъ новопріѣзжаго съ губернаторомъ и прочими лицами. Послѣ — Владыка сказалъ этому протоіерею: «знаете ли, для чего я васъ рекомендовалъ губернатору, и, какъ бы, въ лицѣ его, всему городу? Вы займете, Богъ дастъ, должность почетную, по которой будете имѣть ближайшее отношеніе къ городу, а тотъ чиновникъ не будетъ имѣть никакой силы, кто будетъ мелокъ въ глазахъ другихъ. Намъ долгъ нѣсколько поднять васъ! Намъ Архипастырскій долгъ, не унижая себя выставлать и своихъ чиновниковъ. Намъ же честь, когда у насъ люди brave, достойные любви и уваженія не въ глазахъ только нашихъ, но и людей свѣтскихъ. А притомъ, вы же къ властямъ свѣтскимъ будете близки: намъ будетъ пріятно, когда скажутъ намъ — ай-да отецъ! спасибо ему! славный человекъ!» Не правда ли, что не всякій въ состояніи такъ дѣлать и такъ говорить? видна душа высокая, свѣтлая и бла-

городная! Какъ говорятъ: *люби — и все дѣлай, и не ошибешься!* такъ бывало и Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все это кстати, все безподобно, все съ цѣлью и назиданіемъ!

Но высокой и горячей душѣ естественно быть полной огня.... И Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій былъ вспыльчивъ и раздражителенъ: но, какъ человекъ весьма благоразумный, умѣлъ побѣждать себя и мало поддавался страсти. Однажды напр. поручилъ онъ двумъ протоіереямъ принять монастырь отъ архимандрита, ректора Семинаріи, переведеннаго въ другую Семинарію; когда монастырь принять былъ не такъ, какъ приказалъ Высокопреосвященнѣйшій; то онъ одному изъ сихъ протоіереевъ, подошедши къ нему, какъ сказалъ: *такъ-то вы исполняете мое порученіе?*... такъ будто парами, изъ какой нибудь сильной машины, оттолкнуло его назадъ.... потомъ, сію минуту, Владыка повернулъ въ другую комнату, и, минувъ чрезъ двѣ или три, вышедши, подойдя къ этому протоіерею, сказалъ: «такъ-то, другъ! не лзя не дѣлать того, чего хочется Владыкѣ. Ну-да ничего; не дѣлалось такъ: значить, такъ не должно быть; скорѣе нечего, будемъ покойны!» и съ миромъ отпустилъ испуганнаго протоіерея!... Впрочемъ весьма рѣдко можно было видѣть, когда бы Владыка допускалъ страсть гнѣва: большею частию старался побѣждать себя и былъ великодушенъ. Въ пять лѣтъ моего близкаго при немъ служенія, я и пяти разъ не замѣтилъ, чтобы онъ сердился и горячился; на все, большею частию, смотрѣлъ хладнокровно и великодушно; однажды напр. нужно было докладывать, что съ одной церкви уворовано 200 руб. Владыка только и сказалъ: «будьте осторожны, а то, пожалуй, отъ церкви дойдетъ дѣло и до кармановъ вашихъ!... понимаете ли? Скажите это священнику и старостѣ, когда понимаете!»! разумѣя здѣсь штрафъ, могущій пасть, на неосторожныхъ.

Высокопреосвященнѣйшій былъ милостивъ ко всѣмъ ищущимъ помощи, но особенно для своихъ духовныхъ и еще больше приближенныхъ къ нему и чѣмъ-нибудь одолжившихъ его. Преблагодарное, высокое было у него чувство! Услышавши, изъ Одессы, что жена прежде бывшаго его докладчика, по смерти мужа, осталась десять тысячъ, по тогдашнему курсу, должною; списывается съ кредиторомъ, и, удовлетворивъ его, съ разорваннымъ векселемъ пишетъ къ сѣтовавшей вдовѣ: «Не скорби, только молись! Ты и твоѣ семейство подъ рукою моею, пока Богъ меня поддержитъ!» Другаго, служившаго при немъ, въ видѣ письмоводителя, когда осталась жена тоже вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ, Высокопреосвященнѣйшій тотчасъ писалъ къ ней изъ Одессы же съ архипастырскимъ сердоболіемъ, и вызывалъ ее съ сыномъ къ себѣ въ Одессу. А то еще все семейство — бывшаго при немъ поддіакономъ и умершаго, — оставалось на всемъ полномъ его Высокопреосвященства содержаніи и воспитаніи дѣтей!... Рѣдкое совмѣщалось благородство въ этой высокой душѣ! Живю помню его слова: «одожаться однимъ боємъ, — дабы иногда не остаться предъ кѣмъ въ долгу. Неблагодарный человекъ въ глазахъ моихъ недостойное существо; боюсь себя уронить въ глазахъ своихъ»!

При всей огромной дѣятельности, Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій любилъ общество и не чуждался эстетики. Каждую пятницу пріѣзжалъ, бывало, къ нему въ шесть часовъ вечера — вся знать Харьковская — мужчины и женщины, свѣтскіе и духовные; предлагалось всѣмъ угощеніе, и каждый, по избранію своему, бесѣдовалъ объ извѣстномъ предметѣ, — съ кѣмъ случалось; а Владыка, какъ отецъ семейства, или какъ главный Директоръ Общества, подходя то къ тому, то къ другому, и вслушиваясь въ разговоръ, любилъ или поддерживать достойную рѣчь, или давать другое направленіе. Это тогда называлось: *вечерами литературы духовной.*

И прекрасно было? здѣсь бывало видишь людей и узнаешь тѣхъ, съ коими не придется и встрѣтиться. Никогда того въ полгода не вычитаешь, со всѣхъ возможныхъ журналовъ, что, бывало, въ одинъ вечеръ узнаешь — и узнаешь легко. Духъ бывало, радуется, какъ приближалась пятница!...

Утромъ каждой субботы бывала репетиція пѣвчимъ — готовились къ служенію, являлись: ключарь, іподіаконы, протоіерей и іерей, все кинуло въ новомъ направленіи. Каждый воскресный и праздничный день непременно Владыка — служащій! Любилъ послужить! Не опушалъ ни одного случая: — и служилъ великолепно! Ризница, сосуды, служащіе — все это отборное, образцовое! пѣвчіе при немъ стали нѣтъ превосходно! и вотъ еще, что чудно! самъ Владыка говаривалъ: «вотъ природа меня чѣмъ не пожаловала: ни одной ноты не протяну голосомъ»; но любилъ пѣвчихъ, понималъ ноты, любилъ даже напѣвать и служилъ великолепно!

Изобрѣталъ гениально. Кажется, еслибы Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій пожилъ на свѣтѣ вдвое — втрое болѣе настоящей его жизни такъ, чтобы онъ могъ побывать хоть по два, по три года, въ каждой епархіи, онъ непременно во всѣхъ епархіяхъ Россійской іерархіи сдѣлалъ бы новыя открытія и преобразованія; шесть съ небольшимъ лѣтъ архіерействовалъ Владыка Иннокентій въ Харьковѣ; — и что есть здѣсь лучшаго въ іерархическомъ отношеніи, все почти его произведеніе. Изпримѣръ: величественная Семинарія — его произведеніе! Устройство главной Крестовой церкви подъ храмовныя стѣны и подъ мраморный иконостасъ — его произведеніе! Перенесеніе кафедры Архіерейской, весьма кстати, въ прежде бывшій богатый градскій Успенскій соборъ — его произведеніе! Величественный крестный ходъ два раза въ году въ Харьковѣ — его произведеніе! Чтеніе Акаѣистовъ въ главной Крестовой церкви въ среду и пятницу — его произ-

веденіе! Сочиненіе приспособительно къ потребностямъ и къ настоящему духу народа двухъ Акаѣистовъ: *Страстямъ и Покрову Пресвятыя Богородицы* — его произведеніе! Вновь открытіе женскаго Старо-Харьковскаго монастыря — его произведеніе! Возстановленіе знаменитой Святогорской обители — его произведеніе! Возстановленіе не менѣе достопримѣчательнаго Ахтырскаго монастыря и утρεжденіе изъ Ахтырки, туда и обратно, крестнаго хода — его произведеніе! Учрежденіе училища дѣввицъ духовнаго званія по его первоначальной идее и предположенію! Какъ говорятъ, такъ и справедливо: послѣ несправныхъ начальниковъ худо начальствовать; а послѣ хорошихъ — хорошо и легко. Теперь, безъ преувеличиванія, можно сказать: на пятьдесятъ лѣтъ Владыкамъ Харьковскимъ остается только слѣдовать по стопамъ Высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія — и будетъ все благо, все хорошо!

Да будетъ же и душѣ твоей зѣло благо тамъ — въ странахъ Небожителей — незабвенный, достойный истинной любви и благодарности, Отецъ, Архипастырь и Владыко святой — Иннокентій!

8 Января 1860 года.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПИСЕМЪ О ПРЕОСВ. ИННОКЕНТІѢ.

I.

...Почти 15 лѣтъ я слѣдилъ за дѣятельностію Архипастыря; въ первый разъ я прочелъ его Седмицы въ 1841 году, и съ того времени съ жадностію отыскивалъ каждое его слово, положенное на бумагу. Все, сказанное имъ, приводило меня въ восторгъ; я не могъ цѣнить, но какое-то сладостное чувство почти всегда испытывалъ, при чтеніи. Потомъ Промыслу угодно было поставить меня въ зависимость отъ него: когда онъ былъ въ Харьковѣ Епархіальнымъ Архіереемъ, я жилъ въ Святогорскомъ монастырѣ, и могъ ближе наблюдать, хотя конечно, я отъ него такъ былъ далекъ, на сколько послушникъ отъ Архіерея; я имъ былъ посвященъ во іеродіакона и іеромонаха. — Онъ особенно любилъ нашъ Святогорскій монастырь, гдѣ я почти все время былъ казначаемъ, не смотря на мои юные годы; этому была причина: не кому было поручить, по малости братіи и по новости монастыря, который открытъ въ 1844 году; — за отсутствіемъ настоятеля я неоднократно принималъ его во время пріѣздовъ; въ это время я на него ближе могъ смотрѣть. У меня была собственноручная его проповѣдь, которую я хранилъ какъ драгоценность, а ее нашелъ завалившеюся за койкою, на которой онъ спалъ;

ездѣ она была со мною, пока въ Крыму не взлетѣла на воздухъ. Много разъ я имѣлъ случай говорить съ нимъ. Кстати замѣтить: онъ умѣлъ со всѣми говорить и изъ всего извлекать пользу. Онъ меня бранивалъ и ласкалъ; я слушалъ съ жадностію его назиданія и сужденія о разныхъ предметахъ, и во всемъ онъ былъ великъ, или по крайней мѣрѣ такъ казался мнѣ, по моему понятію. Не знаю почему, ему хотѣлось, чтобъ я жилъ у него, но волку нужна берлога: такъ мнѣ, прожившему въ пустынѣ въ лѣсу болѣе 10 лѣтъ, страшно было промѣнять тихую мирную келію на шумный Харьковъ, и быть при Архіерейскомъ домѣ; это казалось мнѣ всегда какой-то дворнею. Въ послѣдній разъ, проѣзжая Святыя горы, уже бывши Одесскимъ, онъ опять приглашалъ меня въ Крымъ, въ свои скиты, но и на этотъ разъ я остался при своемъ мнѣніи, и уже черезъ два или три года мнѣ суждено было испытать другой образъ жизни... Тутъ опять недалеко былъ любимый мною Владыка, я опять его видѣлъ почти обръ руку у себя, и любовался неутомимою его дѣятельностію. Какъ бы я хотѣлъ прочитать его біографію, и кто скажетъ ему послѣднее спасибо за его неутомимые труды на пользу церкви и отечества. А сколько матеріаловъ для его біографіи! Все ли намъ скажутъ объ немъ, или потомство наше будетъ счастливѣе насъ въ этомъ. Мы счастливы тѣмъ, что видѣли и знали этого великаго нашего современника, знали его умъ и дѣятельность и прочее... Онъ умѣлъ пользоваться всѣмъ и изъ всего извлекать пользу, — и съ рѣдкою проницательностію умѣлъ согласить и соединить всѣ интересы: церковные и общественные, все могъ примирить и уладить, такъ какъ только онъ одинъ умѣлъ. Умѣлъ пользоваться всѣмъ и во время: кажется не прошло минуты въ цѣлой его жизни, которую бы онъ не провелъ съ пользою. А кто-то воспользуется его драгоценною бібліотекою, этимъ безцѣннымъ сокровищемъ; еще въ Харьковѣ изъ Вологды привезли ее, какъ говорятъ, на 12-ти подводяхъ. Кромѣ того онъ имѣлъ право

пользоваться книгохранилищами нашихъ отечественныхъ библиотекъ, когда писалъ какую-то Исторію Христіанства. Знаю, что въ Харьковъ къ нему привозили для справокъ возами на почтовыхъ, изъ разныхъ мѣстъ. Синодальная и Соловецкая и другія знаменитыя бібліотеки нашего отечества были ему знакомы,—мнѣ говорили, что онъ получалъ книги изъ Ватикана и другихъ мѣстъ съ Запада. Онъ любилъ и Естественныя науки. Ботаника болѣе другихъ занимала его вниманіе. Онъ хотѣлъ завести у себя физическій кабинетъ еще въ Харьковѣ; любилъ Астрономію и съ увлеченіемъ говаривалъ объ ней; по Минералогіи, я самъ по его приказанію собиралъ ему кое-какіе камушки и окаменелости по берегу Дюца. Укажутъ ли на его дѣятельность въ Харьковской епархіи: открытые имъ въ Украинѣ 4 монастыря, и установленіе нѣсколькихъ крестныхъ ходовъ доказываютъ рѣдкую проицательность пастыря; очевидная благотѣльная польза для всего края подтверждаетъ несомнѣнную истину, которую онъ только могъ проникнуть въ будущее, и за что при устройствѣ имѣлъ нареканіе отъ нѣкоторыхъ. Въ Херсонской епархіи, магометанская Таврида обратила на себя вниманіе проицательнаго Архипастыря. Онъ и тутъ положилъ начало благое, прежде всего водрузивъ крестъ: Извѣстенъ знаменитый его проэктъ объ устройствѣ тамъ монастырей, (названныхъ имъ скитами), который утвердилъ покойный Императоръ Николай. Скажутъ, что это бесполезно, какъ я слышалъ отъ многихъ, но вникнувъ въ сущность, скажутъ спасибо и удивятся великому дѣлу и будущей пользѣ: напримѣръ какому памятнику приличнѣе быть на мѣстѣ храма въ Херсонѣ, гдѣ крестился В. К. Владиміръ и гдѣ до сихъ поръ былъ городской выгонъ? чему быть приличнѣе въ Инкерманскихъ каменоломняхъ, куда Римскіе Императоры первыхъ вѣковъ посылали христіанъ, и гдѣ церковь изсѣчена руками с. мученика Климента, а въ ней до сего времени жили цыганы и загоняли

скитъ во время жаровъ. Другія мѣста тоже посѣтъ на себѣ памятники святыи или древности: такъ у подошвы Чатырдага есть источникъ Кузмо-демьянскій — куда собиравлсь въ извѣстные дни тысячи народа, хотя онъ въ самомъ пустомъ и глухомъ мѣстѣ, не только христіане но и магометане—татары, для принесенія молитвъ, каждый по своему Единому Богу! У этого источника кунаются какъ христіане, такъ и татары, въ особенности татарки кунаютъ дѣтей и получаютъ пользу—на такихъ-то мѣстахъ указано имъ быть православному истинному христіанскому богослуженію. Да вотъ еще скитъ Бахчисарайской изъ числа тѣхъ же — какую приносить пользу. Н. В. Бергъ вѣрно знаетъ его — гдѣ нашли нѣкоторые герои себѣ успокоеніе, какъ Вревскій и другіе; и нашъ братъ О. Іоанникій Савиновъ положенъ тамъ же. Правда, онъ у себя дома, онъ тамъ постриженъ и прибылъ въ Севастополь—туда же и возвратился. И вотъ послѣ чего судите, хорошо ли сдѣлалъ Преосвященный, назначивъ столько скитовъ въ Крыму. И все это для него было такъ кажется просто, какъ для Колумба поставить яйцо; особенно озабоченнымъ онъ себя никогда не показывалъ,—новое доказательство, какъ онъ умѣлъ собою владѣть. И что бы было, еслибы все это устроено было за нѣсколько прежде, хоть за четверть столѣтія: тогда бы мы были спокойнѣй въ Крыму во время присутствія незваныхъ гостей, тогда бы они менѣе покушали нашей баранины, которую имъ иногда доставляли Крымцы, и въ Евпаторіи имъ было бы не такъ удобно посѣдѣться на время своего пребыванія въ Крыму. Я не думаю, чтобъ было или будетъ что нибудь вишнваться въ дѣло религіи, кромѣ убѣжденій совѣсти и добраго примѣра со стороны пасадытелей вертограда Христова. По крайней мѣрѣ крымскіе татары весьма близки къ христіанству. они почитаютъ нѣкоторые наши праздники и придерживаются христіанскихъ обычаевъ—изъ нихъ многихъ предки были христіане и насиліемъ обращены въ исламизмъ.—Дѣятельность Пр. Іиннокентія въ послѣднюю войну из-

вѣсти каждому русскому. Бывшіе наши непріятель желали посмотреть этого Архіерея русскаго. Бомбардировка Одессы въ первый показала твердость и присудствіе его духа: во время кононады онъ служилъ и проповѣдывалъ; примѣръ его также какъ и самое слово служили успокоеніемъ малодушнымъ. Неоднократное посѣщеніе имъ Крыма въ годину искушенія, — посѣщеніе Севастополя, — но объ этомъ до слѣдующаго раза.

Записку эту посылаю такъ, какъ она написана при первомъ извѣстїи о смерти Пр. Иннокентія, — это впечатлѣніе я и записалъ, желая чѣмъ нибудь воздать долгъ моей признательности глубокоуважаемому мною Архипастырю...

I. В.

II.

Послѣ дѣла подъ Альмою, извѣстнаго каждому русскому отступленіемъ нашихъ войскъ, (эта позиція отстоитъ, кажется, на равное разстояніе какъ отъ Севастополя, такъ и Симферополя, а потому конопада, происходившая во время дѣла, слышна была какъ у насъ, такъ и въ Симферополь), неудача въ этомъ дѣлѣ надѣлала много страха. Симферополь, гдѣ жителей большая часть татаръ, они были весьма довольны и видимо торжествовали, парадилсь по праздничному и ходили по городу въ ожиданїи Турко-Англо-Французовъ, мнимыхъ своихъ избавителей. Тѣмъ болѣе такое поведеніе татаръ наводило страхъ на русскихъ жителей Симферополя, что не знали куда двинется непріятель: въ это время ему была открыта дорога равно какъ на Севастополь, такъ и на Симферополь до Перекопа... Къ счастью, оставленіе города было непродолжительно: дни чрезъ 4 или 5 опять все возвратилось. Отъ Иннокентія не могло укрыться это происшествіе. Онъ, можно сказать, раненъ былъ въ самое сердце, когда непріятельскій пароходъ привезъ въ Одессу раненныхъ съ Альминскаго дѣла: при видѣ этихъ несчастныхъ жертвъ растерзанныхъ, при видѣ торже-

ствующаго непріятеля, при самыхъ нелѣпыхъ толкахъ объ Альминскомъ дѣлѣ, какого русскаго сердце не было разгнано на части, и въ особенности въ Одессѣ, гдѣ свѣжіе еще лавры не успѣли завянуть. При такихъ обстоятельствахъ Иннокентій оставался въ Одессѣ столько, сколько нужно было для успокоенія паствы во дни испытанія, и немедленно полетѣлъ къ бѣдствующей паствѣ въ Тавраду, чтобъ вмѣстѣ раздѣлить опасность. Прибывши въ Симферополь, когда уже возвратились граждане, и тутъ онъ нашелъ одно только малодушіе. Появленіе Архіерея въ провинціи, безъ зова, безъ свиты, что уже рѣдкость въ нашемъ быту, удивило, а болѣе обрадовало паству жаждущую, болѣе чѣмъ когда либо слова утѣшенія. Тутъ въ Соборномъ храмѣ, гдѣ Иннокентія разразился потокомъ укорины къ малодушію. Слышавшіе это слово правды, говорили, что оно такъ было сильно, что всѣ присутствующіе въ храмѣ слушатели отъ стыда краснѣли и плакали, и совершенно поняли, что сдѣланное имъ было только одно малодушіе. — Но у Иннокентія на все есть оружіе: на другой день онъ тѣмъ же слушателямъ сказалъ слово утѣшенія, и такъ успокоилъ всѣхъ, какъ будто ничего не было да и не будетъ. Изъ Симферополя онъ присылалъ спрашивать къ Кн. Меншикову въ Севастополь, но тутъ была не урядница, и Князь прислалъ Преосвященнаго въ другое время. Во время осады и бомбардировки Севастополя, все его вниманіе было обращено на мѣсто дѣйствія. Живши въ Одессѣ, и посѣщая неоднократно Крымъ, онъ слѣдилъ за всѣми движеніями, постоянно былъ обложенъ картами и планами, собиралъ самыя подробныя свѣдѣнія. Знакомые его говорили, что въ это время, онъ былъ похожъ болѣе на полководца, нежели на Архіерея. (Къ сожалѣнію у насъ такое имѣютъ понятіе, будто Архіерей не долженъ знать ничего, кромѣ рясъ и четокъ). Вотъ что я самъ слышалъ въ Севастополѣ: если бы Архіерея Иннокентія назначили начальникомъ на такое то мѣсто, то дѣло было

бы хорошо. Постыщеніе его окровавленнаго и опаленнаго Севастополя, останется памятнымъ для меня навсегда. Я встрѣтилъ его въ Куринной балкѣ; я шелъ къ раненымъ въ 4 М; мнѣ указали, что въ каретѣ, которая стоитъ, пріѣхалъ Архіерей; я пошелъ и увидалъ въ ней Иннокентія. Не видавши его почти 5 лѣтъ, онъ мнѣ показался очень постарѣлымъ. Мы съ нимъ встрѣтились какъ старые знакомые. Я подошелъ къ нему вовремя; лица, которыя должны его встрѣтить и принять, по крайней мѣрѣ, позаботиться о ночлегѣ, — тутъ ихъ не случилось, и конечно онъ былъ доволенъ моими услугами, хотя я для него совершенно постороннее лицо. Польша въ это время была не сильна, только на курганѣ, да 1 и 2 М перестрѣливались. Онъ замѣтилъ, что предполагалъ гораздо болѣе, нежели видитъ, тѣмъ болѣе, что окружающія здѣсь лица, въ нормальномъ состояніи, и нисколько не замѣчаютъ безпокойства, хотя и это мѣсто не безопасно. Я замѣтилъ ему, что въ Севастополь никто не въ безопасности, а между тѣмъ никто о ней и не подумаетъ, и не только здѣсь видите спокойствіе на лицахъ, но и тамъ, гдѣ теперь убиваютъ на бастіонахъ, и тамъ матросы играютъ въ карты по носкамъ, и сказываютъ сказки, иначе можетъ быть упадокъ духа, а это всего гибельнѣе. Я попросилъ людей у стоявшаго тутъ отряда при офицерѣ, и вывободившись съ каретой изъ этой трущобы, мы направились въ сѣверное укрѣпленіе, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться. Когда поднялись на гору, то онъ приказалъ остановиться каретѣ, и началъ подробно разспрашивать о всякомъ бастіонѣ, (съ этого мѣста видна вся линія, огонь и непріятельскія батареи, траншеи и лагери). Прежде всего бросились въ глаза редуты: Камчатскій, Воыньскій и Селенганскій, которыми уже владѣлъ непріятель. Въ это время мадагонцы съ Камчатскаго завели живую перестрѣлку. Осматривая всю линію, опоясывавшую южный Севастополь, и глядя на непрі-

ятельскую позицію, онъ началъ дѣлать свои замѣчанія стратегическія, но конечно по старой тактикѣ Суворовской, когда доверяли штыку болѣе пули, но ступера! — При ступерахъ это правило сошло на второй планъ, если еще не далѣе. Впрочемъ точно такія же понятія имѣли до Севастополя и всѣ наши полководцы, лучшіе герои прежнихъ временъ. Въ сѣверномъ укрѣпленіи онъ остановился въ пустой солдатской палаткѣ, и сей часъ же нашлись знакомые ему: тутъ встрѣтился съ нимъ генераль-Тетеревниковъ, завязался разговоръ самой близкой о положеніи настоящихъ дѣлъ. Иннокентій говорилъ, что пріѣхалъ посмотрѣть Севастополь и пройти по траншеямъ, но генераль ему не совѣтовалъ, и спасибо ему. Вѣрно тоже самое мнѣніе имѣли и удержали неумѣстное самоотверженіе и главнокомандующій Князь Горчаковъ и Графъ Сакенъ, и весьма благоразумно. Каждый изъ знавшихъ Иннокентія, знаетъ, что онъ не боялся смерти, и готовъ былъ всегда жертвовать собою. Но его могли ранить или болѣе. Онъ пошелъ бы не одинъ по бастіонамъ. Въ это время собраніе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ мѣстѣ привлекало все вниманіе непріятеля, и сыпался градомъ снаряды туда; а на бастіонахъ и въ траншеяхъ не только не лѣзя было сказать что нибудь командѣ, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы отправляли и богослуженіе шопотомъ, чтобъ не слышно было непріятелю (когда онъ былъ въ 20 саж.). И даже до возможной степени сокращали—молитвословія, водосвятія и проч... Какую бы пользу принесло присутствіе Иннокентія въ траншеяхъ? Какое бы дѣйствіе произвела рана его на тѣхъ, кои върою жили-побѣждали и умирали. Спусти нѣсколько часовъ я перевозилъ Иннокентія съ сѣверной на южную, на катерѣ съ парохода Эльборусъ. Онъ ѣздилъ къ Гр. Сакену. Ему уже сказано было, что по рейду палать изъ мортирной батареи, поставленной въ развалинахъ Херсониса; сказали уже, что нѣсколько часовъ раньше упала бомба на корабль Парижъ, прошла до кнля и накуралесила порядкомъ. Съ благоговѣніемъ, но безъ страха, взомелъ онъ на

катеръ, благословилъ гребцовъ. Я спросилъ: благословите отваливать? Съ Богомъ. Ребята ударили въ весла, я сказалъ на-лапись, (морс. техническое слово значить сильный). Мы отвалили, онъ сѣлъ, окинулъ взоромъ рейдъ и городъ, и спросилъ, а гдѣ Парижъ?... Я ему разсказалъ имена судовъ, около которыхъ мы шли; то были: фрегатъ Коварна, пароходъ Эльбурскъ, транспортъ Березань и корабли Импер. Марія, Храбрый, Чесма, Парижъ и В. К. Константинъ.—Мы были уже на серединѣ бухты, какъ летитъ бомба изъ Херсонеса. Я пристально гляжу на Архіерея: мнѣ хочется видѣть, какъ на него падаетъ, и грѣшенъ, признаюсь, хотѣлъ, чтобъ бомба упала поближе—она упала у насъ за кормою, и онъ такъ былъ твердъ, что трудно было уловить перемѣну въ его лицѣ. Я сказалъ навались, ребята навалились, и вотъ идетъ другая, и упала впереди насъ, дѣйствіе тоже, и мы благополучно пристали къ графской пристани.

Упавшія двѣ бомбы, одна впереди, а другая за кормою, въ бухту, разстали волненіе, но несколько не помѣшали нашему катеру, и мы благополучно пристали къ Графской пристани (она же и Екатерининская). Когда мы вышли изъ катера, онъ замѣтилъ, что тутъ мало поврежденій, и вѣрно сюда мало палить? Я проводилъ его до Николаевской батареи, гдѣ квартировалъ графъ. Сакенъ, а самъ отправился на свое подворье. У Сакена онъ пробылъ не долго, и когда возвращался, то Графская пристань была уже разрушена, упавшая бомба на ступенькахъ разворотила и разнесла все, причѣмъ пострадали львы и другіе украшенія пристани; нужно замѣтить, что Графская пристань была украшена колонадой, а въ нишахъ стояли мраморныя статуи, а при сходѣ въ бухту лежали два льва тоже мраморные; все это украшеніе вывезено изъ Италіи Лазаревымъ. Обратнo Владыка переправился безъ всякихъ приключеній, и въ этотъ же день успѣлъ еще съѣздить къ Главнокомандующему Князю Горчакову на Инкерманскія высоты. Наранье въ субботу онъ служилъ обѣдню въ съвер-

номъ укрѣпленіи въ походной церкви. За службою были Главнокомандующій и другіе генералы, но далече не вѣл,—не мѣзя было оставить своихъ мѣстъ. Я улучилъ свободное время и воспользовался быть за обѣдней, слышалъ его проповѣдь, проповѣдь достойную Иннокентія! Правда и тема хороша, есть было надъ чѣмъ разгуляться проповѣднику.—Послѣ обѣдни я въ послѣдній разъ принималъ его благословеніе. Выходя изъ церкви въ сопровожденіи Главнокомандующаго, онъ благословлялъ—солдатъ, тѣснѣвшихся принять благословеніе. На ходу онъ съ ними разговаривалъ—и давалъ прощоры. На другой день, воскресеніе, меня рано позвали на 3-й бастионъ, я спѣшилъ отслужить тамъ, чтобъ успѣть къ обѣднѣ въ Михайловской соборъ, гдѣ служить Иннокентій. Я уже возвращался, было 8-мь часовъ утра, противъ Адмиралтейства я увидѣлъ выстроенныя команды—люди эти были взяты со всѣхъ батарей съ боевой линіи, по нѣскольку человекъ, большей частію молодцы съ Георгіемъ, и всѣхъ вѣдомствъ, тутъ были: матрозы, армейцы, саперы, инженеры и другіе; они были взяты съ своихъ мѣстъ, чтобъ быть при службѣ Архіерейской, и послѣ передать своимъ товарищамъ видѣнное и слышанное. Посрединѣ этого каре стоялъ столъ убранный для освященія воды и аналогій. Я подходилъ уже къ собору, и по времени думалъ, что еще не началась служба, смотрю какъ уже выходитъ изъ церкви Архіерей и со служащими, всѣ несли иконы, —въ сопровожденіи генералитета. Тутъ были Главнокомандующій Князь Горчаковъ, графъ Сакенъ, начальникъ штаба Коцебу, дежурный генералъ Ушаковъ, Нахимовъ и другіе, подошли къ столу, и началось молебствіе съ водоосвященіемъ—послѣ чего Архіерей окропилъ святой водою и началъ давать иконы защитникамъ Севостополя: к. Горчакову, Коцебу, графу Сакену, Нахимову и другимъ; иконы были изъ разныхъ мѣстъ присланные къ нему; Знаменія Пресвятыя Богородицы изъ Новгорода, Святителя Митрофана изъ Воронежа, Святителя Николая и другія,—при врученіи иконъ говорилъ по нѣскольку словъ, причѣмъ объ-

испалъ сочувствіе всѣхъ сыновъ Россіи къ Севостополю, въ знакъ чего изъ всѣхъ концовъ изъ Россіи прислапы поборники, заступники ихъ странъ, святые предстатели, С. С. Николай и Митрофанъ. Я могъ только разслышать, когда онъ вручалъ Икону Знаменія П. Богородицы, тутъ сказалъ «что эта та Икона, предъ которою долженъ былъ отступить самъ Андрей Боголюбскій». Всѣ это продолжалось не долго; какъ во время служенія обѣдни, такъ и теперь пальба прекращалась, и нѣсколько бомбъ разрѣшились около собора, несмотря что было еще рано, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось, вѣрно по этому такъ рано все это происходило. До 9-ти часовъ утра все кончилось, и люди возвратились къ своимъ мѣстамъ. Опять замѣчу тоже, что еслибъ было познѣе, то непріятель могъ замѣтить на одномъ мѣстѣ большое собраніе людей, и направилъ бы туда болѣе орудій; и очень могло быть, что недалъ бы кончить священнослуженія. — На Сѣверной между войсками былъ полкъ Брянской егерской, который за отбитіе штурма 6-го Іюня, былъ переименованъ въ полкъ Генералъ-Адъютанта князя Горчакова, о чемъ только что полученъ Высочайшій Приказъ. Иннокентій, кончивши въ Севостополь-южномъ, отправился въ лагерь привѣтствовать брянцевъ съ ихъ Шефомъ, а Шефа съ монаршею милостію, у него все дѣлалось въ свое время, и какъ нельзя болѣе кстати. Незнаю, что тамъ было, болѣе я уже не видалъ своего любимца Владыку, за котораго по правиламъ Номоканона долженъ молиться пока самъ живъ, какъ зарукоположившаго меня въ Іеродиакона и Іеромонаха. Да не оскорбится душа Великаго Иннокентія что я рѣшился передать мои чувства къ Его великимъ дѣламъ, которые будутъ оценены достойно, если современниками, то потомствомъ: дѣла его говорятъ въ его пользу; не будемъ строги и къ современникамъ: не такъ ли жили и умирали во всѣ вѣка великіе люди какъ, мірскіе такъ и духовные столпы церкви. Даже между Великими Святыми бывали нѣкоторые недоумѣнія: вспомнимъ Златоустаго,

какъ онъ великъ, какъ жилъ и какъ умеръ, и какія къ нему имѣли отношенія, Св. Епифаній Кипрскій и Кирилъ Александрійскій—а Фотій Цареградскій, Георгій Конскій, къ нимъ можно причислить и нашего великаго Никона и другихъ, которыхъ имена украшаютъ лучшія страницы всемірной исторіи. Къ нимъ присоединится и имя Иннокентія.

Вотъ еще случай, который долженъ быть записанъ въ Исторіи Севостополя вмѣстѣ съ именемъ Иннокентія. Это закладка собора С. Р. Князя Владимира, гдѣ теперь поконится цѣлая семья Адмираловъ, Лазаревъ, Корниловъ, Истоминъ и Нахимовъ. Незнаю во всей подробности дѣло, но говорятъ такъ: мысль была воздвигнуть храмъ просвѣтителю Россіи на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ принялъ С. Крещеніе, въ Херсонесѣ; по этому случаю была отпралена подписка по всей Россіи, и собрано довольно денегъ, но въ постройкѣ храма встрѣтились затрудненія: одни желали выстроить на развалинахъ, а другіе хотѣли имѣть храмъ въ Севостополѣ, и, какъ говорятъ, сторону первыхъ держалъ Иннокентій, но кончилось тѣмъ, что рѣшено построить въ Севостополѣ на мѣстѣ, гдѣ храмъ и былъ заложенъ. Закладка была 1854 года 15-го Іюля, къ торжеству Иннокентій не былъ приглашонъ, но онъ желалъ учавствовать во всякомъ общественномъ дѣлѣ, явился самъ какъ снѣгъ на голову: объѣзжая Епархію заѣхалъ и въ Севостополь 13-го или 14-го числа. Какъ Епархіальный Архіерей онъ принялъ на себѣ трудъ сдѣлать освященіе мѣста и закладку храма съ обычнымъ свойственнымъ ему торжествомъ. Въ это время уже была война; хотя Севостополь еще наслаждался спокойствіемъ, но непріятельскій флотъ въ большомъ количествѣ былъ въ Черномъ морѣ, и не однократно показывался предъ Севастополемъ. Въ этотъ день онъ пришолъ на самое близкое разстояніе и легъ въ дрейфъ; въ виду этого громаднаго флота происходило освященіе, причемъ сказана приличная проповѣдь. Незнаю напечатана ли она, но говорятъ что онъ намекнулъ, какъ случайно пришлось ему совершить

этотъ православный обрядъ, другими словами, что его не-
пригласили. Къ отличительному свойству этого торжества было
то, что многодѣіе говорилъ не Протодіаконъ, а Архимандритъ
Геронтій, ученикъ и любимецъ покойнаго Иннокентія. Кончивши
курсъ Кандидатомъ въ Кіевской Академіи, по влеченію къ ис-
кусству, при рѣдкомъ дарованіи, долгое время былъ Іеродіа-
кономъ при Митрополитѣ Филаретѣ Кіевскомъ, а потому и
могъ этому торжеству придать болѣе блеска: во всемъ виденъ
Иннокентій... При о-вященіи я не присутствовалъ: непріа-
тельскій флотъ былъ на виду, потому и нашъ флотъ былъ въ
готовности; неведѣно было отлучатся съ судовъ.—я оставался
на своемъ фрегатѣ.

І. В.

Р Ъ Ч Ь,

Сказанная Священникомъ Екатеринбургскаго Каѳедральнаго
Совора Филаретомъ Зубаревымъ, 26-го Ноября, 1853 года, въ
день тезоименитства Пр. Иннокентія.

*(На обѣдѣ, данномъ по этому случаю, Слѣпцомъ
Ширлесымъ.)*

Братъ и другъ нашъ Григорій проситъ насъ нынѣ поже-
лать здоровья тезоименитому Благодѣтелю своему Высоко-
преосвященнѣйшему Иннокентію, Архіепископу Херсонскому
и Таврическому. Славное ния сего Архипастыря Русской
Церкви возбуждаетъ невольное сочувствіе къ нему во всѣхъ
сынахъ отечественной Церкви нашей. При настоящемъ слу-
чаѣ да позволено будетъ мнѣ сказать нѣчто о заслугахъ сего
Архипастыря на поприщѣ служенія Русской Церкви нашей.
Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, одаренный отъ Бога
высокимъ, гениальнымъ умомъ, возродилъ въ Россіи науку
Богословія; озарилъ ее самыми свѣтлыми идеями христиан-
скими; образовалъ многихъ прекрасныхъ Богослововъ, иду-
щихъ по указанной имъ отъ него стезѣ; посѣялъ въ Рус-
скомъ духовенствѣ самыя плодотворныя семена истинъ, кото-
рыя приносятъ теперь обильныя плоды просвѣщенія Духов-
наго — какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ духовныхъ

заведеніяхъ. А что сказать о другомъ дарѣ сего Архипастыря — о дарѣ церковнаго ораторства? Сей даръ извѣстенъ всему просвѣщенному міру — не только Россіи, но и Европы: Иннокентій оживилъ церковное слово наше. Создалъ новый проповѣдническій языкъ — чистый, ясный, свѣтлый, живой, дышущій теплотою христіанской любви. Читая съ величайшимъ наслажденіемъ высоко-художественныя и вмѣстѣ христіански-простыя и вразумительныя слова и бесѣды его, мы забываемъ, что долго молчало живое слово Василювъ, Григоріевъ и Златоустовъ; гений сихъ древнихъ Богоносныхъ учителей церкви почилъ на родномъ намъ Архипастырѣ Иннокентіѣ. Прославимъ, братія, Бога, что Онъ поставилъ на свѣщникъ Русской церкви такой великій свѣтильникъ, всѣхъ насъ просвѣщающій, и, съ высотъ Урала возводя свой взоръ къ горамъ Тавриды, воскликнемъ нѣмѣ съ радостію: Ура! да здравствуетъ Высокопреосвященный Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

ИЗБРАННЫЯ СЛОВА

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ,

С Л О В О

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

*Днесь спасенія нашего главизна и еже отъ вѣка Таинства
явленіе.*

Тропарь Праздника.

Такъ многократно, вчера и нынѣ, воспѣвала Св. Церковь. Не знаю, обратилъ ли кто изъ васъ особенное вниманіе на сіи слова; а мнѣ кажутся онѣ стоящими всего вниманія для всѣхъ насъ, и не на одинъ только нынѣшній день, а на всю жизнь. *Днесь спасенія нашего главизна*, восклицаемъ мы; слѣдственно спасенія и твоего и моего, слушатель; слѣдовательно мы съ тобою спасены, примирены съ Богомъ и совѣстію, очищены, оправданы и освящены; слѣдовательно и для насъ соблюдается *спасеніе правды, его же уготова Богъ всѣмъ любящимъ Его *)*! Видите, о чемъ идетъ дѣло? — Не о маломъ чемъ-либо, а о всемъ. — Послѣ того какъ не спросить: точно ли такъ въ самомъ дѣлѣ? — Ахъ, спасеніе явлено для всѣхъ, но Самъ Спаситель еще замѣтилъ, что *не много спасающихся*; оно на самомъ дѣлѣ можетъ принадлежать всѣмъ, но мы съ тобою, слушатель, можемъ не участвовать въ ономъ. Когда для всѣхъ другихъ начало спасенія, для насъ можетъ быть начало, или даже конецъ осужденія. Надобно потому самому, весьма надобно узнать, чьего спасенія нынѣ начало? — и принадлежимъ ли мы къ числу спасенныхъ?

*) 2 Тимое. IV, 8.

Спасеніе, Братія, не есть что-либо состоящее въ однихъ словахъ и понятіяхъ, или какихъ либо частныхъ дѣйствіяхъ и вещахъ, о коихъ довольно только знать, или на кои достаточно только согласится. Нѣтъ, спасеніе, какъ показывается самое названіе его, состоитъ въ освобожденіи отъ бѣдствій и золь. Мы говоримъ: больной спасенъ, когда опасность смерти прошла, и силы его начали поправляться. Говоримъ: взятый въ плѣнъ спасенъ, когда онъ получилъ свободу, и возвращенъ изъ рукъ непріятельскихъ. Говоримъ: путникъ спасенъ, когда разбойники, на него напавшіе, прогнаны, и онъ въ мирѣ продолжаетъ свое путешествіе. Если спросить у каждаго изъ таковыхъ людей: спасенъ ли ты? Каждый не медля отвѣтитъ, что онъ спасенъ, укажетъ, когда, какъ и отъ чего спасенъ. Таково, говорю, бываетъ спасеніе и отъ временныхъ бѣдствій,—видимо, ощутительно, незабвенно!

Тѣмъ паче таково должно быть спасеніе отъ бѣдствій вѣчныхъ,—тѣхъ бѣдствій, отъ коихъ никто не можетъ спасти насъ, кромѣ Самаго Бога, и для уничтоженія коихъ снизшелъ нынѣ на землю Самъ сынъ Божій. Получившій такое спасеніе, непременно долженъ знать, что получилъ; даже начавшій получать, не можетъ не знать, что онъ началъ получать. Спасенный такимъ образомъ долженъ чувствовать въ себѣ великую и важную перемену на лучшее, долженъ чувствовать, если не полное освобожденіе, то болѣе и болѣе возрастающее облегченіе отъ всѣхъ бѣдствій и золь, кои угнетаютъ всѣхъ не-спасенныхъ.

Если вы, Братія, вникали въ свое состояніе, то вамъ должно быть извѣстно, какія это бѣдствія. — Это во первыхъ помраченіе нашего ума, который по паденіи лишившись озаренія свыше, попалъ въ такую тьму, что *яже на землѣ обрѣтаетъ съ трудомъ, а что на небѣ, или за гробомъ, того самъ по себѣ, какъ должно, познать никакъ ни можетъ* *).

(* Прем. IX, 16.

Въ такой тьмѣ живутъ язычники, кои потому поклоняются камню и древамъ; живутъ и тѣ изъ христіанъ, кои отвергнувъ свѣтъ Слова Божія, предаются водительства своего бѣднаго разсудка. Второе бѣдствіе наше есть развращеніе нашей воли, по паденіи естественно наклонной къ злу. Отторгшись отъ воли Божіей, она носится нынѣ по безднамъ творенія, не зная гдѣ остановиться; хотѣла бы все подчинить себѣ, и въ замѣнъ того сама подчиняется всему; идетъ вопреки порядка природы, и потому дѣйствуетъ на погибель себѣ и другимъ. Подъ тяжестію сего бѣдствія стенаютъ всѣ грѣшники, представляющіе изъ себя жалкихъ рабовъ страстей и чувствъ. Третье всеобщее бѣдствіе человечества есть испорченность нашего сердца и чувства, которое, уклонившись отъ источника всѣхъ благъ, Бога, и прильпившись къ тлѣннымъ благамъ чувственнымъ, вмѣстѣ съ ними кружится и и крушится, прельщается и никогда не насыщается, томится скукою среди самыхъ наслажденій. Это бѣдствіе особенно видно на счастливыхъ міра, кои, стоя среди океана удовольствій земныхъ, непрестанно жаждутъ лучшаго. Последнее бѣдствіе, отъ коего страдаютъ всѣ, есть крайняя брѣзливость естества нашего и его зависимость отъ вѣтшней природы; раждаясь въ болѣзняхъ, влача жизнь среди недуговъ и лишеній, мы потомъ обращаемся въ землю, подобно последнему насѣкомому.

Какъ ни слабо это описаніе бѣдствій нашихъ, но и по немъ весьма удобно можно узнать каждому, въ какомъ онъ состояніи,—въ числѣ спасающихся, или погибающихъ. И во-первыхъ, смотри, спасенъ ли твой умъ?—Имѣешь ли ты ясное познаніе о Богѣ и Спасителѣ, о благодати С. Духа, безъ коей невозможно спасеніе, о своихъ обязанностяхъ и своемъ предназначеніи, о средствахъ достигнуть жизни вѣчной и избавиться соблазновъ міра?—Спасена ли твоя воля?—освобождена ли отъ наклонности къ злу, преобладанія надъ нею чувствъ и страстей? Заключена ли въ Законъ Господни, какъ

въ естественномъ для нея хранилищѣ? — Обличена ли тою силою, чтобъ въ случаѣ нужды могла стать за чистоту совѣсти противъ всего обольщающаго и ужаснаго? — Спасено ли твое сердце? — Знаетъ ли радость о Духѣ Святѣ, — освобождено ли отъ того крушенія, концы страдаютъ самыя великія счастливыя міра? Есть ли въ немъ предчувствіе того, чего око не видало, ухо не слыхало, и что на сердце плотскому человеку не приходило и придти не можетъ? Спасено ли все существо твое? — подавлено ли въ немъ *сѣмя тли* естественной? Насаждено ли *сѣмя* жизни благодатной? Замѣтно ли ослабленіе и совлеченіе человека ветхаго, возрожденіе, укрѣпленіе и преобладаніе человека новаго?

Кто ощущаетъ въ себѣ отсутствіе силъ злыхъ, угнетающихъ все человечество, тотъ, и только тотъ одинъ по справедливости можетъ сказать, что онъ спасенъ. А таковой, безъ ссмыслѣнія, знаетъ и то, что сего спасенія начало *нынѣ*. Ибо, если бы не явился нынѣ Свѣтъ міра, цѣлитель душъ и сердецъ, податель мира и жизни: то мы все оставались бы въ прежнемъ мракѣ, съ прежними грѣхами и немощію къ добру, съ прежнимъ крушеніемъ духа и ненасытностію сердца, съ прежнею брѣнностію и тлѣніемъ.

И такъ, еще разъ, Братія, вопрошу васъ, спасены ли вы? Признакъ и доказательство спасенія одно: свобода отъ злыхъ и бѣдствій. И такъ, чувствуете ли эту драгоценную свободу? Если не чувствуете, то спасеніе не ваше, Христосъ еще не вашъ, вы еще — не Христіане! — Ибо, что же это за спасеніе, когда вы окружены тѣми же бѣдствіями, также слѣпы въ дѣлахъ вѣры, также связаны грѣхами, также злобы, немилосердия, унылы, брѣнны, тлѣнны? Что это за начало спасенія, когда въ васъ нѣтъ не только конца, даже продолженія! А если такъ, то что значитъ, Братія, ваше Христіанство? Изъ чего состоитъ оно? Развѣ нашли вы другаго Христа, который не спасаетъ вѣрующихъ въ Него?

Тяжело, Братія, слышать подобные вопросы въ такой радостный день. Но, что же дѣлать намъ? Развѣ говорить, что вы спасены, когда мы видимъ, что вы погибаете? — Рѣзвѣ пѣть и услаждать слухъ вашъ, когда вы спите надъ бездною? Нѣтъ, мы должны вопіять къ вамъ, гремѣть всѣмъ, чѣмъ можемъ, чтобы пробудить васъ, заставить удалиться отъ бездны, и начать дѣло своего спасенія.

Мало сего: мы молимъ и непрестанно должны молить Господа, чтобы Онъ Самъ гремѣлъ надъ нами всемогущимъ глаголомъ Своимъ, и пробуждалъ васъ, чтобы не щадилъ, если то нужно, ни гнѣва Своего, ни стрѣлъ. — Ибо лучше, стократъ лучше, чтобы каждый изъ насъ пострадалъ, если то нужно, здѣсь временно, нежели отшелъ неисправленнымъ туда, гдѣ надобно мучиться вѣчно.

И если когда намъ, Братія, нужно говорить съ вами такимъ языкомъ, то въ нынѣшній день; ибо день сей есть самый способный къ тому, чтобы начать, кто не начиналъ, дѣло своего спасенія. Не напрасно церковь возглашаетъ: *днесь спасенія нашего главизна!* Рѣшись отъ нынѣ оставить грѣхъ, освободиться отъ узъ господствующей въ тебѣ страсти, начать жить для Бога, вѣровать всѣмъ сердцемъ въ Искупителя, ходить и дѣйствовать, какъ учитъ Евангеліе и церковь; — и нынѣшній день содѣлается для тебя истиннымъ началомъ твоего спасенія. — Всякой разъ, когда онъ будетъ возвращаться, ты будешь отъ полноты сердца восклицать: *днесь, истинно днесь спасенія моего главизна!* Послѣ сего и для меня и для тебя будетъ сей день днемъ Благовѣщенія: для меня потому, что я возвѣстилъ, а для тебя потому, что ты принялъ благую вѣсть о спасеніи. — О, куда не пронесется вѣсть сія! Ей будутъ радоваться Ангелы, о ней возрадуется Самъ отецъ небесный! — Аминь.

ВЕСЬДА

НА ВСЕНОЩНОМЪ БДѢНІИ

ПОДЪ РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Что, еслибы мудрости человѣческой самой предоставлено было начертать планъ явленія на земли великаго Посредника между землею и небомъ? Не потщилась ли бы она удалить отъ колыбели Божественнаго Отрочати всякое неудобство и бѣдность? Не почла ли бы за долгъ окружить происхождение Его на свѣтъ знаменіями и чудесами, славою и велеціемъ?—Но Премудрость Божія поступила другимъ, противнымъ образомъ. И мы увидимъ знаменія и чудеса, но токмо тѣ, кои были, такъ сказать, неизбежны при столь чрезвычайномъ событіи, каково явленіе во плоти Сына Божія; первѣе же всего увидимъ бѣдный вертепъ и ясли, пелены и слезы; все прочее—звѣзда и восточные мудрецы съ дарами, самые хвалебные хоры Ангеловъ суть токмо, — смѣемъ сказать, — второстепенныя черты въ сей Божественной картинѣ. Памятуя сіе, мы должны, братія мои, искать въ разсматриваемыхъ нами событіяхъ величія не внѣшняго, земнаго и чувственнаго, а внутренняго, духовнаго, того величія, которое состоитъ въ отверженіи всего великаго и славнаго по суду и понятіямъ міра суетнаго. Божественное величіе сіе откроется здѣсь въ такомъ избыткѣ, что самое пламенное воображеніе не въ состояніи обнять его всецѣло.

Уже приближалось время, опредѣленное закономъ естества въ которое имѣлъ произойти на свѣтъ Творецъ естества. Но святая чета обитала въ Назаретѣ, мѣстѣ жительства Іосифова; а обѣтованному Спасителю міра надлежало родиться въ Вифлеемѣ: ибо Пророкъ, за пять вѣковъ, въ слухъ всего народа Іудейскаго изрекъ: *и ты Вифлееме, доме Есфрафовъ, ничимъ же меньше еси во оладыкахъ Іудовыхъ; изъ тебе бо изыдетъ вождь, иже унасестъ люди моя Израиля.* Славному пророчеству сему не обходимо надлежало исполниться; но какъ?—сказать Іосифу, что бы онъ съ Пресвятою Дѣвою шелъ теперь въ Вифлеемъ?—это было бы всего удобнѣе; но такое исполненіе Пророчества было бы не столько исполненіе, сколько приспособленіе къ Пророчеству: такъ можетъ дѣйствовать человѣческая мудрость, а не Божественная; — и Провидѣніе избрало другой путь, Его достойный. Іудея имѣла въ это время и своего Царя, Ирода; но подобно многимъ другимъ странамъ зависѣла отъ верховной власти Рима. И вотъ, Римскому Кесарю—Августу пришло на мысль—велѣть сдѣлать перепись всей подвластной ему вселенной. Безъ сомнѣнія, Владыка Рима имѣлъ для сего свои причины и побужденія, — можетъ быть, очень умныя и основательныя, можетъ быть, очень не умныя и не основательныя; какъ бы то ни было, только повелѣніемъ Августа о переписи открывалась вся удобность къ тому, что древнее Пророчество о рожденіи обѣтованнаго Избавителя въ Вифлеемѣ могло исполниться теперь во всей силѣ, безъ малѣйшаго нарушенія свободы человѣческой.—

Благоговѣя предъ симъ распоряженіемъ Премудрости Божіей, не оставимъ однакоже брат. мои, вмѣстѣ съ тѣмъ при-
мѣтить здѣсь и новую, поучительную черту самоуничиженія будущаго Искупителя чедовѣковъ. Ибо что должно послѣдовать въ отношеніи къ Нему въ слѣдствіе переписи Римской?—Имя Іисуса, сладчайшее и достопокланяемое имя, предъ величіемъ коего, по свидѣтельству Апостола, преклоняется всяко колѣно

небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ *), будетъ отъ самаго рожденія записано въ число подданныхъ Кесаря, наряду съ именемъ послѣдняго изъ сыновъ Израилевыхъ. Гордый владыка Рима не удостоитъ конечно и взглянуть на списки именъ, присланные изъ Іудеи: но тѣ, кои были приставлены къ дѣлу о переписи, не разъ могли читать въ нихъ, что въ Внолеемъ, у одного изъ потомковъ Давидовыхъ, именемъ Іосифа, промышлюмъ древодѣла, есть осмодневный сынъ, именемъ Іисусъ... Да послужить сіе къ утѣшенію тѣхъ, кои всю жизнь не имѣютъ другаго названія, кромѣ слуги и раба: это первое изъ титуловъ, кои принялъ по рожденіи Самъ Сынъ Божій. А тѣ, кои при самомъ рожденіи обременены титулами и отличіями, да научатся изъ примѣра Спасителя своего, не полагать въ нихъ своего величія, а искать его въ безкорыстномъ служеніи Богу и ближнимъ.

Поелику у Евреевъ былъ обычай вести народныя переписи по колѣнамъ, племенамъ и родамъ; а всякое колѣно, племя и родъ имѣли свои опредѣленные города и мѣста праотческихъ: то повелѣніе Кесаря о переписи привело въ движеніе всю Іудею. *Идяху, говоритъ Евангелистъ, вси написатися, каждо во свой градъ.* Св. Іосифу посему самому надлежало отправиться въ Внолеемъ, фамильный городъ Давида, коего онъ былъ потомкомъ. Марія, яко жена, кои не подлежали переписи, могла повидимому, оставаться дома; сего требовало самое положеніе ея: но она была, по свидѣтельству преданія, послѣдняя въ своемъ родѣ, не имѣла ни братьевъ, ни сестеръ; а таковыя, яко наслѣдницы имени и всего рода отческаго, подлежали переписямъ наравнѣ съ мужами. Такимъ образомъ и Марію, не смотря на ея состояніе, надлежало оставить мирный кровъ домашній, и идти въ Внолеемъ, что бы записать свое имя въ списокъ подданныхъ Кесаря. *Въездеже и Іосифъ отъ Галилеи, изъ града Назарета, во Іудею во градъ Да-*

*) Фил. II, 10.

*видовъ, иже нарицается Внолеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Марією, обрученною ему женою, сущюю не праздною *).*

Сущюю не праздною, то есть, какъ бы такъ говорилъ Евангелистъ: хотя она была не праздна, хотя по сему ей лучшебы оставаться дома, такъ какъ путешествіе въ Внолеемъ сопряжено было для ней съ крайнимъ неудобствомъ. Можетъ быть св. старецъ утѣшалъ себя на семъ пути мыслию, что пребываніе его въ Внолеемъ не будетъ продолжительно, и онъ, воздавъ Кесарева Кесаревнѣ, успеетъ возвратиться въ домъ для возданія Богови, аже Божію. Но скороли могла дойти очередь въ переписи до бѣднаго древодѣла Назаретскаго, который, хотя и вмѣстѣ съ нареченною женою своею происходилъ по прямой линіи отъ Давида, не имѣлъ другаго отличія, кромѣ старческихъ власовъ, и влутренней, единому Богу довѣдомой, чистоты души и сердца? — Посему егда быша тамо, исполнишася родити ей.

Исполнишася дніе. Какъ бы уже ни однимъ днемъ не могло быть отсрочено то, что не однимъ, а многими днями отсрочивается иногда для прочихъ сыновъ человеческихъ! Съ такою точностію начинаетъ исполнять всѣ законы природы человеческой Тотъ, грядетъ вознаградить и искупить своею правдою нарушеніе всѣхъ законовъ, всѣми людьми. Законъ общества хочетъ, что бы имя Его, еще не рожденнаго, внесено было въ перепись Римскую; и се, онъ въ Внолеемъ, вмѣстѣ въ нареченныхъ Отцомъ и Матерію не праздною! Законъ природы требуетъ, что младенцы, зачатые во утробѣ, происходили на свѣтъ по девяти-мѣсячному плодоношенію; и се, Онъ исходилъ на свѣтъ тотчасъ, егда исполнишася дніе родити.

*) Лук. II, 4—5.

Покрайней мѣрѣ, Матерь Сына Божія будетъ имѣть теперь въ Вифлеемѣ все спокойствіе и удобство, такъ необходимыя въ то время, *егда исполнишася дніе родити!*—Какой нибудь изъ старѣйшихъ Іудейскихъ поспѣшитъ представить свои чертоги въ убѣжище Матери обѣтованнаго Мессіи? Тѣмъ паче какой либо Священникъ Вифлеемскій будетъ молить о томъ, чтобы его домъ освятился и прославился рожденіемъ великаго Царя. Нѣтъ, о семъ рожденіи не должны вѣдать ни старѣйшины, ни Священники, никто, кромѣ Матери и парченнаго Отца. Значить оно произойдетъ тамъ, куда пристають всѣ путешественники?—Ахъ, св. старецъ и Марія рады были бы и такому мѣсту, какъ оно ни шумно теперь и не безпокойно; но Іосифъ обошелъ уже всѣ подобныя мѣста въ Вифлеемѣ, и ни въ одномъ изъ нихъ не нашлось пристанища: все занято и наполнено народомъ! — Кто же приметъ подъ кровъ свой Дѣву и старца? Кто дастъ мѣсто—рожденія Сыну Божію? Никто? *Во обители не бѣ мѣста пла.* Явится по крайней мѣрѣ какой либо Ангелъ и укажетъ путь къ Вертепу и Яслямъ; ибо и подобныя мѣста неизвѣстны тѣмъ, кои не были жителями Вифлеема, а пришли въ него случайно. Нѣтъ, и Ангелы возвѣстятъ, прославятъ рожденнаго, но не окажутъ видимой услуги при рожденіи Того, кто самъ пришелъ послужить всѣмъ.—Ужели же въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ св. чета будетъ предоставлена самой себѣ?... Да, братія, она была предоставлена теперь самой себѣ,—да разумѣемъ, до какой чрезвычайной степени простирается самоотверженіе Сына Божія, при самомъ явленіи Его въ нашей бѣдной плоти, и слѣд. до чего можетъ простирается испытаніе тѣхъ, кои желаютъ быть подобны Ему въ уничтоженіи и страданіяхъ, дабы войти потомъ съ Нимъ и въ славу Его.

Старче Святый и Праведный! остается снова дѣйствовать тебѣ одному: собери послѣднія силы свои и ищи еще необходимаго для Дѣвы пристанища, хотя окрестъ Вифлеема: между тварями разумными нѣтъ его; можетъ быть найдется

между неразумными.... Въ самомъ дѣлѣ, недалеко отъ Вифлеема, среди каменныхъ скалъ, его окружающихъ, находилась одна пещера, въ коей Пастыри со стадами своими имѣли пріютъ отъ бурь и непогодъ. Для сей же цѣли внутри пещеры изсѣчено было въ стѣнѣ углубленіе, служившее мѣсто яслей для животныхъ. Въ сію то пещеру, и то вѣроятно, послѣ долгихъ и трудныхъ исканій Старца,—уклонилась теперь святая чета для пристанища! Въ сихъ то ясляхъ благоводилъ возлечь Тотъ, который имѣетъ престолъ небо и подножіе землю и на коего не могутъ взирать Херувимы и Серафимы.

О, братія, мой, прекратимъ всякое слово, оставимъ на время всякое размышленіе; станемъ въ духѣ у сихъ яслей, и повергнемся всѣмъ существомъ своимъ предъ Тѣмъ, кто возлежитъ въ нихъ!... Слава, вѣчная слава безпримѣрному снисхожденію Твоему, Божественный челоуколюбчецъ! пелены Твои драгоценнѣе для насъ всѣхъ Царскихъ украшеній Давида и Соломона; ясли, въ конхъ возлежишь ты, сократъ Храма Іерусалимскаго. Ибо что тамъ теперь въ семъ Храмѣ? Одни праздныя символы Твоего пришествія и Твоего великаго служенія; а здѣсь, въ этой пещерѣ и ясляхъ — спасенія всего міра. Чѣмъ болѣе сокрываешь Ты свое величіе подъ кровомъ смиренія; тѣмъ болѣе мы чувствуемъ безприкладную Твою любовь къ намъ и желаніе подражать Тебѣ и Твоему Божественному младенцу. Да померкнутъ предъ нами всѣ обманчивыя свѣтила суетнаго величія земнаго, да не будетъ намъ высшей похвалы, какъ точію хвалиться яслями и Крестомъ Твоимъ; да содѣлаемся кротки, смиренны, нищидухомъ, ничтоже имуще въ мірѣ, яко же былъ Ты, отъ начала до конца Твоего пребыванія между нами!

Не взирая на всю скудость и стѣсненность положенія св. четы съ Божественнымъ младенцемъ въ пещерѣ Вифлеемской, тотъ однакоже уклонился бы отъ истины, братія мой, кто бы

подумалъ, что такое положеніе было чѣмъ либо не прилично для Спасителя міра въ настоящихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ, судя именно по симъ обстоятельствамъ, оно было самое лучшее и показывало, какъ Провидѣніе Отца Небеснаго, при всей сокровенности его, невидимо бдѣло надъ судьбою возлюбленнаго Сына. Ибо положимъ, что для с. четы, предъ временемъ рожденія и нашлось бы какое либо свободное мѣсто въ гостиницахъ Вифлеемскихъ; въ замѣтъ сей выгоды сколько было бы непріятности отъ шума народнаго, отъ любопытства людей праздныхъ, отъ моавы и соглядатайства! Здѣсь напротивъ, за городомъ, въ вертепѣ св. Дѣва и св. старецъ были одни, среди полной свободы, совершенно удалены отъ *мятежа человеческого*, въ невидимомъ присутствіи Отца Небеснаго. Такимъ образомъ завѣса неизвѣстности, долженствовавшая быть простертою надъ колыбелю Сына Божія, останется во всей неприкосновенности, и будетъ сокрывать Божественное лице Его доколѣ Онъ, проведши тридцать лѣтъ въ Назаретъ, не изыдетъ изъ свое время, окруженный знаменіями и чудесами, на великое дѣло служенія роду человеческому. Тщетно посему Иродъ будетъ напрягать всѣ силы, истощать всѣ средства, чтобы дойти до слѣдовъ Божественнаго Отрочати, почивающаго въ ясляхъ вертепныхъ: удостоившіеся созерцать сіе отроча и поклониться Ему—Пастыри и Волхвы не измѣнятъ тайнѣ; а жители Вифлеема, хотя бы и нашли между ними способные быть орудіемъ кровожаднаго Тирана, не въ состояніи будутъ указать некое. — Съ другой стороны дѣторожденіе Той, которая зачала и родила не отъ сѣмени человеческого, а отъ Духа Св., безъ сомнѣнія, не было подобно рожденію прочихъ матерей, зачинающихъ въ беззаконіяхъ и рождающихъ во грѣхахъ, — не сопряжено съ трудностями и болѣзнями, и слѣд. не имѣло обыкновенной въ подобныхъ случаяхъ—необходимости въ помощи чуждой. Евангелистъ, не безъ особенной силы и намѣренія, говорить въ семъ случаѣ о Пресвятой Дѣвѣ, что Она — *роди сына своего*

*Первенца и повивъ его и положи его въ ясляхъ *)*. Это значитъ, что Св. Дѣва сама приняла на свои пречистыя руки Божественнаго младенца; Сама повива Его пеленами и положила въ ясляхъ; и Сама же, безъ сомнѣнія, первая тотчасъ поверглась на колѣна предъ Тѣмъ, который удостоилъ ее чести быть своею матерію. Такимъ образомъ, говоря, рожденіе Спасителя нашего, не взирая на крайнюю степень смиренія, простоты и бѣдности, окружено было всею чистотою, безмолвіемъ и приличіемъ, подобающимъ явленію во плоти Святѣйшаго Святыхъ.

Между тѣмъ какъ явственно, братіе мои, отражается Цѣль вочеловѣченія Сына Божія во всемъ, что окружаетъ теперь рожденіе Его. Сынъ Божій, какъ замѣтили мы, облекается въ брѣнное естество наше, и является яко единъ отъ сыновъ человеческихъ для двухъ преимущественно причинъ; дабы, принять на себя грѣхи наши, удовлетворить за нихъ правдѣ Божіей, и дабы въ своемъ лицѣ и жизни преподать намъ примѣръ смиренія, чистоты и терпѣнія. Но воззрите на убогій вертепъ и ясли, воззрите на предвѣчное отроча, повитое, страдающее, плачущее! Что это все, какъ не жертва за грѣхи наши? Для чего уста премудрости и разума, связаны тѣмнотою младенческою, какъ не въ вознагражденіе гордости нашего разума, ненаказанности и буйства нашихъ помысловъ, дерзости и нечистоты нашего языка? Для чего руки всемогущества (ибо Отроча есть вмѣстѣ и Богъ Предвѣчный) повиты пеленами, какъ не въ наказаніе за наше своеволіе, наши необузданныя желанія, нашу вражду, и противоборство уставамъ небеснымъ? Что значитъ эта бѣдность, окружающая теперь Царя славы, чьи страданія, срывающая Его отъ утробы Матерней, какъ не возмездіе за тѣ нечистыя чувствѣнія удовольствія, въ кои сыны вѣка сего, или паче всѣ мы любимъ погружать себя? Отроча Божественное плачетъ, якоже

*) Лук. II, 7.

прочіи младенцы, по его слезы имѣють другой источникъ: Оно болѣзнуеть о грѣхахъ нашихъ; это начало Его ходатайственной молитвы за насъ предъ Престоломъ Правды вѣчной, начало самое естественное для насъ, долженствующее поразить грѣшника стыдомъ и ужасомъ, сокрушить его грѣховное нечувствіе и ожесточеніе.

Да, братія мои, тогда какъ мы обыкновенно начинаемъ свои поученія къ вамъ словами, Спаситель нашъ предназначалъ во ясляхъ проповѣдь свою ко всѣмъ намъ не словами, а дѣлами и слезами. Онъ является бѣднымъ и ничтоже имущимъ, да заставить полюбить бѣдность и нищету духовную; является плачущимъ и злостраждущимъ, да воодушевитъ къ перенесенію искушеній и гоненій отъ міра. Ахъ, еслибы мы были чисты и святы, яко Ангелы, или яко первый человекъ въ раю, Сынъ Божій являлся бы намъ тогда въ славѣ и величіи небесномъ. Даже и теперь, еслибы Онъ пришелъ къ намъ для принятія отъ насъ славы и поклоненія; мы узрѣли бы Его (какъ узримъ нѣкогда) сѣдящимъ на Престолѣ, окруженнымъ Ангелами и Архангелами. Но Онъ приходитъ искупить, оправдать, уврачевать, освятить насъ; и потому является яко ходатай, яко жертва за всѣхъ, и яко примѣръ, — является младенцемъ, возлежащимъ въ ясляхъ.

Возблаготовѣемъ убо предъ оими яслями, яко безцѣннымъ символомъ и залогомъ нашего спасенія; поспѣшимъ приобщиться въ духѣ вѣры священнодѣйствию Вноелеемскому и жертвѣ, за насъ тамо приносимой; усвоимъ себѣ навсегда великій примѣръ смиренія, намъ оттуда подаемый. Нищіе и худородные міра, станьте не боязненно у яслей Вноелеемскихъ, и воспримите отъ Возлежащаго въ нихъ духъ мужества и терпѣнія! Не радость ли, что ваше состояніе видимо подобно состоянію Спасителя вашего, что вамъ нѣтъ нужды дѣлать ни какихъ перемѣнъ въ немъ? Ибо тѣже рубища и нищета, тѣже

слезы и страданія, тоже изгнаніе отъ міра. Надобно только усвоить себѣ добровольно тяжелый жребій свой на землѣ, полюбить свою нищету и худородность, быть таковыми же въ духѣ, каковы по плоти, то есть смиренно-мудрыми не привязанными ни къ чему земному, преподанными во всемъ волю Божіей, выну стремящимися къ почести вышняго званія. Тогда вамъ жребій лучше всѣхъ жребіевъ въ мірѣ: ибо вы, по самому положенію своему, на пути Царскомъ, близъ рая, у ногъ Спасителя и Господа вашего.

Но какъ стать у яслей Вноелеемскихъ сильнымъ вѣка сего, богатымъ сокровищами земными, тѣмъ людямъ, кои осуждены, такъ сказать, отъ самаго рожденія своего жить среди изобилія и утѣхъ чувственныхъ? — Какъ, говорю, стать нынѣ всѣмъ таковымъ у яслей Вноелеемскихъ и не почувствовать стыда и смущенія? — Ибо, если предъ Царя земнаго, когда онъ облеченъ печальными одеждами, явиться въ ризахъ свѣтлыхъ, съ роскошію и великолѣпіемъ, было бы не простительною дерзостію; то можно ли, безъ смущенія, воззрѣть на нищету Иисусову, тѣмъ, кои если воздыхаютъ иногда и стонуть, то единственно отъ чрезмѣрнаго множества благъ земныхъ и пресыщенія ими? — Но братія мои, есть и для васъ средство примириться съ яслями Вноелеемскими и съ нищетою Спасителя вашего. Онъ является ничтоже имущимъ, отнюдь не для того, чтобы обнажить васъ отъ стяжаній и сокровищъ вашихъ; напротивъ Онъ готовъ къ тому, что вы имѣете, придать еще большее; ибо для всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ, приносить съ собою цѣлоѣ Царство небесное. Чего же Онъ хочетъ отъ васъ? Хочетъ того самаго, что необходимо для спасенія душъ вашихъ: да наслаждаясь благами земными, не забываете благъ небесныхъ, и наслаждаетесь первыми съ умѣренностію и благодареніемъ къ Подателю ихъ; да не прилѣпляете ни къ чему на землѣ сердца вашего, и, обладая многими, сами не будете обладаны ни отъ чего; да употребляете стяженія ваши не на

удовлетвореніе только собственныхъ нуждъ и желаній, а и на дѣла вѣры и человеколюбія, на помощь страждущимъ братіямъ вашимъ; да будете наконецъ, подобно мудрымъ Волхвамъ, готовы, по гласу свыше, оставить все, дабы идти въ Внелеемъ и повергнуть къ подножію Отрочати ваше злато, вашъ ливанъ и смирну. Поступая такимъ образомъ, можно и среди величія земнаго имѣть нищету духовную; и, не оставляя порфиры и виссона, съ благодушіемъ явиться предъ ясли Внелеемскія для пріятія мира и благодати отъ Того, кто *богатъ сый, насъ ради обнища*, да мы всѣ, и богатые и бѣдные, обогатимся его нищетою. Аминь.

С Л О В О

въ день Срѣтенія Господня.

Изъ многихъ вопросовъ, кои можно предложить себѣ касательно жизни нашей на землѣ, едва ли, братіе, не самый важный вопросъ о томъ, какъ лучше умереть? — Нѣкоторые даже изъ языческихъ мудрецовъ поставляли въ этомъ всю мудрость человѣческую, и не иначе называли ее, какъ наукою смерти. — Кто же научить насъ сей, великой и необходимой для всѣхъ, наукѣ? — Всего лучше, удобнѣе и скорѣе могутъ научить тѣ, кои сами прошли уже дверями гроба, и прошли безмятежно, въ миръ, съ радостію. — Одинъ изъ таковыхъ — подлинно счастливцевъ, есть праведный Симеонъ. Послушайте, что говоритъ онъ къ Богу, оканчивая жизнь свою: *Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ!* — Можно подумать, что св. старецъ былъ доселѣ въ изгнаніи, и теперь только возвращается подъ родной кровъ; — находился доселѣ въ узахъ, и теперь только исходитъ на свободу! Что сдружило его такъ тѣсно съ ужаснымъ для всѣхъ насъ образомъ смерти? Почему гробъ кажется ему пріятнымъ ложемъ? Отчего съ такою радостію спѣшитъ онъ туда, куда другіе не могутъ и заглянуть безъ страха?

Часть этой тайны рассказывает самъ Симеонъ: *яко видѣста, вызываетъ онъ ко Господу, очи мои, спасеніе твоё!* То есть, какъ бы такъ говорилъ праведникъ: мнѣ нечего уже дѣлать на землѣ, ибо я видѣлъ все — Спасителя и самое спасеніе; увидѣвъ Его, мнѣ нечего страшиться и за предѣлами земли; ибо, съ Нимъ—всемогущимъ Спасителемъ моимъ, *еще пойду и посреди слъни смертной, не убоюсь зла.*

Но, тутъ, братіе, какъ я сказалъ, только часть тайны Симеоновой, а не вся тайна.—Спасеніе, видѣнное Симеономъ, видѣли очами своими и многіе изъ современниковъ Симеона, видѣли гораздо болѣе и долѣ Симеона; однако же мы не видимъ въ евангеліи, чтобы кто другой, кромѣ Симеона, сказалъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ!*—Было нѣчто въ Симеонѣ, что спасеніе, видѣнное имъ наравнѣ съ другими, усваивало ему несравненно предъ другими. Это важное нѣчто, умолчанное Симеономъ по смиренію, открываетъ Евангелистъ, когда изображаетъ лице Симеона. *Человѣкъ сей, говоритъ онъ о Симеонѣ, бѣ праведенъ и благочестивъ, чая утѣхи Израилевы, и духъ бѣ святъ въ немъ, и бѣ ему обѣщано Духомъ Святымъ, не видѣти смерти прежде, даже не видѣти Христа Господня *).* То есть въ Симеонѣ былъ цѣлый соборъ добродѣтелей: любовь къ ближнимъ питала въ немъ любовь къ Богу и страхъ Божій; страхъ и любовь укрѣпляли въру въ Искупителя; въра привлекла Духа Святаго; Духъ удостоилъ его откровеній и далъ возможность увидѣть Спасителя; лицеушнѣе Спасителя изгнало страхъ смерти;—и Симеонъ отходитъ съ миромъ туда, куда другіе не могутъ и возрѣть безъ трепета!

Такимъ образомъ, вотъ святая тайна Симеонова! Вотъ какъ дошелъ онъ до драгоценной возможности — умереть въ мирѣ!—Кто хочетъ смерти Симеоновой, тотъ иди путемъ Симеоновымъ: будь праведенъ и благочестивъ, въру въ Искупителя, старайся содѣлаться жилищемъ Духа Святаго, и удостоишься лицеушнѣе своего Спасителя!

И во первыхъ для мирной смерти потребна, братіе, правда и непорочность. И въ продолженіи жизни тяжело бываетъ, когда совѣсть живо представитъ какую-либо обиду, нанесенную ближнему; но стократъ тяжелѣе должно быть это при смерти, когда совѣсть сама дѣлается несравненно живѣе и чище. Угасающій взоръ, по необходимости, ищетъ тогда, на чемъ бы успокоиться: судите же, каково должно быть это успокоеніе, когда ему представится цѣлый рядъ жертвъ собственной жестокости, или лукавства!—И не это ли тѣ ужасные призраки, кои перѣдко мучатъ умирающихъ явленіемъ своимъ?—Мы привыкли изъяснять ихъ мученіе страданіями тѣла: но, тѣло ли всею виною?—Ахъ, какъ иное, совершенно иное услышали бы мы отъ многихъ умирающихъ, если бы языку ихъ, связанному узами смерти, дано было разрѣшиться и проглаголатъ намъ ужасную истину!—Страданія тѣла бывали и у людей праведныхъ; но душа ихъ отходила ко Господу въ мирѣ:—почему?—Не потому ли, что жила съ Господомъ въ мирѣ:—Не отъ того ли, что совѣсть у нихъ, будучи совершенно мирна, умиротворяла и тѣло, а душа, будучи свободна отъ тяжестей грѣховныхъ, потому самому удобно возносила надъ землею и парила къ небу?—Какова жизнь, такова и смерть!

Второе, надежнѣйшее средство противъ ужасовъ смерти, по указанію Св. Симеона, есть любовь къ Богу, или благочестіе. Не трудно угадать, какъ дѣйствуетъ это средство, и въ чемъ его сила. Посмотрите на сына любящаго отца, и долго бывшаго въ разлукѣ съ нимъ! Онъ готовъ былъ перенести все, чтобы возвратиться въ домъ отеческій; не взираетъ при семъ ни на ярость волнъ морскихъ, ни на высоту горъ,

ни на другія опасности. Такъ и человекъ, любящій своего Господа, съ радостію спѣшитъ въ двери гроба, не смотря на тѣсноту и мрачность ихъ; ибо знаетъ, это единственный путь къ возврату въ домъ отеческій. А безъ этой любви къ Отцу Небесному, безъ этой дѣтской привязанности къ горнему Отечеству, переходъ въ другой міръ, по необходимости, долженъ быть тяжелъ и непріятенъ. Какъ съ миромъ идти туда, куда не хотѣли бы идти вѣчно? Какъ явиться предъ того Бога, Который всю жизнь былъ, или забываемъ, или оскорбляемъ?—Въ такомъ случаѣ умирающій грѣшникъ подобенъ рабу, который пойманъ въ бѣгствѣ, и насильно возвращается предъ своего владыку. Можно ли тутъ не трепетать и не мучиться душою?

Третіе средство противъ ужасовъ смерти, по указанію Праведнаго Симеона, есть живая вѣра въ Искупителя.—Худо, братіе, очень худо безъ вѣры и въ продолженіи жизни; но стократъ хуже при смерти. Во время жизни многое, повидимому, можетъ замѣнять вѣру, и къ сожалѣнію, замѣняетъ для многихъ; но при смерти, увы, ничто не замѣнитъ?—Минуты смерти, увы, ничто не замѣнитъ? — Минуты смерти, явно, суть самыя важныя и рѣшительныя: можно ли положиться тогда на самихъ себя, на свое мужество, на свою мудрость, даже на самую добродѣтель?—Тутъ мы исчезаемъ для міра и міръ для насъ; тутъ преставленіе свѣта для каждого, страшный судъ для каждого! Посему нужна и помощь высшая, всемогущая; нуженъ не ходатай, не Ангелъ, но Самъ Господь. Только Его имени слушаетъ небо и земля, только предъ Нимъ трепещетъ адъ и всѣ духи злобы;—посему только съ живою вѣрою въ Него мы можемъ пройти въ міръ ужасную бездну тѣни и непреткновенно изыти въ свободу чадъ Божіихъ.

Эту необходимость вѣры въ Искупителя при смерти прекрасно выражаетъ Св. Церковь, влагая въ руки каждому умершему Крестъ. Но, братіе, чтобы сей Крестъ имѣлъ силу

дѣйствовать за насъ при смерти, надобно чтобы онъ прежде воздѣйствовалъ въ насъ во время жизни, и истребилъ грѣхи наши. Крестъ, влагаемый въ руки умершему, остается въ гробѣ, и истлѣваетъ съ тѣломъ;—съ душою идетъ тотъ Крестъ, который она сама для себя соорудила, въ продолженіи своей жизни. Желаете знать, какъ сооружается сей нетлѣнный Крестъ?—Двойнымъ образомъ: во первыхъ великодушнымъ перенесеніемъ о имени Господа Иисуса тѣхъ бѣдствій и искушеній, коими Промыслъ посылаетъ каждого изъ насъ для нашего очищенія;—во вторыхъ упражненіемъ себя въ различныхъ произвольныхъ лишеніяхъ ради Его же Пресвятаго имени. Такой Крестъ не истлѣетъ въ землѣ; съ нимъ душа предстанетъ и на всемірный судъ; онъ будетъ служить украшеніемъ ея на всю вѣчность!

Четвертая причина, почему для Праведнаго Симеона смерть была мирною, состояла въ томъ, что онъ былъ исполненъ Святаго Духа. Не трудно понять дѣйствіе и этой причины. Какъ Ангелу смерти отягчить руку свою надъ тѣмъ, въ комъ зрится Духа Божія?—И вѣяніе прохладнаго воздуха облегчаетъ страданія болящаго; и дыханіе устъ матери или друга улаживаетъ томленія лежащаго на одрѣ смерти: какого же облегченія не можетъ произвести благодатное вѣяніе Духа Божія?—можетъ ли онъ не освѣтить, въ минуты смерти, душу, которая была вѣрною ему въ продолженіи своей жизни? — О, блаженны, стократъ блаженны *мертви, умирающіе* такимъ образомъ о Господь! *Самъ Духъ глаголетъ*, что они *почиютъ отъ трудовъ своихъ!* *).

И такое блаженство, братіе, можно сказать, безъ всякаго съ нашей стороны усилія доставалось бы каждому изъ насъ, если бы мы сами не лишали себя онаго. Ибо, при всей важности даровъ Святаго Духа, благодать Его низводится въ

душу каждого изъ насъ при самомъ началѣ жизни нашей— въ таинствѣ Муропомазанія, мы видимо печатѣемся печатью Св. Духа. И въ продолженіи жизни, во всѣхъ прочихъ таинствахъ, молитвами Церкви и Пастырей ея, приедемъ благодать Духа. Такимъ образомъ мы Христіане всѣ отъ рожденія Духоносцы; и по сему самому имѣемъ въ себѣ великое средство противъ страховъ смерти. Отъ чего же большею частію трепещемъ ея? Оттого, что, безъ ея благихъ мыслей и дѣлъ, огонь Святаго Духа скоро угасаетъ въ насъ отъ дуповенія страстей, а печать избавленія меркнетъ и изглаждается въ душѣ отъ прираженія къ ней волнъ житейскаго моря;—оттого, что мы преисполнены духомъ міра, который и въ продолженіи жизни нашей часто обращается въ вихрь и мятетъ насъ, какъ прахъ и стеблѣ, а при смерти тѣмъ паче не можетъ не разражаться бурнымъ дыханіемъ, сотрясающимъ весь бранный составъ нашъ. О горе, братіе, великое горе тому изъ насъ, кто до конца жизни позволить себѣ влаться сими тлетворнымъ духомъ! Адское дыханіе его охладитъ душу на одрѣ смерти, истинитъ сердце, и возматетъ всѣ исходнища жизни.

Послѣднимъ напутіемъ для Симеона во время смерти было то, что онъ увидѣлъ очами своими Спасителя міра. *Нынѣ отпускаеши, Владыко, раба Твоего съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе Твое!*—Это напутіе таково, что я и не знаю, указывать ли его вамъ, какъ на всеобщее напутіе къ мирной кончинѣ: такъ оно далеко отъ нашихъ мыслей, отъ нашихъ нравовъ, отъ нашей жизни!—Но, братіе, такъ ли бы должно быть на самомъ дѣлѣ, если бы мы были Христіанами не по имени?—Симеону обѣщано было Духомъ Святымъ не видѣти смерти, прежде даже не видѣти Христа Господня: а намъ развѣ не дано сего обѣщанія? — Послушайте, что говоритъ Самъ Тотъ, Кого нынѣ носятъ на рукахъ своихъ Симеонъ. *Любый Мѣ, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Авъ соз-*

*люблю его, и явлюся ему Самъ *)*. Что можетъ быть яснѣе, опредѣленнѣе и рѣшительнѣе сего обѣщанія?—Люби Господа, и увидишь Господа! Какимъ образомъ является Онъ любящимъ Его, этого ни я не могу сказать, ни тебѣ не нужно знать заранѣе: это тайна являющагося, которую открываетъ Онъ Самъ при посѣщеніи Своемъ. Но, то не сомнѣнно, что узрѣвъ Его—ты забудешь вся красная міра, съ радостію посѣишишь къ Нему, въ обитель Отца Его, хотя бы тебѣ досталось идти туда путемъ крестнымъ. О, Господь умѣетъ *алечь за Собой **)*! Свидѣтели всѣ Святые Божіи челоуѣки, кои узрѣвъ въ своей душѣ Господа, шли на смерть, какъ женихъ идетъ на бракъ.

Чтобы для однихъ—достойныхъ, ознаменовать, а для другихъ—менѣе способныхъ, замѣнить это невидимое явленіе Свое, Господь является у одра почти каждого болящаго и видимо—въ тѣлѣ и крови Своей. Хотя бы снѣмъ Богоявленіемъ мы умѣли пользоваться! Хотя бы здѣсь снѣжили принимать Господа и озариться свѣтомъ лица Его прежде, нежели померкнетъ свѣтъ въ очахъ,—отверзали для Него уста и сердце прежде, нежели онѣ заключатся навсегда болѣзнію! — А то, что бываетъ?—Смотрять на Священника, несущаго чашу жизни, какъ на Ангела смерти, и потому стараются, какъ можно долѣе, не видѣть его!—Приемлютъ тѣло и кровь Господа, когда уже не могутъ принимать ничего, и такимъ образомъ не срѣтаютъ, а, можно сказать, претыкаются о своего Спасителя!—О Господи, не здѣсь ли Ты посему самому лежиши *наипаче на паденіе многимъ во Израили и въ знаменіе прерѣкаемо ***)*?—Въ такое знаменіе, о коемъ ни какъ нельзя съ увѣренностію сказать, во что служить оно приѣмлющимъ его,—въ жизнь вѣчную, или въ судъ и сужденіе? —

*) Іоан. XIV, 21.

**) Лук. II, 35.

***) Пс. I, 3.

Подлинно тутъ открываются *отъ многихъ сердець помышленія* *); видно бываетъ, какова была жизнь, и чего надобно ожидать по смерти!..

Но, я вмѣсто освобожденія васъ отъ страха смерти, неприятно самъ навожу на себя и на васъ страхъ. — Что дѣлать, братіе, когда мы и наша жизнь таковы, что о какихъ утѣшительныхъ истинахъ ни заговоришь съ сего мѣста, неприятно и невольно дойдешь до того, что ужасаетъ. Но сей страхъ во спасеніе, между тѣмъ, какъ нашъ ложный міръ и наши суетныя радости губятъ насъ.

Заклучимъ, чѣмъ начали. Кто хочетъ кончины Симеоновой: тотъ иди путемъ Симеона: будь праведенъ, благочестивъ, вѣруй въ Икупителя, не угавай, — а если погубилъ, стяжи Духа, и старайся удостоиться лицеизрѣнія Спасителя. Аминь.

*) Лук. II, 35.

С Л О В О

НА СТРАСТИ ГОСПОДНИ.

Приступая нынѣ къ поклоненію Страстямъ Христовымъ, я думаю, братіе, каждый желалъ бы услышать что-либо съ креста Господня для своего назиданія. Но крестъ безмолвенъ!... Безмолвенъ потому, что съ него единожды навсегда все изречено изъ Голгофы: тамъ произнесена проповѣдь, которую должно слушать народамъ и вѣкамъ, до скончанія міра. Посему желая слышать поученіе со креста, надобно, братіе, перенестись для сего благовѣйною мыслию на гору крестную, стать у подножія распинаемаго Господа, и внимать тому, что исходитъ изъ устъ Его. Такимъ образомъ можно услышать собственную проповѣдь своего Спасителя и Господа, и крестъ Его не будетъ казаться безмолвнымъ. Чтобы облегчить для васъ сіе святое дѣло, я приму лице повѣствователя, и постараюсь представить послѣднія изрѣченія Господа со креста, сколько можно, въ яснѣйшемъ для васъ свѣтѣ.

Седмъ разъ разверзались уста Господа на крестѣ, какъ бы по числу тѣхъ семи громовъ, кои будутъ гремѣть, по свѣдѣтельству Тайновидца, предъ кончиною міра (Апок. 10: 3). Три первыя изрѣченія касаются болѣе тѣхъ лицъ, кои окружали Господа въ послѣднія минуты Его; четыре послѣднія

выражаютъ прямо собственное состояніе Его на крестѣ. Но, обратимся къ Самому кресту Христову.

Послѣ разнообразныхъ страданій во дворѣ Каиафы, въ преторіи Пилата и во дворѣ Ирода,—послѣ изнурительнаго шествія подѣ крестомъ на Голгоѳу, наконецъ наступила минута казни. Древо утверждено въ землѣ. Последнія одежды совлечены. Распинаемый вознесенъ на крестъ. Руки и ноги простерты. Ужасный млатъ стучитъ. Кровь потоками льется на землю... Что сказалъ бы въ сію минуту, на семъ мѣстѣ, самый Архангелъ?... Богочеловѣкъ кротко возводитъ очи къ небу и, въ слухъ всѣхъ, молится. О чемъ?—Объ отпущеніи врагамъ, о защищеніи Своего дѣла, о ниспосланіи Себѣ терпѣнія?—Нѣтъ: Отче, вѣщаетъ Онъ, отпусти имъ; не вѣдаютъ бо, что творять:—Не вѣдаютъ!—Такъ, Римскій воинъ—распинатель не зналъ, что дѣлалъ, бывъ только слѣпымъ орудіемъ повелѣній своего Прокурора—Пилата; Іудейская чернь не вѣдала, что творила, наущенная лъстивыми и вѣсть грозными внушеніями своихъ слѣпыхъ вождей и владыкъ; самъ Синедрионъ, при всей безправственности своей, не зналъ павѣрное, что посягаетъ теперь на жизнь своего истиннаго Мессіи. *Аще бо быша разумѣли*, скажемъ словами Апостола, *не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2: 8). Сколько однако же преступленій было въ этомъ невѣдѣніи,—особенно въ тѣхъ, кои такъ легко могли все увѣдать, и сто разъ смѣжали очи, чтобы ничего не видѣть—И это совершенно забыто Распинаемыми!—Сколько, при самомъ невѣдѣніи рѣзкихъ слѣдовъ преднамѣреннаго лукавства и низкой жестокости, кои обличали во врагахъ и гонителѣ Іисуса личную злобу къ нему, явное желаніе ожесточить казнь, и безъ того ужасную, обезславить крестъ, самъ по себѣ поносный?—Но и это все пренебрежено Распинаемыми!—А лютейшія болѣзни при пронзеніи рукъ и ногъ!—Не достаточно ли было ихъ однихъ, что бы самое первое чувство въ Распинаемомъ сосредоточить теперь на Немъ Самомъ, на Его собственныхъ страданіяхъ? Но распинаемый

Богочеловѣкъ возносится духомъ превыше всего; забываетъ Свой крестъ, и Свою смерть;—и, какъ Первосвященникъ по чину Мельхиседекѳу, едва возносится на крестъ, какъ возноситъ молитву о врагахъ Своихъ: *Отче отпусти имъ; не вѣдаютъ бо, что творять!*... О, кто по сей одной чертѣ не узнаетъ въ Распинаемомъ Агнца Божія, закалаемаго за грѣхи всего міра? А въ мѣстѣ съ нимъ, кто изъ истинныхъ послѣдователей Его не дастъ обѣта быть кроткимъ къ врагамъ своимъ?—Кто ни разу въ жизни не простилъ своему врагу во имя распятаго Спасителя своего, молившаго на крестѣ о врагахъ Своихъ, тотъ не Христіанинъ!

Отъ распинателей и враговъ взоръ Господа со креста обратился на Матерь и ученика—друга, кои, не удерживаемые никакимъ страхомъ, получили наконецъ возможность приблизиться сквозь толпы народа ко кресту такъ, что были видны съ него. Въ другое время, въ другомъ мѣстѣ, такое усердіе и такая близость могли бы служить въ утѣшеніе: но теперь, по здѣсь!... Взглядъ на безутѣшныхъ, растерзанныхъ скорбію, Матерь и ученика, былъ новымъ источникомъ страданій для любвеобильнаго сердца Сына.—Но въ этомъ ли сердцѣ не достанетъ мужества и любви къ Своимъ приснымъ?—Когда нужно было сотворить чудавсемогущества, Господь сказалъ Матери—на бракъ въ Канѣ Галилейской: *не упріиде часъ Мой* (Іоан. 2: 4). На бракъ Голгоѳскомъ пріиде часъ всему! Взглянувъ на Матерь, Господь немедленно сказалъ: *Жено, се сынъ твой!* Потомъ ученику: *Се мати твоя!* Бѣльшаго утѣшенія со креста не лзя было преподать ни Матери, ни другу... Равно какъ, братіе, нельзя было оставить большаго вразумленія намъ о святости отношеній родственныхъ и дружескихъ. Въ самомъ дѣлѣ, размыслите: если Сынъ Божій, до самой смерти Своей, являлся любвеобильнымъ Сыномъ Своей Матери, постояннымъ другомъ Своего ученика; то какое званіе, или какія отношенія могутъ уволить васъ отъ исполненія святаго долга любви къ нашимъ приснымъ по родству и дружбѣ?—Когда крестъ не воспренятъ—

своавъ сдѣлать завѣщанія, обезпечивающаго самое земное состояніе оставленной Матери: то что можетъ препятствовать намъ пешись о судьбѣ тѣхъ, кои останутся послѣ нашей кончины?—Апостолъ Христовъ давно замѣтилъ и изрекъ, что не радаящій о присныхъ своихъ, *въры отверглся, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. 5: 8).

Молитвою за враговъ, любвеобильнымъ завѣщаніемъ къ приснымъ, казалось, обняты были со креста обѣ крайности любви чистой. Но оставалось еще мѣсто въ срединѣ—у самаго сердца, не прободеннаго еще копіемъ, но само собою отверстаго для всѣхъ. Кто же займетъ сіе мѣсто?—Разбойникъ—кающійся. Два злодѣя были распяты—одинъ одесную, а другой ошуюю,—именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы распятіе Господа сдѣлать поноснѣе въ глазахъ цѣлаго Іерусалима: что нужды до сего любви, которая *вся покрываетъ* (1 Кор. 13: 7). Одинъ изъ нихъ, обѣщавшихъ, молитъ помянуть его во Царствіи,—и будетъ помянутъ сей часъ.—Царь сего Царства Самъ теперь на крестѣ въ ужасныхъ мукахъ: и до сего нѣтъ нужды. Пригвожденные ко кресту руки не воспрепятствуютъ Владыкѣ жизни и смерти отверсть, заключенный грѣхами человека Рай. *Днесъ со Мною будешь въ Рай*, отвѣчалъ Господь на молитву кающагося разбойника.—О, кто не увидитъ наки по сей одной чертѣ Единороднаго Сына, Которому *всѣ Отецъ предалъ съ руки Его*, Который и на крестѣ остается Владыкою жизни и смерти, Господомъ Рай и ада? Я уже не говорю о забвеніи при семъ Господомъ собственныхъ страданій: слыша царственныя слова: *днесъ со Мною будешь въ Рай*, невольно думаешь; что слышишь ихъ не со креста а съ престола Царскаго.—Вотъ что значитъ, братіе, дѣлать свое дѣло, *дондеже день есть* (Іоан. 9: 4), дондеже есть послѣдній лучъ сего дня. Вотъ какъ можно святить самыя послѣднія минуты жизни, самыя страданія свои, самую борьбу съ смертію — дѣлами любви къ ближнимъ!—Блаженъ, кто подобно Спасителю своему,

можетъ заключить на смертномъ одрѣ послѣднее употребленіе дара слова какимъ-либо словомъ назиданія, или утѣшенія къ своимъ братьямъ!

Судя по симъ тремъ изреченіямъ со креста,—по молитвѣ за распинателей, по завѣщанію Матери и ученику, по обѣтованію Рай разбойнику, можно было бы думать что распятый Богочеловѣкъ Самъ не терпитъ ни какихъ мученій: Увы, сіи мученія были ужасны!—Однимъ изъ непосредственныхъ дѣйствій крестной казни въ распинаемыхъ было то, что кровь, оставленная въ естественномъ круговращеніи, устремлялась къ сердцу, производя мучительнѣйшее томленіе и жажду. Сіе-то томленіе и сію-то крестную жажду претерпѣвалъ теперь Единородный Сынъ Божій... Въ томъ, кто съ такимъ самоотверженіемъ доселѣ забывалъ всѣ Свой страданія, достало бы, безъ сомнѣнія, и теперь мужества, сокрыть ихъ въ Себѣ Самомъ; но къ чему бы послужила сія сокровенность креста, который и безъ того заключаетъ столько тайнствъ? Вселенная должна была знать, земнородные должны были слышать изъ устъ Самой вселенной жертвы, чего стоитъ очищеніе грѣховъ сего міра.—И Сынъ Человѣческій всегда является тѣмъ, чѣмъ былъ: радовался, когда была причина радости, плакалъ, когда находился у гроба Лазаря, и смотрѣлъ на Іерусалимъ, погибающій во грѣхахъ. Почему и теперь, палимый смертною жаждою, Богочеловѣкъ громко воскликнулъ: *жажду!*... Для утоленія сей потребности въ распятыхъ, люди сострадательныя имѣли обыкновеніе приносить разные питія. Но злоба враговъ Іисуса почла за долгъ преогорчить для него и сіи малыя капли утѣшенія. Извѣстно, братіе, какъ и чѣмъ утолена была жажда Господа—оцтомъ и желчею!... Блаженны мы, если не утоляемъ ее тѣмъ же—доселѣ! Ибо Господь доселѣ жаждетъ—нашего спасенія!—И что другое составляютъ для Него грѣхи наши, какъ не оцетъ съ желчію?

Уже по болѣзненному восклицанію: *Жажду!* можно было видѣть, братіе что мученія пречистой плоти Господа достигли крайней степени страданій человѣческихъ. Но, какъ жертвъ за грѣхи всего міра, Ему предстояло еще одно, лютейшее страданіе, коего никто изъ насъ не можетъ понести,—такая мука, коей не въ состояніи произвести вся злоба и могущество человѣческія. Кто же произвелъ?—Отецъ! Самъ Отецъ! Его правосудіе!.. Будучи едино со Отцемъ по Божеству, Богочеловѣкъ, среди самыхъ жестокихъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій, могъ изъ сознанія сего единства получать силы и утѣшеніе въ облегченіе Свое. Карающее въ лицѣ Его грѣхи людей правосудіе потребовало, чтобы и сей источникъ утѣшенія былъ загражденъ совершенно; и онъ загражденъ! Отецъ, Самъ Отецъ оставилъ наконецъ Сына!—Не разлучаясь отъ человечества, Божество скрылось такъ въ душѣ распятаго Богочеловѣка, что человечество Его предано было всѣмъ ужасамъ безпомощной скорби, и Онъ обрѣлся, яко единъ отъ насъ. Такое чувство оставленія, въ такія минуты, было верховнѣе мученія уже не для пречистаго Тѣла токмо, а и для святѣйшей души и духа. Ибо, что предполагало такое оставленіе? Все, что можетъ предположить мысль человѣческая самаго ужаснаго и безутѣшнаго. Духъ Сына Человѣческаго, подобно плоти, не могъ не изнемочь подъ тяжестью сего внутренняго, уже не Человѣческаго, а вполнѣ Божественнаго Креста. Но другаго Симона Киринейскаго не было и не могло быть: то былъ Крестъ неразделимый!—Что же дѣлаетъ изнемогающій подъ симиъ крестомъ Богочеловѣкъ? Оставленный Отцемъ, Онъ пакн обращается къ Отцу и вопіетъ: *Боже, Боже мой, остави Мя сеи оставилъ!* Оставилъ Ты, Который всегда былъ со Мною, оставилъ Меня, который жилъ для единого Тебя и умираю за имя Твое!... Отвѣта не было!—Отецъ какъ бы не внималъ Сыну!—О, братіе, чувствуете ли всю крайность сего несповѣднаго страданія за васъ вашего Спасителя? Сіа-то ужасныя минуты еще Св. Давыдъ называлъ

мученіями адовыми. Ибо и въ адѣ нѣтъ лютейшаго мученія, какъ совершенное оставленіе мучимыхъ Богомъ. Примѣтимъ же, братіе, какъ должно поступать и намъ въ минуты подобнаго оставленія насъ благодатію Божіею, и куда обращаться за помощію и утѣшеніемъ: къ тому же Господу, Который оставляетъ насъ. Посредствомъ сердечной молитвы мы пакн возвратимся въ объятія Его любви отеческой.

Оставленіе Отцемъ было послѣднимъ пламенемъ для все-созженія крестной Жертвы. Послѣ сего не оставалось уже ни на землѣ, ни во адѣ, что бы еще можно было перенести, и что бы не было перенесено. Посему, когда часть ужаснаго оставленія прошелъ, умирающій Богочеловѣкъ въ слухъ всѣхъ воскликнулъ: *Совершишася!* Такое слово, братіе, коего одна вѣчность покажетъ всю широту и всю силу. Ибо, сколько само Св. Писаніе ни открываетъ намъ великаго плана премудрости Божіей о спасеніи грѣшнаго рода Человѣческаго и всего міра крестною смѣртію Сына Божія, но мы все еще далеко не видимъ всѣхъ основаній и всѣхъ слѣдствій сего безиринтернаго снисхожденія къ намъ любви Божественной. Съ Сіона, если дастъ Господь намъ взойти на него, съ Сіона узримъ то, что совершилось для насъ на Голгофѣ. Но на Сіонѣ, братіе, будетъ дано взойти только тѣмъ, кои, подобно Спасителю, могли сказать предъ смѣртію, что и въ ихъ жизни совершилась вся воля Божія о нихъ, совершилась по крайней мѣрѣ та всеблагая воля, чтобы мы отходили изъ сего міра, если не съ чистотою Праведниковъ, то съ покаяніемъ и вѣрою кающихся грѣшниковъ.

За симъ Господь еще разъ воззрѣлъ на небо и сказалъ: *Отче, съ руки Твои предаю духъ Мой; и, преклонь главу, предаде духъ!*

Таковы были послѣднія слова Господа со креста!—такова Его крестная проповѣдь!

Каковы-то, братіе, будутъ наши послѣднія слова, и достанется ли намъ произнести что-либо предъ нашею смертію?...—По крайней мѣрѣ мы должны быть всегда готовы къ смерти и стараться отходить изъ сего міра такъ, чтобы самая кончина наша была свидѣтельствомъ нашей вѣры и любви къ Господу, и, если можно, поученіемъ для нашихъ ближнихъ. Возлюбленный Спаситель нашъ, какъ мы сами видели, подаетъ намъ примѣръ къ тому наилучшій. Онъ ли не страдалъ на крестѣ? Его ли смерть не была ужасна и даже поносна въ очахъ міра? Но, зрите, какое терпѣніе, какая любовь къ ближнимъ, какая преданность въ волю Божию!—Подобно сему надобно умирать и каждому изъ насъ!—надобно отходить изъ сего міра безъ ропота и съ терпѣніемъ Христіанскимъ, устроить, по возможности, судьбу присныхъ своихъ, простивъ отъ всего сердца всѣмъ врагамъ своимъ, ознаменовавъ исходъ свой какими-либо дѣлами любви къ бѣдствующей братіи, предавъ наконецъ духъ и все существо свое во всеблагую волю Того, кто единъ обладаетъ живыми и мертвыми. Поелику же Господь нашъ былъ безгрѣшенъ и святъ, а мы какъ бы неукоризненно ни старались вести жизнь свою, всегда совершаемъ не мало вольныхъ и невольныхъ грѣхонаденій; то въ мѣстѣ съ симъ каждому надобно отходить изъ сего міра съ духомъ сокрушенія о грѣхахъ своихъ, съ живою вѣрою въ заслуги Икупителя, съ твердою рѣшимостію въ новомъ мірѣ проходить жизнь новую и богатую.

Сему поучаетъ насъ пѣнь безмолвный, по видимому, Крестъ Христовъ!—Аминь.

С Л О В О

въ великій пятокъ.

Паки голгова и крестъ! Паки гробъ и плащеница! И такъ, есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящихся* службу приносить Богу (Іоан. 17: 2); есть еще Іуды, лобызавшіе устами, и предающие руками; есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ, и омывающіе руки въ крови праведниковъ! Но, братіе, есть ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія божественнаго усыновленія со креста? Есть ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? Есть ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе впити къ Пилату и просить тѣла Іисусова? Есть ли Саломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псаломтвца, *принимаетъ* некогда съ небесе на сыны человеческія видѣти, *аще* есть разумѣвая или озыскавая Бога, и не узрѣлъ ни единого: *еси* уклонилася, *не* включиши быша; *несъ* творяи *благостыню*, *и* *нѣсть* до единого (Псал. 143: 2, 3). Теперь, братіе, чтобы ближе видѣть, Господь приближаетъ, не съ неба, не съ престола славы; а со креста, изъ гроба; приближаетъ видѣти уже не на сыны человеческіе, а на сыны благодати Своея: *аще* есть разумѣвая силу смерти Его, *сраспинайся* Ему въ духъ. Что же, Господи, зришь Ты теперь между нами?—Болѣе ли,

лучше ли прежняго? — Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія: но и на Голгоѣ Ты видѣлъ покланія главою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: *радуйся царю Іудейскій!* Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы; слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія: но и съ Голгоѣ многіе возвращались *бѣюще въ перси своя* (Лук. 23: 48); и, не смотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братіе, не то потребно для Господа и Спасителя нашего; не для поклоненія величаній, и даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоговѣть Онъ являться намъ висѣвшимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. Угроба сего должно быть большому: *сдѣсь судъ міру* (Іоан. 12: 31),—судъ нашимъ мыслямъ, правамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить расчетъ Домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. *Приидите, вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ Пророка, приидите и истязимся!* (Иса. 1: 18).

«Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ!—У Меня была ваша, глава, и она вѣтерновомъ вѣнцѣ; у Меня были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверзто для васъ копіемъ; у Меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ, и доселѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ Мой Я предалъ со креста не вамъ,—ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его,—а Отцу; но по вознесеніи Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа Св. отъ Отца. Вотъ что Я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня, или паче для себя; ибо все Мое для васъ: *приидите и истязимся!*»

Можемъ ли, братіе, уклониться отъ сего призванія? Итакъ, служитель алтаря, стань у гроба сего, и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя Святое Святыхъ, и содѣлать тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользу-

ешься ты драгоценнымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Нисводишь ли благословеніе на себя и предстоящихъ? Возвѣщаешь ли имъ пути живота? Предходишь ли примѣромъ благой жизни? — Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ бѣльшей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои *ходятъ во истину* (3 Іоан. 1: 4) Христовой; если въ случаѣ нужды, ты, по примѣру великаго Пастыреначальника, готовъ душу свою положить за овцы своя: то благо тебѣ; ты Іерей по чину Іисусову; приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ; лобызай сіи язвы, и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи чреды служенія на земли, ты виидеши въ нерукотворенную скинію на небеси, *идеже Предтеча о насъ виидѣ Іисусъ* (Евр. 6: 20).—Но если руки твои поднимаются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если очамъ восходитъ къ небу, а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней, и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ, и, вмѣсто манны, ищешь мяса Египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы.

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никакой же, *аще не бы ти дано свыше* (Іоан. 19: 11); и ты творишь судъ Божій. Памятуешь ли сіе и со страхомъ ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга Кесарева, пріязнь сильныхъ земли, Голговскій Страдалецъ приобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь иерцаію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова Своего: пользуешься ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ, и твердо ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица, побораешь по истинѣ, какъ бы она ни была презрѣна другими; если твой *линоостротонъ* не омытъ

ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ: то приступи къ будущему Судіи своему и Господу, лобызай язвы Его и вдыхай изъ нихъ новую силу къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствию правды. Тамъ—на всемірномъ судѣ, и ты станешь одесную, приѣмешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцемъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго, и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ предать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься падъ ея несчастіями, и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ; то удались отъ гроба сего: твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ исканіи истины, въ познаніи тайнъ природы, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій, и не исчезать въ сумѣтныхъ помысленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка,— для сего Самъ едиnorodный Сынъ Божій, *сынъ въ лоно Отца* (Іоан. 1: 18), прииде въ міръ и далъ естъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ во истинѣмъ Сынъ Его, *Иисусъ Христъ* (Іоан. 5: 20). Въ пользу ли тебѣ сіе снисхождение и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ ли ты, что естъ истина? Увѣрился ли, что ея нѣтъ ни на земли, ни на небѣ, какъ тѣмъ въ томъ, Кто естъ истина, и источникъ всякія истины по самому существу своему, въ едиnorodномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ сѣмъ, памятуешь ли, что естъ истина во *Иисусѣ* (Еф. 4: 21); что она состоитъ не въ препрѣтельныхъ *человѣческихъ премудростяхъ словесныхъ*, но въ явленіи *духа и силы* (1 Кор. 2: 4);—не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить вѣтхого челоука, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ*, и облещися въ *новаго челоука*,

созданнаго по бога въ правдѣ и въ преподобіи истинны (Ев. 4: 22, 24). Если ты право правишь слово истины, не *сокрывая ея въ неправдѣ* (Рим. 1: 18) ни своего, ни общественаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ *взираешь*, какъ на служеніе Самому Богу; если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины;—лобызай язвы, понесенныя за истину, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ея здѣсь, ты приѣмешь за нее и отъ нее все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ только средствомъ къ достиженію другихъ, земныхъ цѣлей; если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умовъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истинною, потому что она, какъ *Иисусъ предъ Иродомъ*, кажется тебѣ странною: то удались отъ сего гроба; святое *убійство* (1 Кор. 1: 23) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно ли глашаты всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя Хрисіанина, стань у гроба сего, и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе Святаго Духа; сочетался на вѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь, у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или навѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ бы не вступалъ ни въ какое обстоятельство съ своимъ Спасителемъ; если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ какъ бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то за чѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое при-

частіе сему кресту и твоему вѣліару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонтъ?—У тебя есть другія божества: иди, поклоняйся имъ; у тебя есть другія язвы: иди, и лобызай ихъ.

Такъ, братіе, у гроба Христова мѣсто токмо невинности, или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магдалины—явитесь! Се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдалцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами;—Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь, и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражу!

Но, братіе, земные Ангелы, подобно небеснымъ, всегда на Божественной стражѣ; они всегда носятъ на себѣ язвы своего Господа (Гал. 6: 17). Самый животъ ихъ всегда сокровенъ со Христомъ въ Богѣ (Кол. 3: 3). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу печеноту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ ли приблизиться къ гробу Жизнодавца?—Но лобызаніе не чистыми устами не будетъ ли новою язвою для пречистаго Тѣла? Дерзнемъ ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но къ кому идемъ? (Іоан. 6: 68). Нѣсть иного имене подѣ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися (Дѣян. 4: 12), кромѣ имени Его всеосвящающаго. Что же сотворимъ, братія?—Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Изшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ-либо святомъ уединеніи, омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши, и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь Господа, и Святаго закона Его. Послѣ такового покаянія, Господь не отвергнетъ и насъ; и, если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся Апостолу, ключей, то не заключить, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей Царствія. Аминь.

С Л О В О

ВЪ СРЕДУ СВѢТЛАЯ СЕДМИЦЫ.

Сей нареченный и святый день, единъ Субботъ Царь и Господь: праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ: въ оныже благословимъ Христа во вѣки.

Законодатель Ветхаго Завѣта, учреждая для народа Іудейскаго праздникъ Пасхи, неоднократно внушалъ Іудеямъ особенную важность сего праздника, и предписалъ совершать его со всею торжественностію. Законно, говорилъ Онъ, вѣчно празднуйте его. Душа, нарушившая святость сего праздника погубится отъ сонма сыновъ Израилевыхъ (Исход. 12: 14, 19).

Законодатель Новаго Завѣта, нашъ, братіе, Законодатель, не смотря на то, что Самъ содѣлался для насъ Пасхою, заклапною на крестѣ, не повелѣлъ ученикамъ Своимъ начертать въ священныхъ книгахъ Евангелія закона о празднованіи Пасхи. Одинъ только изъ Апостоловъ Его замѣтилъ, что Христіанамъ должно праздновать Пасху не въ квасъ злобы и лукавства, а въ безквасіи чистоты и истины (1 Кор. 5: 8).

Между тѣмъ Пасха Іудейская, столько разъ предписанная закономъ, огражденная страхомъ казни смертной, не разъ была совершаема незаконно, даже вовсе оставляема и пренебрегаема Іудеями. Напротивъ Пасха Христіанская всегда совершалась со всею торжественностію. Еще Христіане не имѣли храмовъ, еще гонимые язычниками, сокрывали свое богослуженіе въ вертепахъ и пропастьхъ земныхъ; но воспоминаніе воскресенія Христова было уже виною торжества столь свѣтлаго и продолжительнаго, что одинъ изъ древнихъ защитниковъ Христіанства (Тертуліанъ) вслухъ всѣхъ язычниковъ говорить: «ваши праздники, взятые всѣ вмѣстѣ, не могутъ сравниться продолженіемъ своимъ съ одною Пасхою христіанскою».

Отъ чего, братіе, столь несходная судьба Пасхи Іудейской и Христіанской?—Отъ того, безъ сомнѣнія, что основаніемъ первой было благо временное—освобожденіе Израильскаго народа отъ рабства Египетскаго; а основаніе послѣдней есть благо вѣчное—освобожденіе всего рода человѣческаго отъ рабства грѣха и смерти. Помнить вѣчно благодѣяніе временное, давно прошедшее, трудно; не помнить благодѣянія вѣчнаго, всегда ощущаемаго, не возможно.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, для Христіанина совершенно не возможно не исполняться пылъ радостію. Воскресеніе Господа нашего, безъ всякаго закона, повелѣнія и учрежденія, само по себѣ есть торжество торжествъ и праздниковъ праздникъ. Раскроемъ сію утѣшительную истину.

Что служитъ основаніемъ всѣхъ празднествъ священныхъ?—Въ однихъ выражается преимущественно твердость и чистота вѣры; въ другихъ особенно открывается благолѣпіе любви и добродѣтели; въ иныхъ ощутительнѣйшимъ образомъ просіяваетъ высота и святость упованія Христіанскаго.—Но воскресеніе Іисуса Христа совмѣщаетъ въ себѣ всѣ сіи качества

въ самой высшей степени. Оно есть высочайшее торжество вѣры ибо имъ утверждена, возвышена, обожена вѣра наша;— есть высочайшее торжество добродѣтели, и въ немъ самая чистѣйшая добродѣтель восторжествовала надъ величайшимъ искушеніемъ;— есть высочайшее торжество надежды, ибо служить вѣрнѣйшимъ залогомъ обѣтованій самыхъ величественныхъ. Сей нареченный и святой день, праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ!

1 ВОСКРЕСЕНІЕ ІИСУСА ХРИСТА ЕСТЬ ВЫСОЧАЙШЕЕ ТОРЖЕСТВО ВѢРЫ.

Кто зналъ, братіе, болѣе всю сущность нашей вѣры, какъ не Апостолъ Павелъ, одинъ изъ первѣйшихъ проповѣдниковъ вѣры?—Но помните ли, что онъ однажды написалъ Коринѣскимъ ученикамъ своимъ? *Аще христосъ не воста, писалъ Онъ, тѣе убо проповѣданіе наше, тѣа же и вѣра ваша* (1 Кор. 15: 14). То-есть, ежели Христосъ не воскресъ: то всѣ истины нашей вѣры теряютъ свою силу; Евангеліе и проповѣдь не имѣютъ болѣе достоинства;—все Христіанство есть—праздное имя.

Мысль разительная, но совершенно истинная, неоспоримая!—Ибо на чемъ основана вся вѣра наша?—*наздания бывше, отвѣчалъ Св. Павелъ, на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краугольну самому Іисусу Христу* (Ефес. 2: 20). Воскресшій Іисусъ есть краугольный камень нашей вѣры; Онъ есть *Посланникъ и Святитель нашего исповѣданія* (Пвр. 3: 1). Почему, братіе, сей камень, пренебреженный *зиждующими, содѣлаеся для насъ во главу угла и дивенъ во очію нашу*? (Матѣ. 21: 42). Почему, когда цѣлый народъ Іудейскій отвергъ и отвергаетъ Господа Іисуса мы признаемъ въ Немъ Христа—*Божію силу и Божію премудрость*? (1 Кор.

1: 24).—Унасть есть на сіе весьма много доказательствъ; но всѣ они были бы недостаточны безъ воскресенія Господа нашего.

Дабы скорѣе и яснѣе видѣть сію истину, вообразимъ, братіе, что мы принадлежимъ къ числу тѣхъ людей, кои слѣдовали за Господомъ отъ начала до конца Его земнаго служенія, слышали всѣ бесѣды Его, видѣли всѣ дѣла, Имъ совершешныя. Доколѣ Онъ отверзалъ очи слѣпыхъ, воскрешалъ мертвыхъ, мы, конечно, спокойно слѣдовали бы за Нимъ,—воскликали бы вмѣстѣ съ Апостолами: *ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго!* (Іоан. 6: 69). Но вотъ наступаетъ ужасный часъ страданій: ученикъ предастъ Его; безумная синагога отвергаетъ, яко лстеца; неразумный Пилать осуждаетъ, яко возмутителя; Иисусъ—чаюіе наше—возносится на крестъ вмѣстѣ съ злодѣями; Самъ Отецъ оставляетъ Его; Онъ умираетъ въ мукахъ, погребается; самый гробъ Его запечатанъ печатію Каіафы. Что было бы тогда съ нами, съ нашею вѣрою, если бы Онъ не воскресъ? *Се мы надѣяхомся, яко сей естъ хотѣи избасити Израиля; но и надѣясь ми сими Онъ остался во гробѣ* (Лук. 24: 21): вотъ что сказалъ бы каждый изъ насъ и пошелъ бы въ домъ свой ожидать другаго Мессію.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, ни какъ не лзя думать, чтобы наша вѣра оказалась тогда тверже вѣры Апостоловъ. Но, что случилось съ ними по смерти Господа? Не всѣ ли, они колебались было въ своемъ вѣрованіи въ Него? Не всѣ ли, какъ предрекъ Онъ, разсѣялись было, подобно овцамъ, не имущимъ пастыря? (Матѣ. 26: 31). Какъ трудно было Самому Воскресшему увѣрить нѣкоторыхъ изъ учениковъ въ томъ, что Онъ дѣйствительно воскресъ! А безъ сей увѣренности вышли ли бы они на всемірную проповѣдь, и отдали ли бы за истину ея жизнь свою? А безъ ихъ проповѣди обратился ли бы міръ, погруженный во тьму язычества, къ вѣрѣ Христіанской?

И что бы Апостолы начали проповѣдывать безъ воскресенія своего Учителя? Какъ бы они сказали: *спрудай съ Сына Божія, имать животъ вѣчный* (Іоан. 3: 36), когда Самъ Сынъ Божій оставался бы мертвымъ? Какъ бы они сказали: *Христосъ вчера и днесь той же и со вѣки* (Евр. 13: 8), когда бы всякой зналъ, что Онъ прежде былъ живъ, а потомъ умеръ и не воскресъ? Какъ бы назвали Его путенъ, истинною и животомъ, когда бы всѣмъ извѣстно было, что Онъ обѣщался востать изъ гроба, и не восталъ?

Такимъ образомъ безъ воскресенія Іисуса Христа, гробъ Его былъ бы вмѣстѣ и гробомъ вѣры Христіанской: потому, что всѣ, прежде вѣровавшіе въ Него, престали бы вѣрить; потому, что никто не принялъ бы на себя труда проповѣдывать вѣру въ того, кто умеръ и не воскресъ; потому наконецъ, что проповѣдь сія сама по себѣ не стоила бы довѣрія.

Но теперь гробъ Іисуса Христа есть святилище, въ коемъ совершилось торжество вѣры Христіанской. Не напрасно Самъ Іисусъ Христосъ, когда Іудеи требовали отъ Него новыхъ чудесъ въ удостовѣреніе, что Онъ есть едиnorodный Сынъ Божій, отвѣчалъ, что другаго знаменія не дастся нѣтъ, кромѣ знаменія Іоны Пророка (Матѣ. 12: 39, 40), то-есть воскресенія; не напрасно, отходя на страданія Свои, Онъ изрекъ, что наступаетъ время, когда прославится сынъ человѣческій (Іоан. 13: 31). Въ воскресеніи Своемъ Онъ подлинно прославился;—и прославился, по замѣчанію Апостола Павла (Рим. 1: 4), уже не яко Пророкъ, ниже яко Сынъ человѣческій или Мессія, но яко Сынъ Божій, въ Коемъ обитаетъ вся полнота Божества (Кол. 2: 9).

Кто не узнаетъ Сына Божія въ воскресшемъ Іисусѣ? Фарисеи и книжники не будутъ болѣе требовать знаменія съ неба: теперь предъ ними отверзлось цѣлое небо, да видятъ, что Сынъ человѣческій паки *восходитъ туда, откуда пришелъ* (Іоан. 6: 62. 8: 14). И первосвященники не скажутъ: *аще*

Царь Израилевъ есть, да сидеть нѣтъ со креста (Матѳ. 27: 42). Распятый и не сходя со креста, показалъ, что Онъ есть Царь земли и неба. Самъ діаволъ не дерзнетъ теперь говорить *аще Сынъ еси Божій, верзися низу* (Матѳ. 4: 6). Сынъ Божій верзнулея низу—на крестъ, и—чипъ природы измѣнился! Теперь явно для всѣхъ, что воскресшій Иисусъ, яко Господь жизни и смерти, нѣтъ область положить душу Свою, и опять пріять ее (Іоан. 10: 18). Онъ восхотѣлъ паки принять, и пріять. Илія не пришелъ спасти Его; Онъ спасъ Самъ Себя.—Отверзаются ли Тебѣ страхи мѣста смѣртныя,—вопрошала нѣкогда Богъ Іова, дабы доказать ему его ничтожество и Свое всемогущество,—*вратницы же адсы видѣвши тя удолжися ли?* (Іов. 38: 17). Отверзаются, можемъ теперь отвѣчать мы, отверзаются предъ нашимъ Икупителемъ, Который плѣнилъ и разрушилъ адъ.

Въ какомъ благолѣпініи является теперь самый крестъ Христовъ, на которомъ висѣлъ съ Иисусомъ распята была, можно сказать, самая Вѣра! Кто не видитъ; что это знаменіе, проклятіе для другихъ, для Иисуса было жертвенникомъ, на коемъ принесена всемірная жертва,—что Богъ прінялъ сію жертву въ волю благоуханія,—*что Агнецъ закланный достоинъ пріяти честь и славу* (Апок. 5: 12).

Послѣ сего, что можетъ поколебать вѣру нашу, когда сама смерть и адъ не одолѣли ея въ лицѣ Начальника и Совершителя вѣры?—«Я знаю», восклицалъ нѣкогда Апостолъ Павелъ: «я знаю; въ кого вѣрую (2 Тим. 1: 12),—знаю, что Спаситель мой есть Богъ, Который силенъ сохранить залогъ спасенія моего до Своего славнаго пришествія». Пусть теперь сыны погибелные востаютъ съ своими сомнѣніями, возраженіями и клеветами на Господа и на Христа Его, пусть поносятъ вѣру нашу: мы не будемъ спорить съ ними,—

скажемъ только: «умрите и воскресните, какъ умеръ и воскресъ Спаситель нашъ,—и мы повѣримъ вамъ».

2. ВОСКРЕСЕНІЕ ІИСУСА ХРИСТА ЕСТЬ ВЫСОЧАЙШЕЕ ТОРЖЕСТВО ДОБРОДѢТЕЛИ.

Добродѣтель, гонимая на землѣ, никогда, братіе, не оставяла совершенно лица земли, являясь въ избранныхъ Божіихъ, кои сіяли яко свѣтила въ міръ (Фил. 2: 15). Но какая была участь добродѣтели?—*Камнемъ побіенъ быша, претрени быша, искушени быша, убійствомъ мечи угроша, пройдоша въ милотехъ, лишени, скорбяще, озлобленни* (Евр. 11: 37); вотъ исторія людей добродѣтельныхъ, начертанная Самимъ духомъ Святымъ!—Святые Божіи челоѣчки трудились въ вертоградѣ Господнемъ не изъ платы земныхъ благословеній: но правосудіе небеснаго Домовладыки требуетъ, чтобы не одинъ конецъ былъ *благому и злomu, жрущему и нежрущему* (Еккл. 9: 2). И сколько разъ слышалъ гласъ жалобы и печали: «*что яко путь нечестивыхъ сплется* (Іер. 12: 1). праведники же пожинаются сами, яко класы?»

Промыслъ оправдывалъ иногда видимо пути Свои; не разъ предъ лицомъ всего міра *вмѣняющаго житіе праведныхъ въ посмѣхъ* (Прем. 5: 3), добродѣтель торжествовала надъ порокомъ; не разъ, повергаемы въ горнило искушеній, праведники выходили изъ него, яко злато чисто, не только предъ очами Божіими, но и предъ очами враговъ своихъ. Но торжество добродѣтели всегда оставалось не полно; на вѣнцѣ, коимъ украшались праведники, всегда примѣтны были терны: поелику и добродѣтель сыновъ челоѣческихъ всегда несовершенна, нечиста. Между тѣмъ для посрамленія торжествъ міра суетнаго надлежало явить полное торжество добродѣтели. Для чего требовалась чистѣйшая добродѣтель, величайшее искушеніе и всесовершенная слава.

Таково воскресеніе Ісуса Христа!—Что была вся жизнь Его, какъ не единое непрерывное служеніе Богу и ближнимъ? Іудеи, почитая Его воскресшимъ Пророкомъ, не напрасно недоумѣвали, какой Пророкъ воскресъ въ Ісусѣ. Ибо въ Немъ, можно сказать, воскресли все Пророки и все Праведники. Въ немъ вѣра Авраама сочеталась съ подвижническою жизнію Іереміи, ревность Иліи облеклась кротостію Моисея, чистота Іосифа совокупилась съ терпѣніемъ Іова, Между тѣмъ, что было утѣломъ сихъ добродѣтелей?—Какой праведникъ былъ посрамленъ, презренъ; умученъ болѣе Ісуса Христа? На одной Голгоѣ въ лицѣ Его были поруганы все добродѣтели. Поругана святая преданность въ волю Божию: *упова на Бога, да избавитъ нынѣ Его* (Матѣ. 27: 42). Поругана любовь къ ближнимъ: *инѣ спасе, себе ли не можетъ спасти?* (27: 42). Поругано смиреніе: *аще Царь Израилевъ, да снидетъ нынѣ со креста*. Поругана истинность: *помянухомъ яко льстецъ оный рече* (27: 63);

Но зрите торжество благочестія!—Какая изъ добродѣтелей не увѣнчана нынѣ въ лицѣ воскресшаго?—Онъ смирилъ себе, послушавъ бывъ, да смерти крестныя: и вотъ Богъ превознесъ Его, и даровалъ Ему имя паче всякаго имени, да о имени Ісуса всяко колено поклонится, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ: (Фил. 2: 8—10). Онъ, богатъ сый, обнищалъ для насъ (2 Кор. 8: 9), не имѣлъ гдѣ главы подклонить (Матѣ. 8: 20): и вотъ предана Ему всякая власть на небеси, и на землі (Мат. 28: 18). Онъ изъ любви къ ближнимъ отдалъ душу Свою: и вотъ души всехъ сыновъ человеческихъ предаются Ему во власть, яко Икупителю и Судіи!

И это еще только видимые для насъ слѣды торжества невидимаго. Если бы мы, по обѣщанію Спасителя, узрѣли небо отверзатымъ (Іованъ. 1: 51), какое бы торжество добродѣтелей открывалось въ лицѣ Его предъ очами нашими! Такъ увидѣли бы мы Сына человеческого, за пріятіе смерти, вѣнчаннаго

славою и честію (Евр. 2: 9), сидящаго одесную силы Божіей (Мук. 22: 69); увидѣли бы дванадцать старцевъ, повергающихъ вѣнцы свои предъ Агнцемъ закланнымъ (Апок. 4: 10); увидѣли бы сонмы Ангеловъ, не восходящихъ уже и нисходящихъ на Сына человеческого (Іоан. 1: 51), а закрывающихъ лица свои отъ непреступной славы Его лица.

Какое же сердце, любящее добродѣтель, можетъ не радоваться при такомъ торжествѣ Сына человеческого? Это торжество истинно всемірное, въ коемъ можетъ участвовать самый язычникъ. Пусть онъ не вѣритъ въ Божество Ісуса Христа; довольно если онъ вѣритъ въ Бога и обрѣдетъ, дабы радоваться о томъ, что святѣйшій изъ сыновъ человеческихъ столь величественно награжденъ нынѣ самимъ Небомъ. Правосудный Богъ показалъ въ воскресеніи Ісуса Христа, какъ Онъ прославляетъ любящихъ Его, показалъ предъ всѣмъ родомъ человеческимъ, что Онъ никогда не забываетъ *труда любви*, подъятаго во Имя Его (Евр. 6: 10), и что все торжество міра суть ничто предъ торжествомъ Праведника.

И такъ, Христіанинъ, теперь смѣло проходи путь искушенія и не уклоняйся Голгобы: она есть лѣстница къ небесной славі. Если Промыслъ еще на землѣ не увѣнчиваетъ твоего терпѣнія такъ, какъ увѣнчиваются нынѣ страданія воскресшаго Ісуса: то потому, что ты предназначенъ для неба, гдѣ сокрыты все награды. И Его торжество только началось видимо на землѣ—въ утѣшеніе всехъ страдальцевъ,—а продолжается всецѣло на небѣ.

3. Воскресеніе Ісуса Христа есть высочайшее торжество упованія.

Для угнетеннаго всякаго рода бѣдствіями, смертнаго рода человеческого ничего не можетъ быть нужнѣе, какъ прозрѣніе окомъ упованія въ ту сторону, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни

печали, ни воздыханія!—И дѣйствительно, мысли и желанія человѣческія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ устремлялись за предѣлы сей жизни.

Но кто могъ разсѣять мракъ гроба?—испровергнуть сію преграду?—Являлись мудрецы: но *приходя отъ земли* (Іоан. 3: 31) о землѣ и говорили, хвалились, что *свели Философію съ неба*, а на небо не возвели ни одного человека. Приходили Пророки, наставляли, обличали, утѣшали; но потомъ сами умирали, не *пріѣвъ обѣтованій* (Евр. 11: 39), и надъ ихъ гробами лились слезы, слышались вздохи. Только Энохъ и Ілія воспарили надъ бездною тлѣнія; но воспарили подобно уединеннымъ орламъ, конхъ слѣдъ не зримъ окоу человѣческимъ. Надъ всѣмъ прочимъ родомъ человѣческимъ царствовала смерть съ такою свирѣпостію, что во время Іисуса Христа не только многіе изъ мудрецовъ языческихъ, даже великая часть народа Божія отвергла всякую надежду на безсмертіе, глаголя *не быти воскресенію* (Матѣ. 22: 23).

Недлежало востановить падшую надежду и явить предъ лицомъ всего міра, что тѣло только человека *возвращается въ землю, а духъ возвращается къ Богу, иже даде его* (Еккл. 12: 7). И вотъ въ воскресеніи Спасителя совершается торжество надежды.

Торжество чудное. Всемогушество Божіе могло бы въ слухъ всѣхъ людей возвѣстити обѣтованіе живота вѣчнаго, какъ возвѣщенъ нѣкогда законъ въ слухъ всѣхъ Израильтянъ: оно могло бы сотворить Ангелами своими *вѣтры* и слугами своими *огнь палящій* (Псал. 103: 4). до вразумить смертныхъ, что послѣ отечества земнаго, временнаго, ихъ ожидаетъ отечество небесное, вѣчное.—Но что дѣлаетъ премудрость Божія?—Гробъ и смерть были виною страха и отчаянія человѣческаго: Она гробъ обращаетъ въ источникъ надежды; смерть принуждаетъ быть проповѣдницею безсмертія. Ибо, для другаго служить гробъ Іисуса Христа, который одинъ только

въ воскресеніе мертвыхъ не отдастъ Мертвеца своего, какъ, не въ доказательство того, что и всѣ гробы нѣкогда опустѣютъ и отдадутъ мертвецовъ своихъ?—Къ чему послужила смерть Іисуса Христа, какъ не къ увѣренію, что смерть есть только стражъ, который хранитъ то, что ему предано, хранить до толъ, доколъ угодно Господу жизни, и что во власти сего стража находится только *бренный составъ* нашъ, а не духъ, совершенно не знающій гроба и смерти?

Торжество трогательное. Если бы Богъ для освобожденія насъ отъ страха смерти повелѣлъ умереть и воскреснуть какому-либо великому праведнику; то мы и тогда не имѣли бы причины страшиться мрака смертнаго: ибо не возможно, чтобы правосудный Богъ повергъ праведника смерти, если бы она была зло дѣйствительное. Но теперь Самъ Сынъ Божій благоволилъ вкусить за насъ смерть самую мучительную; послѣ Его вкушенія можетъ ли быть чрезъ мѣру горька для насъ чаша смерти? и могла ли любовь Отца небеснаго трогательнѣе утѣшить нашу надежду?

Торжество самое вѣрное. Рѣшительно должно сказать, что всѣ доказательства безсмертія, употребляемые разумомъ, не имѣютъ столько силы, сколько заключаетъ оной одно воскресеніе Іисуса Христа. Вѣрить сему воскресенію и сомнѣваться въ наше въ воскресеніи, есть совершенное противорѣчіе. *Аще Христосъ воста, писалъ нѣкогда Апостолъ Павелъ къ Коринѳянамъ, како глаголютъ нѣцыи, яко воскресенія мертвыхъ нѣсть? Аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста* (Кор. 15: 12, 13). Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ есть глава вѣрующихъ: когда воскресла глава, то какъ могутъ остаться мертвыми прочіе члены? Христосъ есть Царь; надъ кѣмъ же Онъ будетъ царствовать, если подданные останутся въ гробахъ?

Торжество полное. Надежда на безсмертіе духа человѣческаго, хотя слабая, и прежде была въ родѣ человѣческомъ.

Воскресеніе Иисуса Христа, утверждая сію надежду, разширило ея область, показавъ, что не только духъ человѣческій не умираетъ, но и тѣло содѣлается нѣкогда безсмертнымъ, — что наступитъ день, когда и сіе тѣльное облечется нетлѣніемъ, и сіе мертвенное пожерто будетъ животомъ (1 Кор. 15: 53. 2 Кор. 5: 4).

Торжество наконецъ величественное. Что величественнѣе прославленнаго человечества Иисуса Христа? Но по увѣренію Апостола, настанетъ время, когда Онъ преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его (Фил. 3: 21). О, братіе, какое хладное сердце не возрадуется при семъ и не проникнется огнемъ любви къ Воскресшему? Много было обѣщано, когда Онъ сказалъ, что въ воскресеніи вѣрующіе въ Него будутъ, яко Ангелы Божіи на небеси (Матѣ. 22: 30). Ибо человѣку ли быть Ангеломъ? Но вотъ по воскресеніи Своемъ Господь еще щедродательнѣе: Онъ Самъ не хочетъ имѣть ничего, кромѣ божества, чего бы не раздѣлялъ съ нами. Его пречистое тѣло страданіями заслужило славу; мы не страдали, а между тѣмъ Онъ дастъ намъ ту же славу. Наше тѣло будетъ подобно Его тѣлу: не будетъ имѣть только извѣ, кои остались на пречистой плоти Его; одно это преимущество остается за Нимъ.

Да будетъ же благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, по многій своей милости порожденъ насъ во упованіе живо воскресеніемъ Иисусъ Христовымъ отъ мертвыхъ (Петръ 1: 3). Господь, Самъ Господь сотворилъ день сей: да возрадуемся, и возвеселимся въ оны! Воистину онъ есть праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ: торжество Вѣры, Добродѣтели и Упованія. Всѣ убо да торжествуемъ предъ лицемъ воскресшаго Господа!

Но, братіе, торжествуя, мы должны, по слову Апостола, памятовать, что Пасха наша, за насъ закланная, есть Самъ

Христосъ; а посему должны и праздновать не въ квасъ злобы и лукавства, но въ безквасіи чистоты и истины (1 Кор. 5: 7, 8).

О Пасхѣ Ветхозавѣтной сказано было въ Законѣ, что необрѣзанный не долженъ вкушать ея (Исход. 12: 48). И истинной Пасхи Христіанской не вкуситъ тотъ, кто не обрѣзанъ сердцемъ, преданъ порокамъ. Напрасно таковой будетъ повторять: *Христосъ воскрес!* «Такъ», скажетъ ему Господь, «Я воскресъ, но не въ тебѣ; въ твоёмъ сердцѣ Я мертвъ и доселѣ; камень ожесточенія твоего подавляетъ Меня; стражи — злые навыки и страсти, окружаютъ и блюдутъ Меня». Напрасно таковой будетъ давать и принимать лобзанія любви и мира: Воскресшій Спаситель и ему скажетъ: *лобзаніемъ ли предаши Сына человѣческаго?* (Лук. 22: 48). О, братіе, не измѣнимъ нашими грѣхами и пороками воскресшему Спасителю: Онъ и безъ того очень много страдалъ за насъ! Если бы Онъ явился теперь, и спросилъ каждого изъ насъ какъ Петра: *«любиши ли Мя?»* безъ сомнѣнія каждый отвѣчалъ бы: *ей Господи, люблю Тя!* (Іоан. 21: 16). Но *еще любите Мя*, сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ, отходя на страданія, *заповѣди Моя соблюдайте. Соблюдай заповѣди Моя, той есть любяй Мя* (Іоан. 14: 15, 21). Аминь.

С Л О В О

въ день Пятидесятницы, на осенномъ бдѣніи.

Апостолъ Павелъ, проходя нѣкогда съ благовѣстіемъ Малую Азію, нашелъ въ Ефесѣ людей, кои называли себя учениками Иисусовыми, а Благодати Духа Святаго не имѣли. На вопросъ къ нимъ: *аще Духъ Святъ пріѣли есте, сіи полухристіане* отвѣтствовали: *ниже аще Духъ Святый есть, слышахомъ* *). При дальнѣйшемъ собесѣдованіи оказалось, что они крещены были крещеніемъ только Іоанновымъ, которое, какъ извѣстно, совершалось въ покаяніе, во имя Спасителя еще только грядущаго, и потому Духа Святаго, подобно нынѣшнему крещенію, не имѣло и не сообщало.

Мы, Братіе, по благодати Божіей, всѣ крещены Христовымъ крещеніемъ, которое безъ Духа Святаго и быть не можетъ— почему всѣ мы участвовали въ Его дарахъ благодатныхъ, при самомъ вступленіи нашемъ въ сей міръ. Притомъ каждый изъ насъ, не только часто слышалъ о Святомъ Духѣ, но и самъ многократно взывалъ къ Нему съ Церковію: прииди и

*) Дѣян. XIX, 1. 2.

и вселися въ ны! Но, что, если бы какой-нибудь мужъ Апостольскій сталъ теперь среди насъ, и гласомъ Павловымъ, во имя Всемогущаго Бога, спросилъ: вы, кои празднуете въ честь Святаго Духа, кои ежедневно съ Церковію дерзаете возглашати: *видѣхомъ свѣтъ истины, пріѣхомъ Духа Небеснаго! аще Духъ Святъ пріѣли есте?* Что сказали бы мы на подобный вопросъ? — Увы, оскуденіе Духа сдѣлалось столь общимъ между Христіанами, что перестало почитаться недостаткомъ. Повѣствованія о чрезвычайныхъ дарахъ Благодати кажутся нынѣ сказаніемъ о чемъ-то происходившемъ въ другомъ, не нашемъ мірѣ; многіе изъ самыхъ пехудыхъ Христіанъ удивились бы не менѣе онаго Учителя Израилева, когда бы имъ рѣшительно сказано было, что, дабы видѣть Царствіе Божіе, необходимо каждому родиться отъ Духа *).

Естественно ли, Братіе, въ Христіанахъ такое состояніе— бездушія? — И можетъ ли продолжаться безъ крайняго вреда для насъ? Если не естественно и опасно; то какъ намъ выйти изъ него, и что дѣлать, дабы стяжать, и стяжавъ, сохранивъ Благодать Святаго Духа?—Почему можно быть увѣреннымъ, что мы точно въ состояніи Благодати и имѣемъ въ себѣ Духа Божія?—Вопросы сіи такъ важны, что во всякое время могутъ и должны занимать умъ Христіанина; тѣмъ паче нужно обратиться на нихъ вниманіе въ настоящіе дни, когда мы торжествуемъ въ честь Духа Утѣшителя, и молимъ Его, да придетъ, и вселится въ насъ. Но, первѣе всего, обратимся сами съ молитвою къ сему Всесвятому Духу, да Онъ Самъ подастъ намъ проглаголатъ, а вамъ принять слово истины и спасенія,— ибо что значать всѣ слова проповѣдующаго и все вниманіе слушающихъ, если не присоединится Его всепоучающее помазаніе?

*) Іоан. III, 3.

Что истиннаго Христіанства не можетъ быть безъ Духа Божія, что дѣйствительный послѣдователь Христовъ есть одинъ тотъ, въ комъ живетъ и дѣйствуетъ Благодать Духа, — сія важная истина сказана и повторена въ безчисленныхъ мѣстахъ Священнаго писанія. Еще чрезъ Пророковъ говорилъ Богъ, что въ послѣдніе дни, то-есть, по пришествіи Христовомъ, Онъ дастъ людямъ законъ новый, написанный не на скрижаляхъ, а на сердцахъ, и что посему, какъ необходимое средство для цѣли, будетъ излита Благодать Духа Святаго на всякую плоть *). Послѣдній Великій Пророкъ Вѣтхаго Завета, Іоаннъ Креститель въ томъ и полагалъ разность своего крещенія отъ Христова, что послѣднимъ будетъ сообщаться Духъ Святой, какъ необходимый даръ Новаго, высшаго Завета **). Самъ Спаситель всегда говорилъ о Благодати Духа Святаго съ особенною, силою, какъ о дарѣ, необходимомъ для Своихъ послѣдователей. Такъ Никодиму, приходившему къ Нему за наставленіемъ: что должно дѣлать, дабы войти въ благодатное царство, — Онъ сказалъ прямо, что для сего нужно родиться свыше — отъ Духа ***), и что въ комъ не произошло сего духовнаго рожденія, тотъ, кто бы онъ ни былъ, и чтобы ни дѣлалъ, не можетъ видѣть царствія Божія, — тѣмъ паче войти въ него. Впослѣдствіи, говоря съ Іудеями во время великаго праздника, и приглашая ихъ пить воду живу, текущую въ животъ вѣчный, Спаситель опять разумѣлъ подъ сею водою не другое что, какъ Духа Святаго. *Сіе же рече, замѣчаетъ Іоаннъ, о Дусѣ, Когоже хотѣху принимать опрущеніи ****).* Бесѣдуя съ учениками о необходимости для послѣдователей Его вкушенія тѣла и крови Его, Онъ въ тоже время засвидѣтельствовалъ съ силою, что и сіе пренебесное вкушеніе не можетъ быть дѣйствительно, если не будетъ совершаться въ Духѣ. *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не*

*) Іоан. II, 28. **) Лук. III, 16. ***) Іоан. III, 3. ****) Іоан. VII, 39.

*пользуется ничтоже **).* Посему, разлучаясь съ скорбящими учениками предъ смертію Своею, Спаситель не нашелъ ничего лучшаго сказать въ утѣшеніе ихъ, какъ то, что къ нимъ, вмѣсто Него, придетъ Духъ Святой: *уне есть вамъ, да Азъ иду; аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не придетъ къ вамъ; аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ ***).* И по воскресеніи, явившись ученикамъ, Онъ не принесъ имъ съ неба никакого другаго дара, кромѣ Духа Святаго: *дуну и глагола имъ, примите Духъ Святъ ****).* И возносясь на небо, Онъ заповѣдалъ имъ паче всего ждаты пришествія обѣтованнаго Утѣшителя, и не прежде исходить на дѣло всемірной проповѣди, какъ облекшись Его силою *****). Такъ много Самъ Спаситель говорилъ о Духѣ, и такъ много поставлялъ въ Его присутствіи!

Также говорили и писали о необходимости Святаго Духа все Апостолы, когда содѣлались органами Духа, и опытомъ дознали Его необходимость. Особенно примѣчательны въ сему отношеніи Св. Павелъ. Во всѣхъ посланіяхъ своихъ, онъ ни о чемъ такъ часто и такъ сильно не говоритъ, какъ о Духѣ и Его дѣйствіяхъ: ничего такъ не желаетъ ученикамъ своимъ, какъ Благолаты Духа; ни о чемъ такъ не радуется, какъ о присутствіи въ нихъ и плодахъ Духа; ни отъ чего такъ не предостерегаетъ, какъ отъ потери Духа. Не имѣть Духа Святаго у него тоже, что не быть Христіаниномъ. *Аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Его *)*, тотъ, по Св. Павлу, и не Христіанинъ. Посему-то, какъ мы видѣли въ началѣ бесѣды нашей, по пришествіи въ Ефесъ, первымъ дѣломъ Апостола было узнать, имѣютъ ли тамошніе Христіане Духа: и, поскольку они не имѣли, то преподать имъ Его.

Вообщѣ, Новый Заветъ весь исполненъ Духомъ. Отъ Духа производится въ немъ начало жизни во Христѣ, и новое

*) Іоан. VII, 38. **) Іоан. XVI, 7. ***) Іоан. XX, 22. ****) Дѣян. I, 4.

смерти, и открыть исходина жизни, если не Духъ Божій, силою Коего мы живемъ, движемся и есмь? Христіанинъ обязанъ распять плоть свою съ ея страстями и похотями, кто же вознесетъ его плоть на крестъ, если не будетъ Духа Божіяго? Духъ человѣческій самъ плотенъ, и потому не можетъ поднять рукъ на свою питательницу и сообщницу; притомъ для него самого нужетъ крестъ и смерть: кто же распнетъ его самого плоти и міру? — Христіанинъ обязанъ быть во Христѣ, постоянно держаться на Немъ вѣрою, какъ вѣтвь на лозѣ, и только въ семъ состояніи единства со Христомъ можетъ быть живымъ древомъ, достойнымъ вертограда небеснаго: какой же земной вертоградарь можетъ привить насъ къ сей Божественной лозѣ, безъ Духа Божія? — Христіанинъ обязанъ вести брань не съ одною плотію и кровію, но и съ духомъ злобы поднебесной, съ силами ада: — доставитъ ли въ сей борьбѣ собственныхъ силъ нашихъ? Убоятся ли гордый дешица нашей мудрости, нашего мужества, нашего терпѣнія и постоянства, если все сіе не будетъ облечено силою Духа Божія? Кратко: Христіанинъ долженъ быть новою тварію, созданною во Христѣ на дѣла благая: возможно ли, чтобы тварь сотворила сама себя? Духомъ Божіимъ мы созданы, Имъ же, и только Имъ однимъ и возсоздаемся. Гдѣ нѣтъ Духа, тамъ нѣтъ и жизни духовной, точно такъ же, какъ гдѣ нѣтъ совершенно воздуха, тамъ нѣтъ жизни тѣлесной. Посему тѣ въ величайшемъ заблужденіи, кои желаютъ быть добродѣтельными, и не стараются о стяжаніи Благодати Святаго Духа: они сѣютъ на камнѣ, пишутъ на водѣ, хотятъ лѣтатъ безъ крыль, — дышать безъ воздуха.

И умъ естественный можетъ испускать изъ себя лучи свѣта, производить вокругъ себя радужное сіяніе мыслей; но этотъ свѣтъ не имѣетъ теплоты, необходимой для произращенія благихъ дѣлъ, и не въ состояніи произвести того Боговѣднія и благочестія, среди коего, ходяи не поткнется

рожденіе въ жизнь вѣчную; отъ Духа повелѣвается ожидать всякаго преслѣданія и совершенства духовнаго; Духу усвояются всѣ дары, необходимые для Христіанина въ борьбѣ съ искушеніями; Святой Духъ представляется и Учителемъ, наставляющимъ на всякую истину, и Утѣшителемъ, утѣшающимъ во всякой скорби, и Свидѣтелемъ блаженнаго соединенія Христіанина съ Богомъ и Спасителемъ, и Споручникомъ вѣчныхъ обѣтованій и благъ жизни грядущей. Посему и истинный Христіанинъ называется человекомъ духовнымъ, а нехристіане и Христіане ложные, людьми плотными, Духа не имущими. Такимъ образомъ вся сущность дѣятельнаго Христіанства, по Св. Писанію, состоитъ въ рожденіи отъ Духа, въ исполненіи себя Духомъ, въ хожденіи по Духу, въ возгрѣваніи въ себѣ и другихъ Духа.

Кто вникнетъ въ свойство нашей Святой Вѣры, тотъ и самъ собою убѣдится, что точно должно быть такъ, а не иначе, — что безъ Духа Святаго невозможно быть Христіаниномъ. Ибо, въ чемъ состоитъ сущность истиннаго дѣятельнаго Христіанства, которое одно и стоитъ сего наименованія, ибо одно доставляетъ право на жизнь вѣчную во Христѣ? — Сущность сего Христіанства не состоитъ ни въ огромныхъ и глубокихъ познаніяхъ, ни въ силѣ и стремительности благихъ, но приходящихъ и остающихся безъ благотворнаго послѣдствія, чувствъ, ни въ поверхностномъ исправленіи своего поведенія, коего настоятельно требуетъ самый міръ, ни въ отсѣченіи нѣкоторыхъ только вѣтвей злаго корня нашего самолюбія, — но въ совершенномъ искорененіи грѣха и похоти, въ обновленіи всѣхъ силъ духа и сердца, въ перетвореніи самаго внутренняго начала дѣятельности и жизни. Кто же можетъ совершить все сіе, проникнуть до послѣдняго основанія нашего бытія, заключить нашъ источникъ тлѣнія и

никогда же *). Можно и изъ естественнаго сердца выжимать по временамъ капли благихъ чувствованій; но всѣ ея капли, какъ бы ни казались онѣ обильны и свѣжи, въ самомъ сліяніи своемъ никогда не произведутъ живой воды, могущей утолить жажду души, и большею частию испаряются праздно въ воздухъ, не умягчая строптиваго нрава, не оживляя засохшей совѣсти. Можно наконецъ все поведеніе свое испестрить похвальными поступками, всѣ слова свои растворить свѣтскою добротою, пованить весь образъ земнаго бытія своего, и за сіе просить человекомъ благородныхъ правилъ, образцевъ того, какъ надобно жить: но невозможно, совершенно невозможно, безъ Благодати Святаго Духа, сдѣлать того, безъ чего все прочее мало и ничтожно, то-есть переменить свое, злое по естеству, сердце, обновить свой падшій духъ, отвергнуться своей нечистой воли, умереть навсегда самолюбію: это выше человека, это дѣло одной всемогущей благодати Духа Святаго!

Говоря такимъ образомъ, а иначе говорить нельзя, не противорѣча глубоко истинѣ, не произносимъ ли мы, Братіе, тяжкаго приговора самимъ себѣ? Для васъ открыто ваше собственное положеніе, знакомы мысли и чувства собратій нашихъ, известно, каковы обыкновенныя дѣла и занятія всѣхъ и cadaго: скажите, много ли людей, о коихъ можно было бы оказать, что въ нихъ обитаетъ Духъ Святой? Знаетъ ли каждый хотя единаго? — Среди непрестанныхъ бесѣдъ о предметахъ всякаго рода, случалось ли хотя разъ слышать какое-либо слово о Святомъ Духѣ? и за кого бы почтенъ былъ тотъ изъ васъ, кто въ какомъ-либо собраніи вашемъ, осмѣлился бы начать рѣчь о Духѣ, есѣ же хотяху приимати отрующіи **)?

*) Іоан. XI, 10. **) Іоан. VII, 39.

Что же значить послѣ сего наше Христіанство? Куда всѣ идемъ мы, и куда думаемъ придти, идя такимъ образомъ? — Можетъ ли нашъ бѣдный духъ навсегда замигнѣть для насъ Духа Божія? — И если бы намъ, безъ Духа Божія, можно было оставаться хотя съ собственнымъ нашимъ духомъ! Но, это—невозможно! — Въ комъ нѣтъ Духа Божія, въ томъ непременно живетъ и дѣйствуетъ духъ злобы. До времени, это пребываніе его въ человекѣ, не возрожденномъ Благодатию, не такъ примѣтно, и не сопровождается видимою пагубою (хотя и тутъ, по временамъ, смотря на поступки такихъ людей, каждый невольно говоритъ: въ семъ человекѣ злой духъ)! Но при смерти, когда спадутъ всѣ завѣсы, когда человекъ станетъ одинъ посреди неба и ада, тогда во всей силѣ обнаружится ужасное вліяніе духа злобы надъ душами, неимущими въ себѣ Духа Божія.

Если убо, Братіе, кроткій зовъ Благодати не силенъ пробудить и привлечь насъ къ Духу Святому; то да содѣлаетъ еіе страхъ подпасть безъ Него тлетворному вліянію духа злобы! Ибо, какъ мы сказали, одно изъ двухъ для человека неизбежно: надобно быть или храмомъ Духа Святаго, или гнѣздилищемъ врага Божія! — Аминь.

С Л О В О

въ день Вознесенія Господня.

Изведъ же ихъ (Апостоловъ) сонъ до Винокии, и воздвигъ
руцѣ свои, и благослови ихъ, и бысть, егда благословляше
ихъ, отступи отъ нихъ, и возношашеся на небо. И тѣмъ
поклонившася Ему, и возвратишася во Иерусалимъ съ ра-
достію великою.

Лук. XXIV, 50—52.

Такъ окончилось земное поприще Спасителя нашего и
Господа! Много страдалъ Онъ, много и прославленъ. Не было
скорби, какъ Его скорбь, и нѣтъ славы, какъ Его слава.
Смиривъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти
же крестныя: тѣмъ же и Богъ Его вознесъ, и дарова
Ему имя, паче всякаго имени, да о имени Иисусовъ всяко
колѣно поклонится, небесныхъ, и земныхъ и пресподнихъ,
и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ во
славу Бога Отца *)

*) Фил. II, 8—12.

Узримъ ли мы когда-либо эту славу Господа нашего? —
Не только, Братіе, узримъ, но каждый, въ своей мѣрѣ, будетъ
и наслаждаться сею славою, если только не сдѣлаетъ себя
того недостойнымъ. Узримъ: ибо Господь въ послѣдней ве-
ликой молитвѣ Своей Самъ молилъ о семъ Отца Своего: *да
видятъ, говорилъ Онъ, славу, юже далъ еси Мнѣ *)*. И Ан-
гелы, по вознесеніи Господа, явившіеся Апостоламъ, свидѣ-
тельствовали, что Господь придетъ ко всѣмъ намъ въ по-
слѣдній день такимъ же образомъ, какимъ Апостолы видѣли
Его восходящимъ на небо **). Будемъ даже участвовать въ
славѣ вознесшагося Господа, если только не сдѣлаемъ себя
того недостойнымъ: ибо Онъ для того и вознесся на небо,
дабы приготовить Его къ принятію всѣхъ истинныхъ послѣ-
дователей Своихъ. *Иду, говорилъ Онъ Апостоламъ, а въ лицѣ
ихъ и всѣмъ намъ, иду уготовати мѣсто вамъ, и аще уго-
товаю мѣсто вамъ, какъ прииду и поиму вы къ Себѣ, да
идеже есмь Азъ и вы будете ***)*. Что это милостивое опре-
дѣленіе, касательно насъ, нисколько не переизмѣнилось и по
Вознесеніи, свидѣтель тому Святый Павелъ, который говоритъ,
что въ послѣдній день пришествія Господа, *вѣрующіе восхи-
щены будутъ на облакахъ, съ срьтеніемъ Его на воздусхъ ****)*.
Значитъ, съ нами, даже по видимости, произойдетъ нѣчто по-
добное тому, что произошло нынѣ съ Самимъ Господомъ на
горѣ Елеонской.

О, Братіе, чувствуете ли вы всю важность этого обѣто-
ванія? Все милосердіе и всю любовь къ намъ Господа на-
шего? Что Онъ и что мы?—И однако же Ему угодно, чтобы
мы были тамъ же, гдѣ теперь Онъ, были съ нимъ во всю
вѣчность. Господь увѣнчанъ славою за то, что возшелъ на
Крестъ; наша вся заслуга состоитъ въ томъ, что мы вознесли

*) Иоан. XVII, 24. **) Матт. 1, 2. ***) Иоан. XIV, 3. ****) 1 Сол. IV, 17.

Его на Крестъ; и однако же Онъ одинъ понесшій Крестъ, не хочетъ одинъ наслаждаться славою, хочетъ раздѣлить ее со всѣми нами. Можетъ ли быть любовь болѣе сей любви? — Предназначеніе выше сего назначенія?

Но, Братіе, въ пользу ли намъ это безпримѣрное благоутробіе Господа нашего?—Высокость назначенія нашего возвышаетъ ли духъ нашъ надъ землею? Отираетъ ли сердце наше отъ всего низкаго и грѣховнаго? Отверстое для насъ небо дѣлаетъ ли насъ самихъ сколько-нибудь небесными?

Одинъ путь, Братіе, конемъ можно достигнуть и намъ высоты святыя славы,—тотъ же самый, конемъ взошелъ въ славу Господъ нашъ; то-есть, путь Креста, путь очищенія, самоотверженія, путь вѣдшихъ и внутреннихъ страданій. Памятуемъ ли мы это? И, памятуя, идемъ ли на небо путемъ Христовымъ?

Счастливы міра, отвѣчайте первые вы. Окруженные благами міра, твердо ли помните, что есть блага, конхъ око не видѣ, ухо не слыши, и кон на сердце человека не озыдоша, по кон уготова Богъ всѣмъ любящимъ Его *)? Срежнитесь ли къ силѣ благамъ? — Память о нихъ спасаетъ ли васъ отъ пристрастія къ благамъ тѣлеснымъ, ко всему временному? Готовы ли вы все обладаемое вами, вѣнчить, подобно Ап. Павлу, со змѣею **), чтобы пріобрѣсти или не потерять Христа? Съ радостію ли оставите вся красная міра, коль скоро наступитъ часъ идти въ обители Отца небеснаго? — Умѣете ли, среди наслажденій земнаго счастья, участвовать въ несеніи Креста Господня?—Не говорите, что это невозможно, что не лѣзя совмѣстить съ подвигами самоотверженія, величія, власти, богатства, славы и прочихъ благъ земныхъ.

*) 1 Кор. II, 9.

**) Филипп. III, 8.

Примѣры людей, кои соединили въ себѣ величіе земное съ небеснымъ, богатство временное съ вѣчнымъ, славу Божию съ человѣческою, ясно показываютъ возможность сего. И такъ. осуществляютъ ли въ себѣ эту драгоценную возможность?— Умѣете ли пользоваться благами міра по Христіански? Обращать ихъ въ средства къ стяжанію благъ вѣчныхъ? Дѣлать изъ нихъ предметъ самоотверженія, тѣмъ чистѣйшаго, чѣмъ оно произвольнѣе?

Если Оаворъ земнаго счастья возвышаетъ васъ, Братіе, надъ всѣмъ земнымъ и приближаетъ къ небу, то—оставайтесь на немъ! Возносящійся Господъ благословляетъ высоту вашу. Только блюнитесь, чтобы на семъ Оаворѣ не погрузиться въ сонъ, и когда Моисей и Ілія будутъ говорить о Крестѣ, на коемъ должно распинали вѣдшаго человека, вамъ не заговорить о созданіи для сего человека не одной, а трехъ скиній. Помните, что путь на небо не съ Оавора, а съ Елеона; а къ Елеону подобно идти чрезъ Геосиманію и Голгоу.

Вамъ, стѣнащіе подъ тяжестью бѣдствій и искушеній земныхъ, вамъ не лѣзя забыть своего Креста. Но, можно забыть Крестъ Господень! Чужды ли вы сего забвенія? — Можно даже, идя вмѣстѣ съ Спасителемъ на Голгоу, нести крестъ не Его, а разбойничій. Нѣтъ ли въ васъ сего ужаснаго недостатка?—Если нѣтъ, если вы страждете невинно, или вину свою, подобно благоразумному разбойнику, изглаждаете силою вѣры и слезами покаянія; то вы, не смотря на свое мнимо несчастное положеніе, блаженнѣе всѣхъ счастливецъ міра. Ибо вы со Креста пойдете въ Рай, а они изъ рая земныхъ сладостей преидутъ во тьму кромѣшнюю. Но, Братіе, чувствуете ли вы преимущество своего положенія въ отношеніи къ вѣчному назначенію человѣческому? Убѣждены ли совершенно въ томъ, что, по причинѣ злосчастнаго жребія вашего, вы даже, безъ усилій, безъ трудовъ, болѣе другихъ подобны своему Спасителю, ближе къ Кресту его, и слѣ-

довательно, къ небу? Это драгоценное чувство спасаетъ ли васъ отъ унынія и ропота? Вознаграждаетъ ли для васъ пагубное самодовольство счастливецъ міра? — Укрѣпляетъ ли ваши ослабѣвающія мысли и руки?—Смотрите, Братіе, какъ оканчивается поприще Креста! Есть ли слава, подобная славѣ вознесшагося Господа?—Такъ окончится нашъ путь, только слѣдуйте за Нимъ неуклонно. Пусть покриваютъ надъ вами главами, и папаяютъ васъ отцомъ: это все происходитъ и съ вами, какъ съ Нимъ, *да сбудется писаніе *)*,—да исполнится воля Отца небеснаго. Пусть полагаютъ васъ въ самый гробъ, приставляютъ стражей, и кладутъ печати: вы пройдете безвредно среди самой сѣни смертной, только вѣрно слѣдуйте за Нимъ; только помните, что *еще и постраждетъ кто, не вѣчается, еще не законно мученъ будетъ **)*, — если не будетъ растворять своихъ страданій преданностію Промыслу, не будетъ освящать своихъ скорбей Вѣрою въ Искупителя. Тягостно, Братіе, служить отребіемъ міра, быть предметомъ гоненій, жить въ нищетѣ; но, это путь Господень!—Оставьте ли вы его потому, что онъ ведетъ далеко, дальше всѣхъ путей мірскихъ—на небо?—Помните, что Господь съ высоты непрестанно призираетъ на васъ, и благословляетъ ваше терпѣніе. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, дней испытанія, и вы будете съ Нимъ, войдете въ Его славу, насладитесь тѣмъ, что выше всего міра. *Терпите же, дондеже постигните ***)*, или паче, будете постигнуты вашими Господомъ.

Но для чего мы ограничиваемъ наше собесѣдованіе одними счастливыми и несчастными?—Путь Господень долженъ быть путемъ всѣхъ и cadaго. За всѣхъ насъ равно пострадалъ Господь нашъ; для всѣхъ равно отверзто и небо. И такъ, вопрошу, всѣхъ и cadaго: на многое ли въ нашей

*) Іоан. XIX, 36. **) 2 Тим. II, 5.

**) 1 Кор. IX, 24.

жизни можемъ указать мы и сказать, что это такъ сдѣлано или оставлено нами потому, что мы предназначены для неба, что намъ должно быть нѣкогда съ нашимъ Господомъ? Можемъ ли указать въ нашихъ поступкахъ хотя на что либо подобное?—Удержались ли мы хотя одинъ разъ отъ грѣха, сдѣлали ли хотя одну добродѣтель—при мысли, что Господь нашъ взираетъ на насъ съ небесъ?—Ахъ, Братіе, какъ ни малъ вопросъ сей, но едва ли не найдется между нами людей, кои не могутъ и на него отвѣчать утвердительно. Что же значить наша Вѣра въ Вознесшагося Господа?—Вѣримъ, или не вѣримъ Ему?—Если вѣримъ, гдѣ дѣла?—Если не вѣримъ, для чего посылать и имя Его?—Кто истинно вѣритъ въ свое небесное предназначеніе, тотъ не можетъ быть земнымъ: у того увѣренность сія по необходимости бываетъ началомъ, одушевляющимъ весь образъ его мыслей и чувствъ, всю его жизнь и всѣ отношенія. Какъ предназначенный къ наследованію Престола, но удаленный отъ сего предназначенія на время обстоятельствами, никогда не забываетъ, что ему должно быть нѣкогда повелителемъ, вездѣ, гдѣ прилично, обнаруживаетъ высоту своего званія: такъ истинный Христіанинъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, при всѣхъ случаяхъ помнитъ, что онъ наследникъ неба, сопаслѣдникъ Христу, и дѣйствуетъ сообразно сему предназначенію. Но смотря на него пристально, всматриваясь въ его жизнь, всякой и невѣрующій замѣтитъ, что онъ смотритъ не столько на видимое, сколько на невидимое, живетъ не столько настоящимъ, временнымъ, сколько будущимъ, вѣчнымъ, что сердце его гдѣ-то далеко, не въ этомъ мірѣ, что животъ его сокровенъ высоко, въ Богѣ. Такими точно и казались нѣкогда Христіане язычникамъ.

Но, много ли, Братіе, такого въ насъ? Есть ли хотя что-либо не земное, небесное, Христово? — Если есть, то мы, подобно Апостоламъ, можемъ возвратиться въ дома свои

отъ горы Елеопской, съ радостію. Благословеніе возносящагося Господа въ такомъ случаѣ принадлежитъ и намъ, равно какъ и обитованіе Святаго Духа. При сошествіи Своемъ, Онъ не мимоидеть тѣхъ, кои принадлежать Христу.

Въ противномъ случаѣ, намъ принадлежитъ и еще съ большею силою, уврекъ, сдѣланный Ангелами при вознесеніи Господа Апостоламъ. Съ большею, говорю, силою; ибо имъ сказано было: *что стоите зряще на небо?* *) за то только, что они, по своей любви и усердію, продолжали, долѣе надлежащаго, взирать на небо, пріявшее Господа ихъ и Учителя. А намъ должно сказать другое, противное: сынове человеческіе, что стоите зряще не на небо, а на землю? Для чего прильпаетесь всѣмъ сердцемъ къ землѣ, для чего стремитесь непрестанно за однимъ временнымъ и тѣннымъ? Или думаете, что *земля во оныѣ стоитъ* *), и потому можно основать на ней вѣчныя жилища?—Но будетъ время, когда *небо и земля*, вами любимая, *мимоидутъ* **). Или мыслите, что Господь оставилъ навсегда землю и отдалъ ее на жертву страстей вашихъ?—Но, Онъ придетъ такъ же, какъ отшелъ, потребуетъ отчета у приставниковъ земли, взыщетъ данныхъ талантовъ, произведетъ судъ надъ всею землею. Что убо стоите, зряще на землю? Обратите очи къ небу, воззрите на Спасителя вашего, давно на васъзирающаго. Вступите на путь къ небу, давно предъ вами лежащій; для легкости на немъ сбросьте всѣ тяжести грѣха, васъ подавляющія, примите въ руки ваши Крестъ, и теките къ своему Спасителю, пока Онъ благословляетъ васъ на путь сей, пока не затворилось отверстое небо, пока Ангелы, небесные и земные, приглашаютъ васъ въ обители Отца небеснаго.

*) Давл. I, 11.

) Еккл. I, 4.

) Матѳ. XXIV, 35.

Слышимъ, слышимъ, Блаженные Небожители, голосъ вашъ,—и хотимъ вступить на путь Господень; только подкрѣпите насъ и сопутствуйте намъ вашею помощію. Инаиначе Ты Самъ, Милосердый Спасителю нашъ и Господи, Ты Самъ не остави насъ сырыхъ духомъ и немощныхъ. Призри съ небесе на благое произволеніе и немощь нашу, виждь и благослови насъ на путь Твой, облеки на немъ силою свыше, и утверди колеблющіяся стопы наши, доколь не преидемъ въ гору святую Твою, и не соединимся съ Тобою Аминь.

СЛОВО

въ навечеріе Нового года.

Постоящій вечеръ, Братіе, служить послѣднимъ предѣломъ прошедшаго года: завтра мы пробудимся уже въ новомъ лѣтѣ.— Но пробудимся ли? Всѣ ли пробудимся?—И сего не вѣдаемъ за подлинно: тѣмъ паче не знаемъ, что ожидаетъ каждого изъ насъ въ наступающемъ лѣтѣ. Продлится ли счастье тѣхъ, которымъ не остается ничего искать, кромѣ продолженія своихъ радостей? Осушатся ли слезы того, кому не остается ничего желать, кромѣ конца страданій? Принесетъ ли земля плодъ утружденному дѣлателью, или погребетъ невозвратно въ недрахъ своихъ сѣмена, ей ввѣренныя?—Почіють ли народы въ мирѣ, или новый вихрь брани возмаетъ лице земли? Послѣдуетъ ли благораствореніе воздуха, или какой-либо Ангелъ смерти придетъ паки одесатствовать грады и веси?—Все это, и великое и малое, и касающееся и цѣлыхъ народовъ и насъ съ тобою, Слушатель, покрыто непрошцаемою завѣсою, запечатано семью печатями.

Почему запечатано? Уже ли не возможно было, чтобы человекъ и будущее зналъ такъ же ясно, какъ настоящее и прошедшее? Но примѣръ многихъ Святыхъ мужей, кои обладали даромъ прозорливости, видѣли будущее, самое отдаленное и случайное, показываетъ противное.—Человекъ могъ имѣть способность провидѣть будущее: но въ настоящемъ состояніи своемъ не могъ имѣть ее безъ вреда для себя; потому и лишенъ ея на-время.

Въ самомъ дѣлѣ, Братіе, какая радость отцу семейства, окруженному веселящимися домочадцами, провидѣть, что предметъ его любви обреченъ въ слѣдующемъ году гробу? Какое утѣшеніе проповѣднику слова Божія заранѣе знать, что всѣ слова его останутся безъ дѣйствія надъ сердцами его слушателей? Какая польза любителю наукъ предвидѣть, что онъ не окончитъ великаго открытія, или начатаго? Явно, что во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ гораздо лучше не знать будущаго.

«Но знаніе буцдаго, скажешь, полезно было бы для правственности людей и спасало бы отъ страстей и грѣховъ, не давая выходить изъ памяти концу нашей жизни». Но, что для этой цѣли нужно знать изъ будущаго, то намъ все открыто, то мы всѣ давно знаемъ. Намъ особенно нужна для сего извѣстность о нашей смерти. И что извѣстнѣе сего? Не знаемъ только, когда умремъ; но это еще болѣе должно производить въ насъ снисходительный страхъ и держать на уздѣ наши страсти. Намъ нужно знать, что будетъ съ нами по смерти: и кто можетъ сказать, чтобы это было неизвѣстно? Рай и Адъ, судъ и награда, открыты въ Евангеліи для всѣхъ и каждого. Не знаемъ только того, что служить предметомъ для любопытства: какъ напр., когда послѣдуетъ кончина міра? Гдѣ именно будетъ судъ? Какъ будутъ жить праведники? Но знаніе сихъ вещей ничего не прибавило бы къ нашему спасенію; а потому и не дано намъ.

Но, посмотрите, что въ замѣнъ того дано всѣмъ! Дапо все настоящее. Явно, что оно важнѣе и прошедшаго и будущаго; ибо отъ него сависитъ то и другое: — и вотъ, что есть самаго важнаго во времени, то Господь времени предоставилъ каждому изъ насъ. Дѣйствуй, какъ хочешь, распоряжай, чѣмъ можешь, какъ угодно, исполняй законъ, или слушай страстей, признавай надъ собою Творца, или отвергай Его Промыслъ, или на небо, или въ адъ: все это въ твоей волѣ, отъ тебя зависить, тебѣ предоставлено. Тутъ само всемогущество Божіе остается какъ бы безъ дѣйствія и нисколько не препятствуетъ. Любовь Божія зоветъ постоянно къ себѣ, дѣйствуетъ въ нашемъ разумѣ и совѣсти, учитъ вышними событиями жизни, вразумляетъ гласомъ Пророковъ и Апостоловъ: но, свобода наша пребываетъ ненарушиною; каждую минуту можемъ обратиться, куда хотимъ, ко Отцу Небесному, или врагу нашего спасенія. И, что еще важнѣе, пользуясь хорошо настоящимъ, мы можемъ благотворно дѣйствовать и на будущее; ибо что съется, то будетъ и пожато; — даже на прошедшее; ибо если хорошо проводится настоящее, то сямъ изглазждается худое прошедшее.

Познаемъ же, Братіе, милость Божію къ намъ и наше преимущество; оставимъ покушеніе прозрѣвать въ будущее, и лучить себя догадками: будемъ пользоваться тѣмъ, что намъ предоставлено, употребляя настоящимъ временемъ какъ должно. Въ награду за сіе мы спокойно будемъ идти навстрѣчу всякому будущему. Принесетъ ли оно намъ счастье? Съ добродѣтелью, мы не ослѣпимся блескомъ его. Принесетъ ли несчастье? При добродѣтели и чистой совѣсти, мы равнодушно перенесемъ его и обратимъ къ вѣчному благу нашей души. Придетъ ли за нами самый Ангелъ смерти? И онъ найдетъ насъ съ горящимъ свѣтильникомъ вѣры и любви. Аминь.

При таковой таинственности собственной нашей жизни, чего необходимо требуется отъ тѣхъ, кои желаютъ видѣть въ своей жизни слѣды Промысла? Требуется во первыхъ постояннаго и строгаго вниманія къ своей жизни и Промыслу Божію; во вторыхъ—вѣроятно и чистаго взгляда на жизнь и на Промыслъ. Это главныя и необходимыя условія: ибо и тотъ, кто мало смотритъ, и тотъ, кто худо смотритъ,—равно или ничего не видятъ, или видятъ весьма мало, или превратно. Сіи-то необходимыя условія чаще всего и остаются безъ исполненія.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько людей, кои совершенно невнимательны къ своей жизни! Подобно безпечнымъ пловцамъ, они довольны, что корабль ихъ жизни плыветъ по бурному потоку времени, не принимая труда знать, какъ онъ перемѣняетъ свое направленіе, какими пользуется вѣтрами, въ какія долженъ заходить пристани,—не угрожаетъ ли ему опасность, нѣтъ ли гдѣ поврежденія. Можно было бы подумать, что сіи люди во всемъ положились на Промыслъ, какъ пловцы полагаются на опытнаго кормчаго, и отъ того такъ безпечны. Нѣтъ, они ни мало не думаютъ о Богѣ, не думаютъ даже и о самихъ себѣ: механическое исполненіе извѣстныхъ дѣлъ, увеселенія, связи, игры—вотъ ихъ занятіе! Примѣръ, привычка, пристрастіе, своеправіе—вотъ ихъ правила! Знаніе по наслышкѣ нѣкоторыхъ истинъ Вѣры, присутствіе, по случаю или необходимости, при совершеніи небольшого числа священныхъ обрядовъ—вотъ ихъ религія! — Судите сами, можно ли ожидать, чтобы такіе люди находили въ своей жизни слѣды Промысла?

Дабы видѣть, что можетъ произвести подобная невнимательность, стоятъ только вспомнить о язычникахъ. Предъ нами, такъ какъ и предъ нами, былъ весь великолѣпный міръ Божій, въ коемъ все возвѣщаетъ о Премудрости Творца. Кромѣ сего Премудрость сія употребляла, по свидѣтельству

И вотъ мракъ разсѣвается! Промыслъ, не зримый въ настоящемъ, открывается въ прошедшемъ; вѣрующій страдалецъ видитъ, что Господь не разъ подвергалъ его великимъ и лютымъ бѣдамъ, но всегда спасалъ отъ нихъ; что чѣмъ горячее бывала чаша искушеній, тѣмъ большею всегда вознаграждалась сладостію; видитъ, — и прошедшею помощію увѣряясь въ будущемъ избавленіи, восклицаетъ: *Господи упованіе мое отъ юности моея; отъ Тебѣ утвердихся отъ утробы, отъ чрева матере моея. Ты еси мой покровитель: о Тебѣ плѣніе мое бышу!* —

Богъ Давидовъ, Братіе, есть вѣсть нашъ Богъ и Господь. И естественная вѣра научаетъ насъ, что Промыслъ управляетъ жизнью каждаго человѣка; а Евангеліе увѣряетъ, что безъ воли Отца Небеснаго не можетъ упасть съ главы нашей ни одного волоса *). Но много ли людей, кои бывъ принуждены, подобно Давиду, обратиться къ прошедшей жизни своей, подобно ему, могли бы находить въ ней утѣшительные слѣды промысла, нѣтъ благодарнаго? Напротивъ, между Христіанами есть немалое число даже такихъ, для коихъ собственная жизнь служитъ источникомъ сомнѣній о Провидѣніи. — Почему же не находятъ многіе въ своей жизни Промысла Божія, когда Онъ, по положному ученію Вѣры и разума, управляетъ жизнью каждаго?

Предметъ сей, Братіе, стоитъ, какъ сами видите, самаго внимательнаго изслѣдованія: ибо, не умѣя находить въ своей жизни слѣдовъ Промысла, мы чрезъ сіе самое лишаемъ себя величайшаго утѣшенія среди страданій, и произвольно подвергаемся унынію, а иногда и отчаянію. И такъ, посвятивъ настоящія минуты на размышленіе о путяхъ Промысла Божія въ жизни человѣческой.

*) Лук. XII, 7.

Пути Божіи, Братіе, вообще таинственны: ибо *отстоятъ отъ путей нашихъ, какъ небо отъ земли* *); по особенно непостижимы пути Промысла о родѣ человѣческомъ. Поеліку человѣкъ созданъ свободнымъ, предназначенъ дѣйствовать самъ по себѣ, то Творецъ Премудрый, чтобъ не нарушить сего преимущества, управляетъ судьбою нашею невидимо и непримѣтно. Съ нами въ сей отношеніи происходитъ тоже, что съ малыми дѣтьми, отъ которыхъ воспитатели скрываютъ иногда свое присутствіе, дабы дать имъ полную свободу дѣйствовать по своей волѣ.

Свойство нашей жизни весьма много благопріятствуетъ такой сокровенности Промысла. Ибо что есть жизнь наша? Это непрестанно развивающійся свитокъ, наполненный множествомъ писменъ, коего одна часть всегда сокрыта. Мы часто не въ состояніи понимать хорошо смысла буквъ, нами же начертанныхъ; тѣмъ менѣе способны замѣчать тѣ, такъ сказать, поправки, кои дѣлаются въ ней невидимою рукою Промысла. Что есть жизнь наша? Это непрестанно увеличивающаяся ткань, въ составъ коей входитъ безчисленное множество разнородныхъ нитей, коей поверхность видна всякому, а основаніе никому. Для насъ трудно опредѣлить, какимъ образомъ снѣ нити, при всей ихъ разнородности, сочетаются въ одинъ составъ; — тѣмъ труднѣе указать, какъ невидимый перстъ Всемирнаго Художника производятъ въ сей ткани новыя изображенія и виды. Что есть жизнь наша? Это совокупность безчисленныхъ и разнородныхъ явленій, кои, подобно одушевленнымъ тѣнямъ, движутся вокругъ нашего сознанія, поражаютъ чувства, занимаютъ воображеніе, пытаются разсудокъ, радуютъ или печалятъ сердце, и вскорѣ исчезаютъ, оставляя слабый слѣдъ въ памяти. Всѣ мы зрители и участники сего зрѣлища; но еще ни одинъ мудрецъ не открылъ, какъ оно происходитъ.

*) Исai. LV, 9.

С Л О В О

на Новый годъ.

Господи упование мое отъ юности моея. Въ Тебѣ утвердихся отъ утробы, отъ чрева матери моея Ты еси мой Покровитель: О Тебѣ плѣне мое вышу.

Псал. LXX, 6.

Святый Давидъ находился нѣкогда въ одномъ изъ тѣхъ злополучныхъ состояній, за кои удостоился быть не только вдохновеннымъ провозвѣстникомъ, но и одушевленнымъ прообразомъ Божественнаго страдальца — Господа Иисуса. Лютые враги (такъ онъ самъ описываетъ свои бѣдствія) окружили его; какъ пчелы сотъ; стрѣлы бѣдствій пропикли до души его; онъ сдѣлался предметомъ поношенія для всѣхъ знаемыхъ; силы его истощались; Самъ Господь, благодѣявшій Давиду, удалился отъ него: — состояніе ужасное!

Но праведникъ не изнемогаетъ! Не находя утѣшенія въ настоящемъ, онъ обращается къ прошедшему; приводитъ себя на память многоразличныя событія, съ нимъ случившіяся; проходитъ мыслію всѣ возрасты своей жизни; восходитъ къ ея началу; ищетъ Господа, отъ Него удалившагося, по всѣмъ слѣдамъ бытія своего.

Апостола, особенныя многоразличныя средства для ихъ вразумленія о себѣ. Однако же язычники не уразумѣли въ твореніи Творца, преклонили колѣна предъ идолами, рекли древу: *ты отецъ мой, и камню: ты мнѣ родилъ еси* *). Если же язычники, отъ невнимательности своей, не обрѣли Бога въ цѣломъ мірѣ: то удивительно ли когда многіе по той же языческой невнимательности не находятъ Его въ своей жизни; ибо что наша жизнь предъ жизнію цѣлою Вселенной?

Въ нѣкоторыхъ людяхъ происходитъ, повидимому, противное, но въ самомъ дѣлѣ тоже: то есть, въ нихъ примѣчается великая внимательность къ своей жизни, но за то недостаетъ вниманія къ Промыслу. Для такихъ людей размышленіе о собственной жизни служитъ любимымъ предметомъ занятія; они не оставляютъ безъ вниманія ни одного случая; вникаютъ въ начала и послѣдствія всѣхъ переменъ, съ ними происходящихъ; изъ всего извлекаютъ правила для своего поведенія; знаютъ искусство жить во всѣхъ его тайнахъ; могутъ рассказать исторію свою отъ самаго младенчества: это ихъ совершенство! Но вотъ и недостатки: они никогда не разсматривали этой исторіи въ отношеніи къ Промыслу Божію, и удивлялись бы, услышавъ, что безъ Него столь же мало можно изъяснить жизнь каждаго человека, какъ и бытіе міра. По мнѣнію сихъ людей, все происходящее съ ними, есть или плодъ ихъ благоразумія, или игра страстей, или дѣло везучести и случая; признаніе невозможности изъяснить что-либо сими причинами для нихъ кажется постыдною слабостію ума. — Судите сами, можно ли ожидать, чтобы и сіи люди, недовѣрчивые и боящіеся Промысла, находили его въ своей жизни?

*) Иерем. II, 27.

Дабы видѣть, что можетъ производить и сія, такъ сказать, внимательная невнимательность къ своей жизни, обратимся опять къ язычникамъ, но ужъ не простымъ, а философамъ. Какихъ трудовъ не поднимали они въ изслѣдованіи природы?— Нѣкоторыхъ изъ нихъ можно назвать мучениками ихъ науки. И однако же были философы (жаль, что для сего нѣтъ другаго имени), кои во всемъ мірѣ видѣли одинъ случай. Отъ чего? Отъ того, что не хотѣли видѣть Провидѣнія, желали обойтись безъ Творца, воображали сами, такъ сказать вселенную. Если же древніе философы по невнимательности къ Промыслу не находили его въ цѣломъ мірѣ: то удивительно ли, что потомки ихъ (правственные), по той же причинѣ, не находятъ его въ своей жизни? — Ибо опять скажемъ, что жизнь наша предъ жизнію Вселенной?

Нѣтъ, не такъ поступали Святые Божіи челоѣки! Мы удивляемся, какъ они на всѣхъ путяхъ жизни своей видѣли Господа, и думаемъ изъяснить сіе тѣмъ, что Промыслъ Божій особеннымъ образомъ участвовалъ въ приключеніяхъ ихъ жизни. Не отвергая и сего, — ибо Самъ Господь называетъ ихъ Своими *присными и друзьями* *), — должно сказать, что Святые челоѣки всѣ были чрезвычайно внимательны къ путямъ Божиимъ. Посмотри на одного Давида! Какъ у Царя, сколько у него заботъ, предпріятій, трудовъ, огорченій! Однако же о чемъ размышляетъ онъ на царственномъ ложѣ своемъ, въ ту пору, когда весь Израиль и вся природа безмолвствуетъ и покоряется? Онъ размышляетъ о судьбахъ правды Божіей, о томъ, какъ Господь взнесъ его отъ стада на престолъ Израильскій. Въ *полнощи востаетъ*, говоритъ онъ къ Богу, *и поведатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея* **). И возстаетъ

*) Іоан. I, 5. Іак. II, 23.

**) Псал. СХVІІІ, 62.

въ полнощи тогда, когда, по его же словамъ, *уже седмерицею днемъ авалилъ Господа* *)! Вотъ примѣръ, коему подражать, вотъ правило, коему послѣдовать должно! Надобно возлюбить пути Господни, и они содѣлаются для насъ приятными. «Дай любящаго, говоритъ Блаженн. Августинъ, и откроется любимый» Если бы мы постоянно наблюдали за своею жизнію, имѣли дѣтское доверіе къ той спасительной истинѣ, что безъ воли Божіей дѣйствительно не падаетъ съ головы нашей ни одного волоса: то сколько разъ, при размышленіи о нашей судьбѣ, тотъ же самый разсудокъ нашъ, который теперь недоумѣваетъ, теряется въ догадкахъ, не знаетъ, что дѣлать, — сколько бы разъ онъ самъ остановилъ наше вниманіе, говоря: «смотри, это рука Божія! Это Она, Всемогущая, отклонила отъ тебя то или другое бѣдствіе, низложила предъ тобою ту или другую преграду, — спасла отъ тѣхъ золъ, кои отяготѣли надъ тысячами подобныхъ тебѣ! Это Она Премудрая провела тебя невредимымъ сквозь столько опасностей и затрудненій, поставила въ такую мѣсть, гдѣ можешь не только самъ быть покоенъ и счастливъ, но и назидать счастье другихъ! Это Она, Всеблагая низпослала тебѣ столько незаслуженныхъ даровъ, вознаградила столько, повидному, невознагражденныхъ потерь, согрѣвала и питала твое младенчество, обуздывала и исправляла юность, благословляла и осыпала мужество».

«Но есть, скажетъ кто-либо, люди весьма внимательные, кои со всѣмъ усердіемъ дѣтей желали бы видѣть и лобызать Отческую десницу Промысла; однако же лишены сего счастья. «Дѣйствительно, Братіе, есть такіе люди; но въ отношеніи къ нимъ существуютъ и другія причины: можно сказать утвердительно, что въ такихъ людяхъ недостаетъ благовременнаго, вѣрнаго и чистаго взгляда на Провидѣніе.

И впервыхъ, когда большею частію обращаются къ путямъ Промысла, и ищутъ въ нихъ утѣшенія? — Когда поражены какимъ-либо бѣдствіемъ, когда ни въ комъ и ни въ чемъ на землѣ не находятъ отрады, когда умъ смущенъ, чувства помячены, сердце подавлено скорбію. То-есть, тѣ минуты, въ которыя не рѣдко забываютъ самихъ себя, которыя почитаются неспособными къ размышленію о вещахъ обыкновенныхъ, тѣ самыя минуты избираютъ для размышленія о путяхъ Промысла! Справедливо, что во время скорби для насъ нужнѣе, нежели когда-либо, утѣшительная утѣренность въ Провидѣніи; но столько же несомнѣнно и то, что мы тогда бываемъ менѣе всего способны идти по слѣдамъ Провидѣнія. Много ли Давидовъ, кои находясь среди огня искушеній, сохранили бы всю вѣру, могли бы оставаться спокойными созерцателями отеческой любви Божіей и тогда, когда она сокрывается подъ видомъ гнѣва и вражды? Святное искусство сіе есть плодъ долговременной опытности; мы не имѣемъ его и между тѣмъ отваживаемся на то, что возможно и полезно для однихъ опытныхъ.

Нѣтъ! заблаговременно должно приучить себя находить утѣшеніе въ Промыслѣ. Когда умъ свѣтелъ, чувства легки, сердце мирно, — тогда надобно размышлять о своей жизни и научиться изъ нея судьбамъ правды Божіей. Таковыя минуты, большею частію, слѣдуютъ за усердною молитвою: посему молитва должна служить, такъ сказать, приступомъ къ снятѣ размышленій. Кто приобрететъ въ семъ святомъ дѣлѣ навыкъ, тотъ, подобно Давиду, не падетъ и среди искушеній. А безъ сего, во время бѣдствій, лучше искать утѣшенія отъ другихъ, нежели полагаться на собственное размышленіе о Богѣ и Его Промыслѣ.

Какимъ еще желаютъ видѣть дѣйствіе Промысла въ своей жизни? Обыкновенно болѣе или менѣе чудеснымъ: все есте-

ственное, простое, всеобщее, предварительно исключаютъ изъ круга сихъ дѣйствій. Какъ будто бы область Провидѣнія небеснаго состояла изъ однихъ чудесъ и чрезвычайностей! Какъ будто бы то, что для насъ кажется необыкновеннымъ и рѣдкимъ, было таковымъ же и для Самаго Бога! Въ семъ случаѣ мы не походимъ сами на себя: обыкновенно мы любимъ все изъяснять, а здѣсь хотимъ видѣть неизъяснимое; мы огорчаемся, если не видимъ причины чего-нибудь, а здѣсь не довольны, что видимъ оную! И что за нужда, — какимъ образомъ оказана намъ помощь: посланъ ли съ неба Ангелъ, или благотворительный человекъ? — довольно, если мы спасены. Израилѣтяне, умиравшіе отъ жажды, ужели бы не должны были благодарить Бога, если бы Онъ, не изводя изъ камня воду, указалъ имъ оную среди камней? Въ птицахъ небесныхъ, въ лиліяхъ полевыхъ все естественно: однако же Спаситель представляетъ ихъ разительнымъ примѣромъ отеческаго попеченія Божія о тваряхъ и человекѣ *).

Нѣтъ, желая видѣть въ своей жизни слѣды сего попеченія, мы должны предварительно освободить себя отъ пристрастія къ чудесному: иначе и о насъ можетъ быть сказано: *родъ лукавъ знаменій ищетъ, и знаменіе не дается ему* **) Подобно онымъ Израильскимъ Старцамъ ***), будемъ довольны, если намъ дано будетъ увидѣть въ приключеніяхъ нашей жизни хотя малые слѣды Бога, намъ благоудѣющаго: а бесѣдовать съ Нимъ лицомъ къ лицу предоставимъ Моисеямъ, Давидамъ. Господь и такъ сотворилъ для всѣхъ насъ много чудесъ: извелъ насъ изъ ничтожества, искупилъ кровію Сына своего, освятилъ Духомъ Святымъ: и за сіи чудеса мы еще

*) Мат. VI, 28.

**) Мат. XII, 39.

***) Исх. XXIV, 10.

ничѣмъ не заплатили. Одно только чудо, коего мы должны ожидать въ жизни отъ Господа, и коего Онъ ожидаетъ, можетъ быть, отъ насъ: это исправленіе нашего сердца, обновленіе нашей жизни, духовное воскресеніе. Вотъ сего чуда, если не найдетъ кто въ своей жизни,—то горе ему, горе!

Въ какихъ еще приключеніяхъ наиболѣе ищутъ слѣдовъ Промысла? Въ счастливыхъ или несчастныхъ? Но что и спрашивать? Несчастія, вообще, представляютъ чѣмъ-то мрачнымъ и ужаснымъ, о чемъ всего лучше не говорить и не мыслить. Много — если почитаютъ ихъ дѣйствіемъ правосудія Божія, наказующаго наши неправды;—а чтобы онъ могли составлять даръ любви Божіей, это не приходитъ и на умъ. Правда, что Отцу Небесному, Который есть самая благодѣтельность, было бы открывать Промыслъ Свой одними благодѣяніями. Но что дѣлать, когда мы всѣ поражены лютымъ недугомъ? Милосердый Врачъ, по самой любви Своей, употребляетъ горькія вещества. Что дѣлать, когда мы своевольно, стремимся часто на собственную погибель? Мудрый Пѣстунъ, по самому усердію къ нашему благу, запиная стопы безразсудныхъ дѣтей, дабы не пали въ бездну. Посмотримъ на Бселепную: въ ней не только солнце, и звѣзды повѣдаютъ слову Божію; но и голодъ и холодъ и огонь и духъ бури *), по замѣчанію Св. Давида, прославляютъ имя Божіе. Тоже и въ нашей жизни: что намъ кажется тяжкимъ, прискорбнымъ, то самое можетъ быть прямымъ дѣйствіемъ Промысла Божія о насъ, орудіемъ славы Его въ насъ и нашего благоденствія. Ахъ Братіе, прошло то время, когда мы всѣ были созданы на одну радость, введены для обитанія въ рай сладости: засѣявши сами тернами путь къ блаженству, мы не должны роптать, если промыслъ ведетъ насъ симъ путемъ;

*) Псал. СХІVІІІ, 8.

слава Ему и благо намъ, если по крайней мѣрѣ, мы не совращаемся съ него. Пусть стопы наши обливаются кровію; это путь нашего Спасителя; онъ ведетъ къ небесному Отечеству. Сердце наше столько огрубѣло, что на немъ не иначе можетъ быть снова начертанъ законъ истины и правды, какъ среди бурь и громовъ *).—Будемъ внимательны къ симъ грознымъ гласамъ, и мы, подобно древнимъ Израильтянамъ, уразумѣемъ въ нихъ гласъ Господа Бога нашего, Бога отцевъ нашихъ, наказующаго насъ вмаѣ, дабы помиловать милостію великою; увидимъ, что несчастные случаи, отъ коихъ нѣкогда стеноло сердце наше, обратились потомъ къ величайшему благу для насъ и для ближнихъ нашихъ,—что исполненіе многихъ желаній, кои мы всѣми силами, но безъ успѣха, старались привести въ дѣйствіе, было бы для насъ зломъ, и повлекло бы за собою пагубныя слѣдствія,—что то самое, о чемъ мы молились, чего просили, падъ чѣмъ трудились напрасно, содержало въ себѣ для насъ погибель, а то, отъ чего мы отвращались, на что смотрѣли, какъ на вредъ и наказаніе, было истиннымъ благословеніемъ, оказавшимся въ перемѣнѣ нашего образа мыслей, въ исправленіи нашего поведенія, увидимъ; — и возблаговѣемъ предъ промысломъ, намъ благодѣвшимъ!

Какимъ еще недостаткамъ подвергаются ищущіе въ своей жизни слѣдовъ Промысла? Большею частію ограничиваютъ дѣйствія его одними собою, а въ себѣ—временными выгодами, тѣлесною жизнію. Какая нужда, что извѣстное бѣдствіе наше было весьма поучительно для другихъ, и нѣкоторые, воспользовавшись нашимъ опытомъ, обратились на путь правый? Если мы сами не ощутили отъ него значительной пользы; то сего достаточно уже, чтобы въ немъ не усматривать промысла. Какое дѣло, что нѣкоторые горестные случаи были

*) Исл. XIX, 16—18.

для души нашей истиннымъ врачевствомъ, раздрави предъ очами нашими завѣсу, за которою сокрывалась наша душевная погибель, возвратили намъ добродѣтель, давно потерянную? Если отъ нихъ разстроилось наше вѣншее состояніе; если урокъ, ими преподаанный, сопряженъ съ ущербомъ нашего здоровья или чести: то случаи сии не отъ Бога, они постигли насъ безъ Промысла. Таковы правила сужденія у нашего самолюбія, у нашего невниманія ко благу ближнихъ, и къ собственному благу души нашей! Ужели и промыслъ Божій долженъ сообразоваться съ ними? Ужели потому, что *око наше лукаво* *), и Ему надобно престать быть благимъ? Нѣтъ, довольно того, что мы все ограничиваемъ собою, не смотримъ на нужды и пользу другихъ, хотѣли бы себя поставить средоточіемъ и концемъ всего рода человеческого и всѣхъ событій въ мірѣ: любовь Божія выше всѣхъ насъ, и потому объемлетъ собою всѣхъ братій нашихъ, чрезъ бдѣствія одного научаетъ другихъ, счастьемъ нѣкоторыхъ награждаетъ всѣхъ, дабы такимъ образомъ снова соединить всѣхъ насъ, кои непрестанно разрываемъ союзъ единства. Довольно того, что мы сами печемся болѣе о тѣлѣ, нежели о душѣ, прилѣпляемся безъ ума къ временному, и не помышляемъ о вѣчномъ: Промыслъ вѣченъ и святъ; и потому во всѣхъ своихъ судьбахъ о насъ имѣетъ въ виду не столько блаженство временное, сколько вѣчное, не столько благоденствіе по тѣлу, сколько благосостояніе по духу. Пусть поражается нашъ вѣншій человекъ, пусть страдаетъ плоть хотя бы такъ, какъ она страдала у Іова: если духъ возмощаетъ, если *внутренній, потаенный сердца человекъ* **) цѣлъ и растетъ; то мы—благоденствуемъ. Вотъ образъ сужденія о насъ Промысла! Какъ бы многое, если не все, представилось намъ въ жизни нашей совершенно инымъ, если бы мы постоянно прилагали къ ней

*) 2 Тим. XX, 13.

) 1 Пет. III, 4.

сей святой образъ сужденія! Сколько бы разъ, рассматривая жизнь нашу, мы принуждены были сказать самимъ себѣ: такъ этому надлежало быть; ибо мы созданы не для земли, а для неба! Такъ, премудрость Божія не должна была попустить сего; ибо она печется не о мнѣ только, но и о всѣхъ!

При столь многихъ причинахъ, препятствующихъ намъ видѣть въ своей жизни слѣды промысла Божія, удивительно ли, Братіе, что многіе не видятъ его? Не видятъ, ибо не знаютъ хорошо своей жизни, не внимательны къ самимъ себѣ;— не видятъ, ибо останавливаются на поверхности событій, не проникаютъ до основанія ихъ, гдѣ сокрыта рука промысла;— не видятъ, ибо хотятъ видѣть тогда, когда взоръ помяченъ, не тамъ, гдѣ должно, не въ томъ видѣ, въ какомъ промыслъ являетъ себя;— не видятъ наконецъ, ибо сужденіемъ о путяхъ промысла управляетъ самолюбіе и страсти. Освободимъ себя, братіе, отъ сихъ недостатковъ, будемъ въ сужденіи о путяхъ Божіихъ неуклонно слѣдовать правиламъ противоположнымъ; и мы вскорѣ узнаемъ, что Господь *не далекъ* *) отъ каждого изъ насъ.

И какъ ему быть далекимъ? Развѣ Онъ не вездѣсущъ? Развѣ Премудрость и Всемогущество Его могутъ гдѣ-либо оставаться безъ дѣйствія? Только языческіе боги были праздными зрителями судьбы человеческой: нашъ Отецъ небесный непрестанно *дѣлаетъ* **). Только Ваалы и Веельфогоры могли спать: нашъ Промыслитель *не воздремлетъ, ниже уснетъ храний Израилья!* ***).—Какъ ему быть далекимъ отъ насъ? Развѣ не Онъ нашъ Творецъ? не Онъ нашъ Отецъ? Такъ ли мы помнимъ Творца, что забываемъ Того, о Коемъ *живемъ, движемся и есмь* ****)? Такъ ли знаемъ Отца, что сомнѣваемся въ его понеченіяхъ о дѣтяхъ? Земные отцы, какъ

*) Дав. XVII, 27. **) Іоан. V, 17. ***) Псал. CXX, 4. ****) Дав. XVII, 28.

.....) Лук. XI, 11.

человѣки, или суще, не даютъ однакоже чадамъ *омѣсто альба камени* *): Отецъ ли небесный сдѣлаетъ сіе?—Тотъ, который изъ камени можетъ воздвигнуть Себѣ чадъ *)?—Какъ ему быть далекимъ отъ насъ, когда онъ иждилъ и иждиваетъ на насъ столько благъ! Чего не далъ онъ намъ въ залогъ Своего попеченія о насъ? Земли? Человѣкъ сначала еще поставленъ царемъ ея. Неба? оно давно обѣщано въ наслѣдіе вѣрнымъ чадамъ. Ангеловъ? Они служатъ нашему спасенію. Будемъ требовать, чего угодно; все получимъ! Нужно ли, чтобы, для утѣренія насъ, сошелъ Онъ Самъ съ неба, жилъ съ нами, даже умеръ за насъ? И это сдѣлано! Сынъ Божій сходилъ съ неба, обиталъ между человѣками и изъ любви къ намъ положилъ за всѣхъ насъ душу Свою. Послѣ сего, кто можетъ сомнѣваться въ попеченіи о себѣ Промысла?

Съ сею вѣрою въ Промыслъ Божій, и съ симъ расположеніемъ видѣть его въ приключеніяхъ своей жизни, желаемъ, Братіе, вступить вамъ во врата поваго года, твердо вѣруя, что Господь Самъ не замедлитъ явить слѣды своего отеческаго промысла тѣмъ изъ насъ, кои, не смѣжая очей своихъ сомнѣніями, будутъ всегда готовы лобызать съ благоговѣніемъ мудрую десницу его, какъ бы она ни обнаруживала своего присутствія, явно или тайно, сообразно ожиданію, или лишеніемъ и ударами вразумляющими. Аминь.

*) Мат. III, 9.

С Л О В О

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ въ недѣлю сыропустную.

Если когда, Братія мои, довѣло бы намъ начать бесѣду съ вами не словами, а воздыханіемъ и слезами, то въ настоящій день; когда Св. Церковь воспоминаетъ и оплакиваетъ злополучное грѣхопаденіе прародителей нашихъ, а въ лицѣ ихъ и всего рода человѣческаго, слѣдовательно—каждаго. Паденіе Адамова!... Когда произносишь слова сін; то, кажется, весь міръ востаетъ противъ тебя: со всѣхъ сторонъ несутся вопли, стоны и упреки; всюду представляются потоки крови и слезъ, нами пролитыхъ; все злое и преступное—въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ—является на лицѣ и требуетъ за себя отвѣта; небо и земля, солнце и звѣзды, растенія и животныя идутъ на судъ противъ тебя и говорятъ: ты лишилъ насъ первобытнаго совершенства!

Въ самомъ вѣдѣ, Братія мои, не это ли злополучное грѣхопаденіе прародителей нашихъ низринуло съ высоты Богоподобія и блаженства и повергло во прахъ и тлѣніе весь родъ члвччскій? Не оно ли помрачило благодѣіе и возмутило порядокъ всея видимой вселенной, измѣнило первоначальное опредѣленіе о насъ Творца, лишило всѣ твари земныя

и сдѣлало наконецъ необходимымъ то, что земля и всѣ, яже на ней, дѣла *) должны нѣкогда сгорѣть, солнце и луна померкнуть, звѣзды, яко листвіе, спасть съ небесе, и самыя силы небесныя подвинуться? **) Не оно ли наконецъ нарушило, въ нѣкоемъ отношеніи, величественный покой седьмого дня для самаго творца, побудило Всемогущаго къ новымъ чудесамъ любви и премудрости и какъ бы къ новому творенію, заставило Сына Божія сойти съ неба на землю, облечься бѣдною плотію человѣческою, претерпѣть уничиженіе и муки, и умереть за насъ на крестѣ? Ужасно было паденіе Ангеловъ:—по грѣхопаденіе челоуѣка, по его злополучнымъ послѣдствіямъ для всего міра, могло быть еще ужаснѣе; если бы въ безднѣхъ премудрости и любви Божіей не обрѣлось средства возставить насъ отъ паденія.

Но, какъ ни злополучно было паденіе въ раю Адама, оно, въ тоже время, есть мое собственное паденіе. Напрасно хотѣлъ бы я разлучиться на сей разъ съ прородителемъ моимъ: союзъ природы связуетъ меня неразрывно.—Напрасно, пришедъ на свѣтъ послѣ многихъ поколѣній, хотѣлъ бы я потому усумниться въ моемъ участіи во грѣхѣ адемскомъ; казнь, мною несомая, постоянно напоминаетъ мнѣ о немъ.

Какая казнь?—Увы, самый вопросъ сей обнаруживаетъ уже крайнюю глубины нашего паденія!... Значить, мы пали въ такую пропасть, что уже не видимъ болѣе той святой и блаженной высоты, на коей поставлены были нѣкогда творческою десницею! такъ вглушены паденіемъ, что не чувствуемъ даже боли, отъ него происшедшей, и не замѣчаемъ той бездны, въ коей находимся.—Какая казнь? А развѣ награда, что всѣ

*) Петр. III 10

**) Матв. XXIV 29.

мы приходимъ на свѣтъ сей самымъ плачевнымъ образомъ: съ воплемъ оставляемъ утробу матернюю, дабы явиться на краткое время на лицѣ земли, и среди воплей расторгаемъ утробу земли, дабы сокрыть въ ней свое тѣніе отъ среды живыхъ?—Какая казнь?—А развѣ награда, что большая часть изъ насъ, созданныхъ по образу Божію и видимо предназначенныхъ къ господству надъ всѣмъ, насъ окружающимъ, принуждены теперь влачить всю жизнь свою въ узахъ рабства духовнаго и тѣлеснаго, бороться непрестанно со всякаго рода нуждами и скорбями, искупать едва не каждый день бытія потомъ и слезами.—Какая казнь?—А развѣ награда, что люди братія терзаютъ нѣрѣдко, какъ тигры, другъ друга, что цѣлыя племена и царства должны непрестанно стоять одно противъ другаго на стражѣ и не звать высшаго искусства, какъ отражать и поражать людей, себѣ подобныхъ?—Какая казнь?—А что въ сердцахъ у каждаго изъ насъ? Непрестанная борьба добра со зломъ, духа съ плотію, ума и совѣсти со страстями; и гдѣ побѣда? Большею частію на сторонѣ грѣха и плоти. *Не еже хочу (доброе), сіе творю: но еже ненавижду (злое), то содѣлываю. Еже хотѣти прилежитъ ми; а еже содѣлати доброе, не обрѣтаю* *) Такъ жалуются на себя самые лучшіе изъ людей:—что же должны сказать худшіе?... увы куда ни обращаюсь, вездѣ вижу слѣды моего паденія: вижу и въ разрушительной для меня борьбѣ бездушныхъ стихій, и въ нѣкоемъ постоянномъ враждованіи противъ меня существъ одушевленныхъ;—вижу и въ грозныхъ явленіяхъ надо мною неба, и безплодіи воздѣлываемой мною земли;—вижу и въ брѣнностяхъ моего тѣла, и въ ограниченности моего ума, и въ ложности моихъ произведеній;—вижу и въ силѣ страстей челоуѣческихъ и въ безсиліи законовъ челоуѣческихъ, и въ недостаткѣ вѣры, и въ избыткѣ сомнѣній:

*) Рим. VII, 151—8.

вижу въ хижинѣ и на престолѣ, у алтаря и плуга, въ минуты радости и печали, на яву и въ самомъ снѣ.... Тяжко, тяжело иго на всѣхъ сытѣхъ, сытѣхъ Адамныхъ! *) ужасна, ужасна работа истлѣнію, отъ коей стонаетъ *вся тварь!* **).

Кто же виною сего? Откуда и какъ возникло зло, облегающее меня и весь міръ со мною? Не у Творца ли моего недостало, быть можетъ, силъ и средствъ создать меня чистымъ и праведнымъ, безсмертнымъ и блаженнымъ? Но одинъ простой взглядъ на необъятность міра, на порядокъ и красоту вселенной уже ясно показываетъ, что десница, меня создавшая, была и всемогуща и всеблага; ибо ею не забыто и снабжено вѣсьмъ нужнымъ самонаимѣнѣе твореніе. А я между тѣмъ томлюсь и страдаю; страдаю такъ, что самъ по себѣ не вижу конца своимъ страданіямъ... Не я ли самъ потому и виною сего? Во мнѣ есть и теперь способность, по коей могу я—усовершенствовать свое состояніе, или превращать его и убить себя. Это моя свобода!... Въ ней-же посему самому, въ ней, должна быть причина и моего бѣдственнаго состоянія на земли. Была нѣкогда, была злополучная минута, съ которую я, злоупотребивъ произволомъ своимъ, разорвалъ нагло первобытный союзъ, соединявшій меня и весь міръ съ источникомъ истинной жизни и блаженства; существовала ужасная минута, въ которую я ринулся безумно съ высоты природныхъ совершенствъ моихъ и увлекъ за собою въ бездну зла тварь, мнѣ подчиненную.

Когда и какъ послѣдовало это несчастное паденіе? — Напрасно сталъ бы я вопрошать о семъ природу, меня окружающую: она въ семъ случаѣ безполвна, какъ поле послѣ сраженія, на немъ происходившаго. Вездѣ видны слѣды пора-

*) Сирах. XI. 1—2.

*) Рим. VIII, 22.

женія; слышны даже отголоски стона и воплей: — но кто и какъ сражался?—неизвѣстно. Одно заключаю изъ всего видимаго въ природѣ,—что это все—бѣдствіе должно произойти и не такъ давно, чтобы совершенно забыть его, и не такъ недавно, чтобы можно было сохранить о немъ ясную память. Обращаясь къ Исторіи и древнѣйшимъ преданіямъ рода человеческого. Тутъ со всѣхъ концовъ вселенныя слышу, что родъ человѣческій былъ не таковъ, какъ видимъ его нынѣ, что на земли не было тѣхъ зомъ и бѣдствій, отъ коихъ страдаетъ теперь все живущее, что настоящій порядокъ, или наче безпорядокъ вещей есть слѣдствіе грѣхопаденія первыхъ людей. Но когда, не довольствуясь симъ, любопытствую знать, какимъ именно образомъ послѣдовало мое паденіе; то нахожу въ древнихъ преданіяхъ столько разнообразія, противурѣчій и мрака, что не знаю, на чемъ остановиться; не вижу, гдѣ конецъ истинному свидѣтельству, и откуда начнется вымыселъ. Одно Боговдохновенное Бытописаніе Моисея, какъ лучезарный свѣтильникъ среди моря, возвышается надъ мутными волнами древнихъ сказаній и тьмою, покрывающею первобытное состояніе рода человеческого. Не смотря на краткость сего бытописанія, въ немъ столько свѣта, что всѣ главные вопросы о происхожденіи зла въ нашъ міръ разрѣшаются изъ него столь же любомудрственно, какъ и благочестиво.

Сію-то священную повѣсть о грѣхопаденіи прародителей нашихъ намѣрены мы, Братія мои, повторить и разсмотрѣть вмѣстѣ съ вами въ наступающіе дни святаго и великаго Поста. Не радостная картина ожидаетъ насъ! И предъ нами, какъ нѣкогда предъ Пророкомъ, раскроется свитокъ, въ коемъ вписано рыданіе, жалость и горе *). Узримъ змѣя съ его ужасною клеветою—пріемлемаго, а Творца и благодѣтеля съ

*) Исая. II, 10.

его святою заповѣдію—отвергнутаго; узримъ праматерь всѣхъ живущихъ, легкомысленно простирающую руку къ плоду за-
прещенному и за сіе осуждаемую въ болѣзняхъ родити чада;
узримъ прародителя нашего, убѣгающаго отъ лица Божія,
слагающаго вину на самаго Создателя и за сіе подвергаемаго
на всю жизнь труда въ потъ лица, съ возвращеніемъ нако-
нецъ въ землю, отъ нея же взять бысть; — узримъ обоихъ
стыдящихся своей наготы, а не грѣха, отъ коего нагота и
смерть, — изгоняемыхъ изъ рая сладости и влачащихъ оста-
токъ бѣдственной жизни среди проклятія всей земли; узримъ
накопецъ Херувима съ пламеннымъ оружіемъ, постановленнаго
у вратъ рая и стерегущаго путь къ древу жизни, навсегда по-
терянному для тѣхъ, кои не умѣли пользоваться плодами его.
Но въ то же время услышимъ ужасный приговоръ и врагу
нашему, увлекшему насъ въ преступленіе, приговоръ—пока-
зывающій, что за насъ есть Отмститель, что мы не безза-
щитны; услышимъ радостотворное обѣтованіе, о сѣмени жены,
имѣющемъ сокрушить главу змія, обѣтованіе, въ коемъ, какъ
въ сѣмени древо, заключена вся тайна нашего спасенія. Та-
кимъ образомъ свитокъ первобытія нашего, хотя въ немъ
вписано рыданіе, жалость и горе, будетъ накопецъ, подобно
свитку Іезекіилеву, сладокъ въ устахъ нашихъ, и можетъ на-
питать насъ пищею нетлѣнною. Ибо ученіе Слова Божія о
падении Адамовомъ, кромѣ того что изъясняетъ намъ тайну
настоящаго бытія нашего на земли, указываетъ начало и при-
чину, ничѣмъ иначе не изъяснимыхъ, бѣдствій и страданій
нашихъ, и тѣмъ самымъ приириетъ насъ съ тяжкою судьбою
своею и удерживаетъ отъ ропота и хулы на Провидѣніе.
Это же ученіе служитъ основаніемъ тому животворному бла-
говѣстію, которое составляетъ сущность Вѣры Христіанской,
то есть, ученію о искупленіи насъ Сыномъ Божиимъ, Который
для того и облечся въ плоть нашу, да побѣдитъ врага на-
шего и упразднитъ всѣ слѣдствія грѣхопаденія адемскаго.
Чтобы возчувствовать въ полной мѣрѣ цѣну сего Божественнаго

искупленія, для сего надобно прежде познать всю великость
золъ, насъ сокрушающихъ. Второй Адамъ, *иже есть Господь
съ небесе *)*, является во всемъ Божественномъ величій не
прежде, какъ первый Адамъ, иже отъ земли, прародитель нашъ,
предстанетъ намъ во всемъ своемъ уничтоженіи и клятвѣ.

Для сего-то, безъ сомнѣнія, и Св. Церковь, общая наша
Матерь и Наставница, нынѣ, предъ самымъ вступленіемъ на-
шимъ во св. Постъ, приводитъ намъ въ память не другое ка-
кое либо событіе, а паденіе Адамово. Симъ самымъ
она какъ бы говоритъ каждому изъ насъ: если ты сынъ
Адамовъ, то кто бы ни былъ, ты существо падшее; тебѣ
нужно возстать изъ бездны, уврачевать все разбитое въ па-
деніи, и начать всходить на прежнюю высоту и совершенство,
посредствомъ таинства покаянія и причащенія животворящаго
тѣла и крови Христовой. Для сей же самой цѣли, — то есть,
чтобы произвести въ насъ сознаніе своего грѣховнаго, беспо-
мощнаго состоянія, и расположить всѣхъ и каждого къ сми-
ренію, вѣрѣ и усердной молитвѣ о помощи свыше,—въ про-
долженіе будущихъ дней поста, Св. Церковь не престанетъ
ежедневно оглашать слухъ нашъ чтеніемъ изъ бытописанія
Моисеева. И такъ, занимаясь избраннымъ нами предметомъ,
мы будемъ идти по слѣдамъ св. Церкви, проповѣдывать то же
самое, что внушается Ею.

Воззовемъ же, братія мои, едиными усты и единымъ серд-
цемъ ко Господу, да внушивъ нѣкогда возлюбленному рабу
своему Моисею—начертать для насъ святую повѣсть о грѣхо-
падении прародителей нашихъ, даруетъ и намъ, недостойнымъ
рабамъ Своимъ, благодать—воспользоваться ею, какъ должно,
уразумѣть изъ ней всю бѣдность нашей падшей природы,

*) 1 Кор. XV, 43.

познать грѣховное окаянство свое, дабы потомъ съ вѣрою смиреніемъ обратиться къ Тому, Кто единъ силѣнъ возставить все падшее, извести насъ, какъ общаетъ св. Церковь, къ первому нашему достоянію съ разтвореніемъ, чего да достигнемъ всѣ мы его—всемощною—благодатию. Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ,

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ.

Востани спяѣ, и воскресни отъ мертвыхъ; и осиятитъ тя Христосъ.

Ев. V, 14.

По милосердію Господа, мы опять у поприща св. поста и покаянія!—Нѣкоторые изъ среды насъ, кои вмѣстѣ съ нами въ прошедшемъ году приступали къ исповѣди и св. Трапезѣ, восхищенные Ангеломъ смерти, стоятъ теперь предъ престоломъ правды Божіей; а мы стоимъ какъ предъ престоломъ милосердія!... За нами, или предъ нами, двери чертога Царскаго уже затворились; а предъ нами еще отверсты!.. Ихъ жребій, можетъ быть, уже рѣшенъ невозвратно; а наши—еще въ собственныхъ рукахъ нашихъ! Возблагодаримъ же Господа, не погубившаго насъ съ беззаконіями нашими, и снова дарующаго намъ всѣ средства къ покаянію!

Какъ и чѣмъ возблагодаримъ?—Неукоснительнымъ и вѣрнымъ употребленіемъ сихъ самыхъ средствъ къ своему спасенію. Говоря такимъ образомъ, мы не предполагаемъ, братіе, чтобы кто-либо изъ васъ проводилъ прежнія св. Четыредесятницы вовсе не по Христіански; тѣмъ паче чтобы кто-либо изъ васъ намѣренно удалялся св. Таинствъ Церкви: — напротивъ мы полагаемъ, что каждый изъ васъ, каждый годъ, притекалъ къ св. Алтарю для принятія отпущенія грѣховъ и для таинственного соединенія съ Господомъ и Спасителемъ своимъ чрезъ причащеніе Тѣла и Крови Его; думаемъ даже, что все сіе каждый разъ не оставалось безплоднымъ для души, и оставляло благотворный слѣдъ во всей вашей жизни.... Но, братіе мои, не смотря на все это, позвольте предложить вамъ нынѣ одинъ вопросъ: столько разъ приходя во врачевницу духовную, толикократно проходя весь курсъ врачеванія сердечнаго, такъ много разъ исходя изъ храма Божія, повидимому, оправданными и исцѣленными, — чувствовали ли вы однако же хотя однажды совершенное здравіе душевное? И, если чувствовали, то долго ли продолжалось сіе драгоценное чувство?...—И здѣсь, мы не предполагаемъ, чтобы вы, послѣ седмицѣвнаго говѣнія и воздержанія, вдругъ сдѣлались совершенно безгрѣшными (это святой уделъ тѣхъ кои уже разрѣшились отъ узы плоти и крови);—но вы должны были послѣ того, быть какъ можно свободнѣе отъ грѣха; въ васъ подобало произойти рѣшительной перемены на лучшее; свѣту Благодати надлежало въ вашей душѣ быть подобно солнцу утреннему, восходить выше и выше, разогнать всѣ облака заблужденій, иссушить всѣ протоки чувственности, чтобы наконецъ прозвѣсть полный день благовѣднія и благочестія. Такъ ли было съ вами?—Замѣчали ли вы въ себѣ, послѣ подвига поста и покаянія, постоянное удаленіе отъ міра и приближеніе къ Богу, ослабленіе и исчезновеніе прежнихъ худыхъ привычекъ, и вступленіе на ихъ мѣсто обычаевъ благихъ и Христіанскихъ?—Не трудно отвѣчать на сей вопросъ, если все это въ васъ происходило и

происходить. Человѣкъ, выздоровѣвшій отъ тяжелой болѣзни, не затруднится сказать: здоровъ ли онъ? Даже начавшій только выздоравливать, тотъ часъ скажетъ, что онъ выздоравливаетъ. А изъ насъ, братіе, не правда ли, что для многихъ весьма трудно отвѣчать на вопросъ: ознакомились ли они духомъ и совѣстью? Многие, напротивъ, припущены съ горестью сознаться, подобно древнимъ Израильтянамъ, что въ нихъ происходитъ противное: *ждахомъ міра, и не бяху благая; времени уорачеванія, и се болѣзнь!* (Іер. 8: 15). Предъ каждымъ пощеніемъ, исповѣдію и причащеніемъ, мы надѣялись получить чрезъ нихъ здравіе душевное, и принимали сіи таинства съ радостію, между тѣмъ, до нынѣ, остаемся тѣ же, что были прежде: души наши хладны къ добру и склонны ко злу; прежнія страсти во всей прежней и, перѣдко, большей силѣ; совѣсть съ тѣми же язвами, сердце съ тою же тяжестію; весь внутренній человѣкъ нашъ еще мертвъ, или крайне разслабленъ. *Ждахомъ міра, и не бяху благая; времени уорачеваніе, и се болѣзнь!..*

Что же значить сіе? *Еда нѣсть ретинны въ Галаадѣ? Или врачъ нѣсть мамор?* Чесо убо ради нѣсть исцѣлена рана дщере людскѣи моихъ? (Іер. 8: 22) вопрошалъ некогда пророкъ, видя продолженіе болѣзненнаго состоянія народа Израильскаго.—Подобнымъ образомъ спросимъ, братіе, васъ и мы, имѣя въ виду, доселѣ продолжающуюся, пенесѣльность душъ вашихъ. *Еда нѣсть ретинны въ нашемъ духовномъ Галаадѣ? Или врачъ нѣсть мамор?* Уже ли, вся немощная, врачующая, мука Божія сократилась, и таинства св. Церкви потеряли всю силу?—Или пастыри Церкви, изрекая вамъ прощенія, изрекали его не отъ сердца? Нѣтъ; прощенное здѣсь, не воспоминается и *тамъ*, если только вы сами не оживите его повтореніемъ прежнихъ грѣховъ.—Или Спаситель, преподавая вамъ Тѣло и Кровь, преподавалъ чуждыя, а не Свои собственныя? Нѣтъ, Онъ не откажется отъ Своего Тѣла и Своей Крови, если

только вы умѣли сохранить сей даръ... Множество людей, подобныхъ вамъ, еще тяжчайшихъ грѣшниковъ, пользуясь сими же самыми средствами, уснѣли омыться отъ всѣхъ нечистотъ грѣховныхъ, уврачеваться совершенно отъ проказы адской, содѣлались святыми, Богоугодными, и теперь приготавлиются въ міръ окончить земное поприще свое, или уже наслаждаются Благодатію помянованія въ царствѣ славы: а вы, братіе, пользуясь столько разъ сими же самыми средствами, остаетесь досель на одрѣ духовной смерти, или влечите жалкіе остатки жизни духовной въ узахъ грѣха!—Что значить сіе?...

Ахъ, братіе, не толи самое, на что жаловался нѣкогда тотъ же Пророкъ, взирая на отчаянное состояніе Вавилона?—Вавилонъ, говорилъ онъ, падаетъ: день суда и казни его близокъ, неизбеженъ. Но кто виновъ?—Вавилону ли не доставало средствъ къ отвращенію отъ дѣла? У него ли не было врачества и обвязаній на рану? И они всѣ употреблены надъ нимъ; но безъ пользы: *врачеваломъ Вавилона, и не исцѣля!* (Іер. 51: 9). Такъ можетъ быть, братіе, и о насъ давно вѣщаютъ предъ престоломъ правды Божіей Ангелы хранители наши: Твоя премудрость, Господи, представила насъ блюсти души и тѣла ихъ, руководить и подкрѣплять ихъ на пути къ небу: Самъ зриши, опущено ли нами что-либо, могущее просвятить ихъ умъ, возбудить и согрѣть ихъ сердце, удержать стопы ихъ на пути къ погибели? Но, что могутъ содѣлать для нихъ всѣ средства ко спасенію, всѣ наши усилія и попеченія, когда они отвергають ихъ съ гордостію, или употребляютъ съ нераденіемъ?—*Врачеваломъ Вавилона, и не исцѣля!* Не исцѣлятъ потому, что возлюбилъ свою грѣховную рану, непрестанно растравляетъ ее новыми беззаконіями, рѣшился жить и умереть во грѣхахъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, какъ употребляемъ мы врачества духовныя, какъ приступаемъ къ самому рѣшительному изъ нихъ—къ исповѣди и Св. Причастію?—приступаемъ почти

всѣ, какъ на обрядъ благочестивый, полезный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а не какъ таинство паки бытія, которое должно переродить насъ совершенно на всю жизнь. А по сему и приступаемъ, хотя съ приготовленіемъ, но поверхностнымъ не проникающимъ до глубины нашего духа, до корня зла, въ насъ живущаго;—пріемлемъ Тѣло и Кровь Христову, хотя съ благоговѣніемъ, но нисколько не помышляя о тѣхъ чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ, коимъ подобаетъ произойти въ насъ; отходимъ отъ престола Благодати съ благими мыслями, но отнюдь не съ твердою рѣшимостію измѣниться въ своей жизни совершенно; кратко: говѣемъ, исповѣдуемся, причецаемся *во оставленіе грѣховъ* прошедшихъ, не думая объ оставленіи Грѣховнаго поведенія въ будущемъ,—*оъ жизнь* благоую, *въчину*, на небѣ, не помышляя о жизни добродѣтельной, во времени, на земли. Можно ли же ожидать рѣшительнаго исцѣленія навсегда, когда вовсе и не думаютъ о селѣ исцѣленія?

Но, такъ поступаютъ еще лучшіе изъ насъ. Что сказать о прочихъ исповѣдникахъ и причастникахъ?—Оставленіе на нѣсколько дней обыкновенныхъ дѣлъ и зачатій, хожденіе въ продолженіи сего времени въ церковь; потомъ нѣсколько минутъ, употребленныхъ на исповѣдь; потомъ нѣсколько минутъ—на причащеніе; за тѣмъ нѣсколько благочестивыхъ мыслей и сердечныхъ вздоховъ,—вотъ все говѣніе, вся жертва Богу!—А потомъ?—Немедленно возвращеніе къ прежнимъ дѣламъ, опять тотъ же родъ жизни, опять прежнія забавы, тѣже грѣховныя утѣхи, то же служеніе страстямъ самымъ постыднымъ: скажите сами, чего ожидать послѣ такого, можно скатать, мимолетнаго говѣнія? Развѣ мимолетныхъ же плодовъ; и они точно бываютъ: нѣсколько животныхъ спасается въ это время отъ закланія, нѣсколько худыхъ привычекъ остается на время безъ удовлетворенія; уста не произносятъ прежнихъ срамныхъ словъ, взоры не блуждаютъ нѣсколько времени по

прелестямъ міра, самое сердце, не подавляемое заботами, начинаетъ биться покойнѣе. Но потомъ зло, на время стѣсненное, еще болѣе раскрывается и свирѣпѣетъ; съ поверхностно покаившимися бываетъ тоже, что съ больными, послѣ превратнаго врачеванія: болѣзнь ожесточается болѣе и болѣе!...

Сами чувствуете, братіе, что я не переначиваю вещей, не увеличиваю вашей вины, а изображаю дѣло, какъ есть. Для чего изображаю?—Для того, что теперь снова открывается курсъ врачеванія духовнаго. Если пойдемъ безразсудно прежнимъ путемъ, то достигнемъ и цѣли прежней, то есть, никакой не достигнемъ. Опять раны совѣсти закроются на время съ тѣмъ, чтобы послѣ раскрыться еще больше; опять сложится тяжесть грѣховъ, чтобы потомъ покинуть подъ нею еще глубже. Что же наконецъ выйдетъ изъ такого образа дѣйствованія?—выйдетъ то, что мы, врачуясь всю жизнь, наконецъ умремъ во грѣхахъ нашихъ. И для иныхъ это несчастіе еще, можетъ быть, не такъ близко: они будутъ имѣть нѣсколько Четырдесятницъ для уврачеванія души своей: а для нѣкоторыхъ *судъ* уже *надписанъ* (Псал. 149: 8) и *судія предъ деснами!* (Іак. 5: 9). Я хочу сказать, братіе, что какъ ни ограничено число насъ, теперь здѣсь находящихся; но, безъ сомнѣнія, есть между нами такіе, для коихъ наступающая Четырдесятница наступаетъ въ послѣдній разъ. Кто сіи, обреченныя жертвы смерти?—Можетъ быть ты, слушатель, наименѣе теперь думающій о семъ, можетъ быть я возвѣщающій тебѣ сію грозную, но спасительную для всѣхъ насъ истину...

Итакъ, братіе, соединимся всѣ нынѣ въ искренномъ желаніи своего спасенія;—вступимъ каждый въ святое поприще покаянія такъ, какъ бы оно отверзалось предъ нимъ въ первый и послѣдній разъ. И оно точно будетъ для насъ

первымъ и послѣднимъ, коль скоро мы въ продолженіи его измѣнимся совершенно и оставимъ навсегда нашу грѣховную жизнь. Ибо, сколько бы кто прежде ни каялся, но если не исцѣлѣетъ доселѣ душою, то онъ исцѣлѣетъ теперь въ первый разъ. А кто получилъ здравіе, тому, если не потеряетъ его, не нужно будетъ получать его въ другой разъ, а только хранить и укрѣплять его.

Господи и Владыко живота моего! Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ! Ты, которой снова отверзъ предъ нами недостойными дверь покоянія! Самъ изведи насъ всемошною десницею Твоею изъ Египта духовнаго рабства и введи въ пустыню св. поста! Что бы ни ожидало насъ въ сей пустынь, мы предаемъ Тебѣ души и сердца наши:—руководи насъ столбомъ облачнымъ, или огненнымъ, питай манною, или напой мерою;—только вводи насъ въ Ханаанъ небесной чистоты и Богоподобія! Аминь.

С Л О В О

во вторникъ 1-я недѣли великаго поста.

Помилуй мя Боже, помилуй мя!

Не кажется ли кому любѣ, братія моя, что св. Церковь, въ продолженіи пастоящихъ дней, слишкомъ часто и многократно оглашаетъ слухъ нашъ симъ воззваніемъ умиленнымъ? — Если бы кому пришла подобная мысль, тотъ пусть приметъ трудъ выѣсть съ нами обозрѣть, хотя мало, всю человеческую жизнь нашу отъ ея начала до конца. Можетъ быть, что кажется теперь слишкомъ многократнымъ въ храмѣ, то самое не будетъ послѣ того казаться излишнимъ и дома, и не только во время поста и покаянія, но и въ другіе дни, среди самыхъ празднествъ, будетъ само собою приходить на мысль и по временамъ исторгаться изъ самыхъ устъ.

Для сего взойдемъ во первыхъ къ самому началу бытія нашего на землѣ. Что тамъ? — яракъ и нечистота, похоть и страсти. Въ беззаконіи зачатъ есть и во грѣсахъ роди мя мати моя, вопіетъ за всѣхъ насъ св. Давидъ. Зачатый въ беззаконіи, я и самъ потому беззаконенъ; рожденный во грѣхѣ, я и самъ потому грѣшникъ. И не сіе ли самое озна-

нач болѣзни моего рожденія? За что страдали и рождающая и рожаемое, если не было впы и нечистоты? Не это ли самое выражалъ и вопль мой при появленіи на свѣтъ? Что вопіяло тогда во мнѣ? Не разумъ, не память, не воображеніе, — вопіяли вся природа моя. Чѣмъ смущалась она и отъ чего страдала? Отъ внутренняго прирожденнаго разстройства, нечистоты и виновности. — Первый вопль мой обращенъ былъ не къ землѣ, а къ небу, — къ Тебѣ, Жизнодавецъ, который образовалъ меня во утробѣ матерней.

Представляя все сіе теперь въ моемъ умѣ, вникая мыслию въ образъ моего явленія на свѣтъ, я и теперь попиаю лицомъ долу, стыжусь нечистоты моего происхожденія, боюсь наслѣдія, мною принесеннаго, и вопію: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Будь милосердъ къ бѣдному созданію, которое явилось на свѣтъ со всѣми нечистотами отцевъ и праотцевъ, которое вмѣсто наслѣдія принесло съ собою ужасную преклонность борьба съ множествомъ скорбей, соблазновъ и искушеній! *Помилуй мя Боже, помилуй мя!*

Во слѣдъ за первымъ рожденіемъ отъ плоти и крови, послѣдовало другое, высшее и лучшее рожденіе отъ Духа. Несмотря на мою нечистоту и безчувственность, меня, тотчасъ по рожденіи, припала въ объятія свои св. Церковь; омыла скверну природы моей въ купели крещенія; освятила благодатію Духа; запечатлѣла знаменіемъ креста; облекла въ бѣлую одежду невинности. Изъ чада гнѣва я сталъ чадомъ Благодати.

Но гдѣ теперь сіе царское облаченіе? Гдѣ дары, на меня изліяныя? Увы, и я, подобно невѣстѣ у Соломона, долженъ сказать: *положиша мя стража съ виноградохъ, и винограда моего не сохранихъ* *)! Не сохранилъ я благодати крещенія, не пребылъ вѣрнымъ тому, кому сочетался! Осквернилъ бѣлую

*) Пѣс. Пѣс. 1—5.

одежду невинности! Потерялъ благодать и Духа! — Одно взялъ міръ; другое похитили страсти; то пропало отъ нерадѣнія и безпечности; весь я подобенъ человѣку, впадшему въ разбойники: отъ ногъ до главы итъ во мнѣ цѣлости. — Къ кому обратиться за помощію, кромѣ Тебя, Всеблагій Творецъ и Всемогушій Промыслитель мой? *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!* — *Заблудихъ, яко овца позбшавъ, възвщи раба твоего!* *) *Изведи изъ темницы душу мою исповѣдаться имени твоему!* **) *Сердце чисто созижди во мнѣ и духъ правъ обнови во утробѣ моей!*

За лѣтами моего неразумнаго младенчества, о коихъ самый первый мудрецъ не можетъ не сказать ко Господу съ Давидомъ: *скотенъ быхъ у Тебе, ***)* наступили лѣта отрочества и юности. Время пандрагоценное, въ которое человѣку, при раскрытіи въ немъ разума и воли, можно сказать, самому дается быть въ некоторомъ смыслѣ творцемъ духовнаго бытія своего. Въ это время и я, подобно Прародителямъ моимъ, находился въ раю невинности, и предо мною было древо жизни съ обѣтованіемъ и древо смерти съ заповѣдію. Могъ я не простирать руки къ плоду запрещенному; властенъ былъ я остаться на пути правды и непорочности. Все удерживало меня: и благодать крещенія, и гласъ совѣсти, и родители, и воспитатели; но, увы, ни что не удержало! И мнѣ змій искушитель представился достовѣриемъ моего Творца и благодѣтеля; и для меня древо смерти показалось добрымъ въ снѣдь, угоднымъ очима, еже видѣти, и красно еже разумѣти; и я, — стонократъ неразумнѣе Прародителей моихъ, ибо илѣлъ ихъ опытъ предъ собою — и я, несчастный, искушилъ дерзостно горкія снѣди, и потерялъ рай.

*) Псал. CXVIII, 176.

**) Псал. CLXI, 8.

***) Псал. LXXII, 22.

Ахъ, братіе мои, кто не пожелалъ бы, чтобы возвратились дни его юности, тѣ драгоценныя дни, когда отъ насъ завистлю вступить на путь Господень, или уклониться на распутіа грѣха и суеты мірской? Но сін дни не возвратятся; и каждому изъ насъ, воспоминаая ихъ, остается точію восклицать изъ глубины души: *помилуй мя Боже, помилуй мя!* *Грѣхъ юности и невѣдѣнія моего не помяни! Помяни же мя ради благости **) единой благости — твоей!

Наступило время мужества и лѣтъ зрѣлыхъ: мы взошли въ различные связи семейства, дружба, знакомства, вступили на путь служенія общественнаго; облеклись различными обязанностями; многіе изъ насъ засвидѣтельствовали клятвою, что они будутъ вѣрными слугами истины, непреклонными хранителями правды для себя и для другихъ. Чего бы надлежало ожидать отъ насъ послѣ сего? Надлежало бы ожидать твердаго и неуклоннаго исполненія своихъ обязанностей, мужественной борьбы съ порокомъ во всѣхъ его видахъ, благоразумнаго употребленія даровъ счастія, кому они посланы, и великодушнаго перенесеніе ударовъ несчастія, кого онѣ постигли; что мы всегда будемъ готовы на всякое дѣло благое, удалены отъ всякой лжи и неправды, будемъ воздержанны и строги къ самимъ себѣ, великодушны и милосердны къ ближнимъ нашимъ, кротки, искренни и любвеобильны ко всѣмъ и каждому, не памятоздобивы къ самимъ врагамъ.

Но, братіе мои, скажите сами, многіе ли могутъ вохвалиться сими качествами? Кто, бросивъ самый поверхностный взоръ на свои обязанности, не скажетъ: ахъ, я не исполнялъ и не исполняю ихъ, какъ должно! При святомъ Алтарѣ — я не престою съ тою чистотою и благоговѣніемъ, кои подобаютъ слугителямъ Бога Вышняго; въ судѣ — я не храню правды и

*) Псал. XXIV,

истины съ тѣмъ самоотверженіемъ, коего требуетъ участь подсудимыхъ собратій моихъ, во святѣлищѣ наукъ—я дорожу не столько истиною, сколько суетною славой моего имени и готовъ перѣдко защищать ложь, для меня пріятную; въ купль и продажѣ—я своекорыстенъ; на господствѣ—жестокъ и своенравенъ, въ низкой долѣ—лукавъ и строптивъ. Сколько времени погибло и гибнетъ у меня напрасно! Сколько данныхъ отъ Бога талантовъ погублено и теряется все! Многократно я рѣшался на доброе, и доселѣ творю худое. Вижу, что иду не тѣмъ путемъ, а иду непрестанно. И когда окончится во мнѣ эта злополучная борьба совѣсти со страстями? Гдѣ конецъ моему душевному плѣну и рабству? Творецъ Всемогущій, къ Тебѣ молитва моя! Промилуй бѣдное созданіе твое! Дай силы расторгнуть узы грѣховныхъ привычекъ и страстей! Отврати очи мои, во еже не видѣти суеты! Коснись грѣхолюбиваго сердца, да престанетъ биться для праха и тлѣнія! *Промилуй мя, Боже, помилуй мя!* Спаси меня отъ меня самаго!

Наступятъ и лѣта старчества: тѣло мое ослабѣетъ, чувства одно за другимъ будутъ закрываться; и лѣстичій теперь міръ самъ начнетъ убѣгать отъ меня. Но и все это обратитъ ли меня къ Богу и вѣчности? Употребится ли мною хотя сей жалкій остатокъ жизни на дѣла благая? Не раздѣлять ли и его между собою тѣже похоти и тѣже страсти? Ахъ, сколько старцевъ, конъ съ лѣтами видимо юпятъ въ злобѣ и любви къ міру! Сколько стоящихъ у дверей гроба и смотрящихъ вснаты! Не буду ли подобенъ имъ и я? Не пройду ли и мои послѣднія годы и дни въ суетѣ и ослѣпленіи, какъ проходятъ у многихъ? Господь Милосердый, не допусти мнѣ впасть въ сіе ужасное ослѣпленіе! Пощади отъ сего адскаго печувствія! *Промилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Въ слѣдъ за немощами, придетъ наконецъ послѣдняя бо-
лезнь; ляжемъ на одръ, съ коего не встанемъ болѣе: врачъ отступится, священникъ приблизится, сродники и присные

окружать одръ нашъ и будутъ ожидать нашей кончины. Въ сей грозный часъ, среди послѣдняго томленія тѣла и духа, среди всеконечнаго смятенія мыслей и чувствъ, какой гласъ желали бы вы, братіе мои, чтобы вышелъ изъ устъ вашихъ?— Мнѣ бы не хотѣлось для себя другаго, кромѣ: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Промилуй грѣшника, коего жизнь исчезла въ суетѣ и грѣхахъ! Яви послѣдній знакъ милосердія и даруй, да изыду изъ темницы плоти моей съ чувствомъ покаявшагося на крестѣ разбойника!

Ударить наконецъ часъ общаго всемірнаго пробужденія отъ сна смертнаго: надобно будетъ вставать изъ утробы земной, облечься въ тѣло новое и неразрушимое, и, въ мѣстѣ съ дѣлами своими, явиться на судъ страшный для услышанія приговора падъ собою на всю вѣчность. Тогда, среди неба и ада, между ангелами и духами отверженными, что будешь чувствовать ты бѣдная душа моя? Не вопіешь ли въ послѣдній разъ: *помилуй мя, Боже, помилуй мя.*

Да, братіе мои, на странищѣхъ всемірнаго судъ Божию, не прежде, конецъ сей покаянной молитвы: она прекратится тогда, какъ предъ лицемъ вселенной на всегда рѣшится судьба каждаго изъ насъ. Послѣ сего уже не будетъ ей мѣста. Въ раю, у праведныхъ останется одна радость и одно вѣчное славословіе имени Божія. Во адѣ, для грѣшниковъ одинъ вопль отчаянія и скрежетъ зубовъ.

Какая изъ сихъ участь ожидаетъ насъ?—Единъ Господь вѣсть; но, если пребудемъ таковыми, каковы есмь; если умремъ во грѣхахъ нашихъ; то явно, гдѣ часть и съ кѣмъ жребій нашъ. Воззовемъ же изъ глубины души всѣмъ и каждый: помилуй насъ, Господи, помилуй насъ! Дажь всемъ намъ прежде конца покаяніе! Аминь.

С Л О В О

ВЪ ПЯТОКЪ ШЕСТЬЯ НЕДѢЛИ ВЕЛ. ПОСТА:

Душеполезную совершивше Четырдесятницу, и святую недѣлю страсти Твоея, просимъ видѣти человеколюбче, еже прославити съ ней величїя твоя и неизреченное насъ дѣла смотрѣніе твое, единомудренно вопіюще: Господи, слава Тебѣ!

День за днемъ, седмица за седмицею, и вотъ прошла уже вся свят. Четырдесятница; хотя инымъ, по непривычкѣ къ воздержанію и посту, она казалась, можетъ быть, безконечною. Постъ еще продолжится одну седмицу: но дни сіи не принадлежатъ уже Четырдесятницѣ; а имѣютъ особенное назначеніе, будучи посвящены на воспоминаніе Страстей Господнихъ. Это какъ глава и крестъ на храмъ. Посему сама св. Церковь останавливаетъ въ настоящій день наше вниманіе, неоднократно возглашая: *душеполезную совершивше четырдесятницу!* Такъ поступаетъ она для того, чтобы мы, достигнувъ конца четырдесятницы, собрались, съ мыслями и разсмотрѣли, достигнута ли въ насъ цѣль св. Поста? Ибо можно, и много сѣвъ, ничего не пожать; можно употребить разныя лекарства, иждить даже, какъ говоритъ Евангеліе о женѣ кровоточивой, все имѣніе врачамъ, и не получить исцѣленія.

И такъ, что теперь съ нами, то есть, съ душою и совѣстію нашею? Чувствуемъ ли въ себѣ какую-либо переѣну благотворную? Можемъ ли сказать съ описанною въ Пѣсн пѣсней невѣстою: *се, зима прїйде, дождь отыде, цвѣты явишася на земли нашей?* (*) Ахъ, мы привыкли называть природу, насъ окружающую, не разумною: но смотрите, какъ всеразумно исполняетъ она свой долгъ и дѣлаетъ свое дѣло! Едва только обратилось къ ней лице лѣтняго солнца, она тотчасъ начала совлекаться, и теперь совершенно совлеклась своей тяжелой зимней одежды: освѣщенная, согрѣтая лучами весенними. Она немедля омылась отъ нечистотъ зимнихъ; отдала сполна всю дань водѣ морю; и теперь, что ни день, то болѣе и болѣе износитъ изъ нѣдръ своихъ все, что прошедшею осенью ввѣрила полямъ и пивамъ рука земледѣльца. Къ Свѣтлому Празднику всюду явится у земли новая праздничная одежда изъ зелени и цвѣтовъ; горы и холмы препояшутся радостію; новый хоръ пернатыхъ возгласитъ новую пѣснь радости и благодаренія Творцу природы. И къ намъ, братіе, мон, съ самаго начала св. Поста, можно сказать, приблизилось духовное солнце, Господь и Спаситель нашъ: ибо не напрасно возглашала тогда Церковь слова Апостола *нынѣ ближайшее къ намъ спсѣніе!* (**) Что же произвело въ насъ это приближеніе къ намъ и это умноженіе вокругъ насъ свѣта и теплоты духовной? Разгаяли ли внутри насъ ледъ безчувствія сердечнаго? Омылись ли мы отъ нечистотъ грѣховныхъ слезами вѣры и покаянія? Готова ли душа наша, подобно землѣ, къ изнесенію плодовъ любви и правды?— Срьтая день Воскресенія Господня, возножемъ ли сказать, что и мы уже не мертвы духомъ, что въ насъ, по благодати Божіей, есть хотя малый начатокъ жизни вѣчной?—Постъ

(*) Пѣс. пѣс. 11, 11.

(**) Рим. XIII, 11.

настоящій для сего иже и предначаетъ. Ибо чего хотѣла св. Церковь, налагая его на насъ? Конечно не того, чтобы сберечь отъ употребленія нѣсколько силъ, или лишитъ насъ извѣстныхъ удовольствій. Нѣтъ, постъ долженъ былъ обуздать нашу чувственность; укротить, а потомъ и умертвить наши страсти; очистить наши мысли и желанія; дать большую свободу духу и совѣсти; пробудить въ насъ печаль по Бозѣ и святую тоску по небесномъ отечеству; приблизить насъ къ небу; очистить, просвѣтить и освятить все существо наше.

По этому самому Четыредесятница и превозглашается душеполезною.—Таковою ли она была для насъ? Что приобрѣли мы отъ толкаго числа чтеній, молитвъ, коленопреклоненій, тѣмъ паче отъ нашей Исповѣди и причастія св. таинъ Христовыхъ? Несъ видомъ суровыхъ приставниковъ истины мы, братіе, мои, отъ вастъ надовъ Поста; а, подобаясь врачамъ, для вашей же пользы хотимъ обратить вниманіе ваше на состояніе души и сердца вашего, ибо легко можетъ быть, что нѣкоторые, и желая спасенія душъ своей, не умѣли воспользоваться поприщемъ великопостнымъ. Это бываетъ, на прим., когда во время поста ограничиваются однимъ воздержаніемъ отъ пищи и питія, однимъ: болѣе или менѣе частымъ, хожденіемъ въ Церковь, однимъ поверхностнымъ исповѣданіемъ своихъ грѣховъ предъ Священникомъ, однимъ исправленіемъ какихъ либо маловажныхъ недостатковъ въ своемъ поведеніи и жизни: тогда какъ для спасенія нашего требуется гораздо большаго,—необходима совершенная переѣна нашихъ плотскихъ мыслей и чувствъ, всецѣлое обновленіе нашего духа и сердца, или, какъ выражается слово Божіе, цѣлое новое рожденіе свыше. Если кто имѣлъ неблагоразуміе остановиться на указанной нами, малоплодной, поверхности благочестія, тотъ да вѣдаетъ, что онъ, и много повидающему дѣлая, еще ничего сдѣлавъ, какъ должно;—что ему надобно трудиться снова, и пачать, такъ сказать, сначала. То есть, что сдѣлать? —

Углубиться въ свое сердце и совѣсть. убѣдиться, что, безъ освященія свыше, корень всѣхъ его дѣйствій, даже благихъ, есть самолюбіе, а не святая и истинная любовь къ Богу и ближнему,—что все, произрастающее отъ сего корня, есть нечисто предъ очами Божіими и недостойно царствія небеснаго, должно познать сіе и молить Господа, да Самъ изведетъ его изъ плѣна страстей и злыхъ навыковъ, да Самъ соизидетъ въ немъ сердце чисто и даруетъ ему духъ сокрушенъ, то сердце, изъ коего сами собою явятся во истину благія мысли и дѣянія, тотъ духъ который одинъ можетъ быть пріятелемъ даровъ благодатныхъ и обителемъ въ насъ духа Божія.

Но какъ же сдѣлать все это, спроситъ кто либо, когда уже миновалась святая Четыредесятница и пропущено время, самое удобное къ тому?—Точно время Поста есть весьма удобное къ сему важному дѣлу; но наступающіе дни страданій Господнихъ, можно сказать, еще удобнѣе. Какъ на срединѣ земнаго шара подъ равноденственною линіею, или такъ называемымъ, экваторомъ, солнце дѣйствуетъ такъ сильно, что въ одинъ день выраститъ болѣе, нежели у насъ въ недѣлю: такъ тоже самое можно сказать и о наступающихъ дняхъ страстей Христовыхъ. Это нашъ духовный экваторъ: тутъ сосредоточены всѣ лучи духовнаго солнца. Не было бы только недостатка съ нашей стороны въ слезахъ истиннаго покаянія, а то въ часъ и минуту можетъ произойти съ душою и сердцемъ нашимъ то, чего въ другое время трудно ожидать отъ цѣлыхъ седмицъ и мѣсяцевъ.

И такъ, да не теряетъ надежды никто! Да соберутся подъ знамя вѣры и креста всѣ отсталые! Да возвратятся къ своему мѣсту самые блгуцы! На Голгофѣ всѣмъ вѣрующимъ доступъ; всѣмъ кающимся—прощеніе; всѣмъ, любящимъ во истину—жизнь вѣчная! Аминь.

С Л О В О

ВЪ ВЕЛИКУЮ СУББОТУ.

Не знаемъ братіе куда ваши мысли склоняются отъ сей Плащаницы, а наши—къ нашему собственному гробу. И наша жизнь, дунается намъ, такъ пройдетъ, какъ прошла теперь Четыредесятница; и для каждаго изъ насъ наступитъ потомъ великій пятокъ смерти; а за симъ великая суббота успокоенія въ пѣдрахъ земли,—великая—по самому продолженію ея для насъ. Ибо, Господь низшелъ во гробъ токмо на три дня; а намъ долго, долго надобно будетъ оставаться подъ землею. Размышленіе о семъ такъ полезно для души нашей, что иные изъ добрыхъ Христіанъ почитаютъ за долгъ имѣть у себя на готовѣ и на виду свои гробы; а мы, по крайней мѣрѣ, въ настоящій день пренесемъ мыслию къ нашему гробу, и посмотримъ, что будетъ тогда съ нами.

На нашу главу, когда мы будемъ лежать во гробѣ, возложить вѣнецъ; ибо Церковь не лишаетъ самага послѣдняго изъ сыновъ своихъ сего знака окончанія подвиговъ земныхъ. Изъ чего бы вы хотели, чтобы составился для васъ вѣнецъ

сей? Изъ розъ и кленовъ райскихъ? Пусть украшаются ими достойные! Что касается до насъ, то лучше, чтобы этотъ вѣнецъ, подобно вѣнцу Спасителя, соплетень былъ изъ терновъ, то есть, изъ скорбей и лишеній, кои понесены во имя Его. Доколѣ мы ходимъ во плоти, эти терны противны нашему внѣшнему челоѣку, ибо бодутъ главу его: а въ часъ смерти—это наилучшее украшеніе для души! По симъ священнымъ тернамъ на главѣ, Ангелы божіи всего скорѣ признаютъ насъ, за истинныхъ послѣдователей Распятаго, и отверзнутъ намъ рай, стѣжанный крестомъ Его.

Будутъ, вѣроятно, на насъ во гробѣ нашемъ и язвы если бы онѣ происходили не отъ одной руки врача, и не отъ свирѣпости токмо болѣзни! Если бы между сими рапами нашлось хотя нѣсколько изъ тѣхъ язвъ, коими хвалился нѣкогда св. Павелъ, говоря: *азъ язвы Господа Іисуса на тѣлѣ моемъ ношу* *) Увы, и мы носимъ въ продолженіи нашей жизни многія язвы, и душевныя и тѣлесныя, по ихъ нельзя назвать Господними!—Ибо, кто ихъ возлагаетъ на насъ? Или собственная наша плоть съ ея страстями и неводержаніемъ; или мѣръ—за наше раболѣпство его безумнымъ правиламъ и прихотямъ. Не съ такими язвами являться предъ Господа! Ихъ должно врачевать покаяніемъ, доколѣ есмы на земли живыхъ.

Явятся, вѣроятно, и при нашемъ гробѣ какой либо Іосифъ съ Никодимомъ для возданія намъ долга послѣдняго. Кто бы ни были они, да покажутъ свое усердіе къ намъ и да почтутъ память нашу не множество ароматовъ, не напрасными издержками на украшеніе гроба и могилы нашей, а усугубленіемъ о грѣхахъ нашихъ молитвъ Церкви и дѣлъ благотворенія. Ибо, что пользы для души въ пышности убранствъ надгробныхъ? Предъ Престоломъ Судіи Всевидящаго для ней нужны будутъ не тѣнный покровъ изъ золота и серебра, коимъ покрываются

гробы, а драгоценная риза заслугъ Христовыхъ, единая могущая прикрыть наготу духовную.

Наконецъ и нашъ гробъ, подобно гробу Спасителя нашего, будетъ запечатанъ печатью. Благодареніе Господу, что это уже печать не Каиафы, а матери нашей, св. Церкви! Но чтобы сія священная печать ея имѣла надъ нами всю силу, и могла хранить прахъ нашъ не приступнымъ для духовъ злобы поднебесной, для сего требуется, чтобы мы въ продолженіи жизни сохраняли не рушимую ту печать освященія, кою она же св. Церковь запечатала насъ при купели крещенія, и чтобы поступали во всея, какъ истинныя и вѣрныя чада Ея. А, если мы будемъ Христіанами только по имени, небрежа о исполненіи святыхъ уставовъ Церкви; если въ насъ не будетъ внутренняго духовнаго союза, родственнаго подобія единого духа съ сею нашею Матерію: то и святая печать ея не будетъ имѣть силы надъ гробомъ нашимъ; спадетъ съ него, какъ спадаютъ печати съ вѣщей, немогущихъ держать ихъ на себѣ.

Таковы, братіе мои, мысли, съ коими стояли мы утромъ надъ сею плащаницею, воспѣвая пѣсни исходныя Звѣздителю нашего спасенія. Кто хочетъ, пусть раздѣлитъ ихъ съ нами, и продолжитъ ихъ для себя. У гроба Спасителя, послѣ Его смерти, ни о чемъ такъ ближе и приличнѣе нельзя помышлять, какъ о концѣ собственнаго житія на земли. Аминь.

С Л О В О

ВЪ СРЕДУ ПЯТЫЯ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

*Господи и Владыко живота моего, духъ любви даруй ми,
рабу твоему!*

Даруй; ибо аще языки человеческими глаголю и Ангельскими, любое же не имамъ, быхъ яко мѣдь звѣнящи или кимвалъ звѣщай.—

Даруй; ибо аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны сян и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы престоавляти, любое же не имамъ, ничтоже есмь!

Даруй; ибо аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во елсе сжещи е, любое же не имамъ, ни каа польза ми естъ ().*

(*) 1 Кор. XIII, 1—3.

Такъ высоко цѣнить даръ любви св. Апостолъ Павелъ, у коего заимствовали мы слова сн. Онъ называетъ ее союзомъ или совокупностію всѣхъ совершенствъ; ставитъ ее не только превыше пророчествъ, дара языковъ и знаій, но и выше самой вѣры и надежды: *Больши же сиѣхъ любви*. Иначе и нельзя цѣнить сію добродѣтель; ибо самъ Господь Богъ нашъ, по свидѣтельству св. Евангелиста, *любви есть*, и только *пресъбывай въ любви, въ Бозе пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (*)

Но что это за любовь, такъ высоко цѣнимая? Очевидно не та, что господствуетъ въ мірѣ; ибо и міръ исполненъ любовію, по какою? *Все, еже въ мірѣ, говоритъ тотъ же Апостолъ, есть похоть плотская, похоть очесю и гордость житейская* (**). Сія нечистая любовь не успокоиваетъ, а раздражаетъ, не создаетъ, а превращаетъ; отъ сей любви рушится тишина и благо семействъ; стонутъ веси и грады; льется иногда рѣкою кровь человѣческая. Любовь сія хуже самой ненависти мірской; ибо ненависть заставляетъ быть осторожнымъ и убѣгать свѣей вражнхъ; а любовь плотская заставляетъ добровольно стремиться въ пропасть.

Хотите ли знать свойства чистой любви Христіанской?— Нельзя лучше изобразить ее, какъ она изображена у св. Апостола Павла. *Любы, говоритъ онъ, долготерпѣтъ, милосердствуетъ; любы не завидитъ; любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мститъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ: вся покрываетъ, всему оупречаетъ, вся уповаетъ, ея не гнѣтъ, любы николиже отпадаетъ* (***)

(*) 1 Кор. XII. 4—8.

(**) 1 Иоан. II, 16.

(***) 1 Иоан. IV, 16.

Очевидно такой любви нѣтъ въ мірѣ. Были всѣ мы созданы для сей святой любви и имѣли ее въкогда, но не умѣли сохранить. Пришелъ духъ злобы и возмущалъ адскимъ дыханіемъ своимъ потокъ любви въ нашемъ сердцѣ. Съ тѣхъ поръ мы во враждѣ со всѣмъ міромъ и съ самими собою. Въ самомъ дѣлѣ, что теперь любовь наша? Большею частію сокрытая ненависть. Если мы любимъ самаго Бога; то потому, что Онъ всемогущъ и мы опасаемся впасть въ руки Его правосудія,—подвергнуться Его гнѣву и мукамъ вѣчнымъ. Огните пламень ада; и у многихъ угаснетъ любовь къ самому Богу. Что же это за любовь, которая имѣетъ нужду возгрѣваться отъ пламени адскаго?—Если мы любимъ ближнихъ! то потому, что они служатъ къ нашей пользѣ и удовольствію; потому что видимъ въ нихъ не обходимыя орудія для своего самолюбія, своихъ страстей и прихотей. Въ противномъ случаѣ тотчасъ застываетъ мѣсто отвращеніе и даже ненависть, вражда и преслѣдованіе. Что наконецъ выходитъ изъ любви нашей къ самимъ себѣ, которая повиднму, такъ безпредѣльна и неизмѣнна? То, что мы, работая всю жизнь похотямъ и страстямъ своимъ, погибаемъ наконецъ тѣломъ и душою. Посему—то слово Божіе не находитъ для нашего блага другаго средства, какъ предписать намъ вмѣсто нечистой любви чистую ненависть къ самимъ себѣ. Такова наша любовь!

Кромѣ сего злополучнаго превращенія въ насъ дѣла любви, въ сердцѣ нашемъ есть другое, ужасное зло,—духъ ненависти и злобы. Какъ мы ни скрываемъ этого пришельца изъ бездны, но онъ не рѣдко проглядываетъ во многомъ,—въ явной и тайной гордости, съ кою небрежно презираемъ подобныхъ себѣ и не терпимъ вышнихъ себя,—въ постоянной зависти къ малѣйшему совершенству ближнихъ, особенно когда его нѣтъ въ насъ самихъ,—въ вѣдомомъ злорадствѣ при огорченіяхъ и неудачахъ не только чуждыхъ намъ людей, но самыхъ ближнихъ и друзей нашихъ. Пламень прироченной злобы,

въ насъ гнѣздящійся, хотя сокрывается во глубинѣ духа, подобно огню подземному производить перѣдко ужасные взрывы и потрясенія, отъ коихъ превращаются дома грады и цѣлыя царства. У него есть при томъ, какъ у огня подземнаго, постоянныя отверстія на поверхности устъ нашихъ, въ кои выходитъ чадъ изъ студенца бездны, (*) въ видѣ словъ бранныхъ и зловонныхъ. Выѣстъ съ сплѣт чадомъ извергаются, какъ камни изъ горъ огнедышащихъ, брани и ссоры перѣдко за самыя ничтожныя и пустыя вещи,—распри и несправедливости между такими лицами, кои связаны всѣмъ, что природа и дружба имѣютъ у себя самаго крѣпкаго. Наконецъ какъ огненная лава, текутъ обманы паглые, явные хищничества, жестокости и убійства, особенно въ времена браней и междоусобій.

Взирая съ сей стороны на міръ человѣческій, ощущая вокругъ себя бурное дыханіе злобы и несправедливости, усматривая въ собственномъ сердцѣ пиколнже оскудѣвающій источникъ злобы и лукавства, кто не почувствуетъ нужды возвестить очи къ небу и выѣстъ съ св. Ефремомъ возвать: Господи и Владыко живота моего, духъ любви даруй ми рабу твоему! Даруй, да не увлекусь всемірнымъ потокомъ самолюбія и зависти, да возмогу любить всѣхъ, кого Ты любишь, любить такъ, какъ Ты любишь, не тою мірскою любовію, которая во всемъ ищетъ свои сн, а любовію возлюбленнаго Сына Твоего, которая готова положить душу за братію, тѣмъ паче умѣетъ сносить всѣ недостатки ближняго и оскорбленія, готова прощать и любить самыхъ враговъ своихъ!—

Но ожидая и испрашивая такимъ образомъ огня чистой любви свыше, мы, братіе, и сами не должны оставаться въ бездѣйствіи, а уготовлять души и сердца свои, какъ свѣтиль-

ники, къ тому, чтобы огонь небесный, сошедъ на нихъ отъ Духа Св., могъ удобно воспламенить ихъ. Въ чѣмъ должно состоять сіе приготовленіе? послѣ молитвы, всего болѣе въ размышленіи о любви божіей и о томъ пламенномъ союзѣ, коимъ во Христѣ связаны неразрывно всѣ потомки Адамовы.

Въ самомъ дѣлѣ, отецъ небесный объелетъ своею любовію всѣхъ человѣковъ; Онъ сіяетъ солнце свое равно на праведныя; мы именуемся и хотимъ быть чадами Ему: если именуемся не напрасно, если хотимъ быть чадами не на словахъ токмо, а и на самомъ дѣлѣ; то какъ намъ ненавидѣть, коихъ любить общій Отецъ нашъ?—

Единородный Сынъ Божій, возлюбленный Спаситель нашъ, пришелъ на землю и умеръ для спасенія всѣхъ; любовь Его къ блуднымъ грѣшницамъ не отвергаетъ никого, ни мытаря, ни прелюбодѣвъ; Онъ подалъ прощеніе со Креста самымъ распинателямъ своимъ и молился за нихъ. Мы сознаемъ себя грѣшниками; хотимъ, чтобы грѣхи наши были очищены Его кровію, прикрыты его заслугами: услышится ли наша молитва о семъ, подастся ли намъ прощеніе во грѣхахъ нашихъ; если мы не будемъ подражать великодушію и любви нашего Икупителя, не отпустимъ долговъ ближнимъ нашимъ, кои, въ сравненіи съ нашими долгами, составляютъ такую малость?—

Духъ Св., коимъ знаменовались мы въ кунели крещенія и отъ коего получили обрученіе живота вѣчнаго, положилъ драгоценное, неизгладимое знаменіе свое не на однихъ насъ и не на однихъ тѣхъ, кои любезны намъ, но на всѣхъ и каждымъ; Онъ силенъ изъ Саула содѣлать Павла, изъ мытаря—Евангелиста, изъ разбойника на крестѣ висящаго—последника: будемъ ли мы послѣ сего смотрѣть на кого либо, какъ на отверженнаго? лишать совершенно любви своей того, кто не лишенъ знаменія и любви Духа Святаго?—

И къ чему стремимся мы? къ наслѣдію Царствія небеснаго, въ которое не можетъ вѣйти никакая злоба и ненависть. Посему еслибы кто либо изъ ближнихъ нашихъ и заслуживалъ своею нечистотою нашъ гневъ: то мы не должны питать къ нему ненависти изъ любви къ намъ самимъ, дабы сія ненависть, какъ вещь запрещенная, не помѣшала намъ войти въ царство любви и мира.

Подобными размышленіями братіе, должны мы разогрѣвать хладное сердце свое для любви къ ближнимъ, и такимъ образомъ приготавливать его для пріянія огня любви небесной отъ самаго Духа Св., твердо памятуя, что доколѣ сей огонь не низойдетъ на насъ, душа наша можетъ теплѣть, разгорѣаться, даже дымиться, такъ сказать, любовію; но никогда не произведетъ изъ самой себя чистаго, постояннаго и не угасающаго пламени любви Христовой. Аминь.

С Л О В О

ПРИ ПОСѢЩЕНІИ ПАСТВЫ, СКАЗАННОЕ ВЪ ТОТЕМСКОЙ ПРИГОРОДНЕЙ
ЧТО НА СОЛЕНОМЪ ЗАВОДѢ, ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Добро соль: аще же соль не слана будетъ, чимъ осолится? нивочтоже будетъ къ тому, точию да изыскана будетъ вонь и попираема челоуки. Имъйте соль въ себѣ. (Марк. 9, 50. Мат. 5, 13).

Какъ богата и не изчерпаема сокровищница слова Божія! И какъ легко, Христіанскимъ проповѣдникамъ дѣлать свое дѣло! стоитъ только обращаться къ сей сокровищницѣ и взимать изъ нея, что нужно.

Сами согласитесь, братія, что промыслъ, конимъ постоянно занимаетесь вы здѣсь, не изъ самыхъ обыкновенныхъ занятій и промысловъ.—Мнѣ хотѣлось однако-же преподать вамъ наставленіе, по роду самыхъ, зачатій вашихъ. И вотъ, едва-только я помыслилъ о семъ, какъ представились мнѣ выше-сказанныя слова Спасителя. Сами видите, какъ они близко идутъ къ вашему состоянію, и что въ нихъ содержится богатый урокъ для васъ. Углубимся же въ сей божественный источникъ назиданія, для пріобретенія изъ него соли духовной.

Добро соль. И такъ, само слово Божіе похваляетъ предметъ вашихъ занятій. Обстоятельство не маловажное для васъ, кои проводите надъ солію, можно сказать, всю жизнь вашу.

Хотя никакой предметъ труда не можетъ унижить трудящагося, коль скоро онъ честенъ и полезенъ обществу: однако же лучше, безъ сомнѣнія, для трудящагося, если самый предметъ его вседневныхъ занятій чистъ и здоровъ, тѣмъ паче если и поучителенъ для него. Предметъ вашего труда таковъ именно, по свидѣтельству слова Божія: *Добро соль!* Чемъ добро?—тѣмъ, что это одна изъ самыхъ чистыхъ стихій земныхъ;—тѣмъ, что соль предастъ въ устахъ чловѣка всему вкусу и пріятности;—тѣмъ, наконецъ, что соль есть употребительнѣйшее средство къ сохраненію слабыхъ вещей отъ порчи и тлѣнія. По сему-то соль изъ древле служила у всехъ народовъ символомъ совершенствъ духовныхъ, особенно мудрости, твердости и постоянства, вѣрности и цѣломудрія.— По сему-то, безъ сомнѣнія, когда предписывалось чрезъ Моисея Израильскому народу приносить Господу разныя жертвы: то вмѣнено въ обязанность, чтобы каждая изъ нихъ была осолена солію (Лев. 2, 13). По сему-то, наконецъ, Господь самихъ Апостоловъ своихъ сравнивалъ съ солію: *вы есте соль земли!* (Мат. 5, 13).

Какъ не добро послѣ сего соль? И какъ не добро имѣть ее предъ очами, дабы полюбить тѣ прекрасныя добродѣтели, кои она выражаетъ собою! Вы слышали, какія это добродѣтели: чистота, постоянство и неувѣдчивость. Старайтесь же имѣть ихъ, братія; будьте и въ правахъ и въ жизни чисты какъ соль. Постоянны, какъ соль, благопріятны всѣмъ, какъ соль. Постыдно было бы цѣлый вѣкъ трудиться надъ солію, и между тѣмъ оставаться растлѣннымъ въ своихъ правахъ, быть гнилымъ въ рѣчахъ и словахъ.

Какъ соль получаетъ свои прекрасныя качества? посредствомъ огня; безъ огня не было бы хорошей соли. Замѣтьте сіе, и старайтесь благодушно переносить скорби и лишенія, неизбежныя въ жизни каждаго; это огонь, необходимый для нашего очищенія. Кто пользуется силой огнемъ какъ должно, тотъ самъ становится чистою солію на трапезу Господню.

Добро соль: еще соль обуяетъ, чимъ осолится? ни во что будетъ къ тому, точно да насыпана будетъ соль и попираема чловѣки.

Не смотря на добротность состава своего, соль, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ терять свои прекрасныя качества; становится несоленою и недействительною. Нѣтъ ничего хуже такой обуявшей соли: она рѣшительно неспособна ни къ чему, даже вредитъ той землѣ, на которую ее высыпать. Такъ бываетъ съ солію: такъ бываетъ и съ людьми. Если служители алтара престанутъ учить здраво, священнодѣйствовать со страхомъ Божіимъ; если не будутъ подавать примѣра благой жизни; то что они, какъ не соль обуявшая, и что остается сей соли, какъ быть высыпанною на всеобщее поправленіе? Если начальники и приставники работъ и трудовъ не будутъ оказывать сираведливости въ требованіяхъ и воздаяніяхъ, не будутъ снисходить немощи и нуждамъ трудящихся, не будутъ служить имъ примѣромъ усердія къ Церкви Божіей, воздержанія и кротости; то что они, какъ не соль обуявшая? И куда годна сія соль, какъ не на то, чтобы ее насыпать вонъ и попираеть нагами? И вы, отцы и матери, если младыя дѣти послушаются отъ васъ словъ срамныхъ, посмотрятъ дѣла не подобныхъ; то что вы, какъ не соль обуявшая? Чемъ послѣ сего осолится юному поколѣнію и избыть ранняго растлѣнія правовъ? И что ожидаетъ нѣкогда васъ самихъ, когда вы явитесь предъ Отца небеснаго съ дѣлами возвращенными примѣромъ вашимъ?—*Ни во что же будетъ, точно да изсыплется вонъ въ поправленіе чловѣкомъ.*

Ильйте соль въ себя. Заповѣдь крайне примѣчательная для всякаго, тѣмъ паче для васъ, кои трудитесь постоянно надъ солію. Слышите ли? мало имѣть соль въ себя, подъ своими стопами, и въ своихъ рукахъ; надобно по слову Господа, имѣть соль въ самихъ себѣ. Что эта за соль внутренняя?—Въ тѣлѣ человѣческомъ, какъ въ маломъ мірѣ, находятся всѣ стихіи; есть и соль, какъ не обходная часть цѣлаго. Но сія соль не зависить отъ насъ; нельзя по произволу ни имѣть, ни не имѣть ея; хотя недостатокъ естественной соляности въ тѣлѣ всегда сопровождается его разстройствомъ и болѣзнями. Бываетъ и въ душѣ человѣческой природная соль: это самое выражаемъ мы, когда говоримъ, такой-то человѣкъ съ солію, въ его словахъ много соли; то есть, онъ остръ и уменъ; его слова записловаты и пріятны. Но и такой соли, съ одной стороны, нельзя имѣть, кто не получилъ ея отъ природы; а съ другой—сія соль, какъ показываетъ опытъ, не только не спасаетъ отъ тѣніи, а перѣдко сама производитъ тѣніе духовное, обнаруживаясь въ вольномыслии и шуткахъ зловредныхъ, въ кощунствѣ, пересудахъ и злоречіи.

Какую же соль заповѣдуется намъ имѣть въ самихъ себѣ? Соль благодати, отвѣтствуетъ Ап. Павелъ. Слово *ваше*, говоритъ онъ *да будетъ солію благодати растворено* (Кол. 10 8). Если слово должно быть растворено солію благодати, то и мысль; если умъ, то и душа, Благодать, и только она одна, своимъ дѣйствіемъ, своимъ огнемъ всеочищающимъ, образуетъ въ насъ соль духовную, исправляетъ и содѣлываетъ благопотребною и соль естественную. У человека облагодатствованнаго Духомъ Святымъ все бываетъ растворено солію благодати—мысль и чувство, слово и взглядъ; самый тѣлесный составъ проникнутый сею солію, забываетъ свое тѣліе, какъ показываетъ примѣръ нетѣлесныхъ тѣлесъ Св. Угодниковъ Божіихъ.

Но намъ ли, подумаетъ кто-либо изъ васъ, имѣть въ себѣ такую чудную соль и такую великую благодать? Въ нашемъ ли состояніи думать о такомъ совершенствѣ? А почему бы не только не думать о немъ, но и не имѣть его? Развѣ мы крестились всѣ не Духомъ Святымъ? Развѣ у Него не достанетъ зиждительнаго огня для образованія во всѣхъ насъ соли благодатной! Кто теперь преподобный Θεодосій Тотемскій?—

Другъ Божій, собесѣдникъ и сожитель Ангеловъ, украшеніе Церкви православной и свѣтило страны нашей. Но и онъ жилъ пѣкогда на семь-же мѣстѣ, трудился надъ тѣмъ-же дѣломъ, коимъ занимаетесь вы; подобно вамъ копалъ землю, рубилъ дрова, сидѣлъ у огня день и ночь. Не помышлялъ же ему всѣ сіи, такъ называемые, черныя труды убѣдиться душою своею паче снѣга; не воспрепятствовали же ему сіи грубыя и плотскія занятія—утоичать свой духъ, сдѣлаться сосудомъ благодати, духовною солію земли Тотемской. Какъ онъ могъ совѣстить такой родъ жизни съ такими совершенствами духовными? тѣмъ, что, среди всѣхъ занятій, ограждалъ себя смиреніемъ и страхомъ Божіимъ, тѣмъ, что на все вокругъ себя смотрѣлъ чистыми очами Вѣры и изъ всего умѣлъ извлекать назиданіе и пользу духовную. Чувственная соль, которую обрабатывалъ онъ, непрестанно напоминала ему слова Писанія, понуждала стараться о снисканіи тѣхъ благихъ качествъ, кои выражаетъ собою соль. Сидя у огня, на коемъ варилась соль Θεодосій всегда препосылалъ мыслию къ огню адскому и размышлялъ самъ съ собою такъ: «Если огонь, который разведенъ моими слабыми руками, такъ пестеримъ и ужасенъ то каковъ долженъ быть огонь, возжеженный дѣспницею Вселеннаго для грѣшниковъ? Если въ этомъ нашемъ огнѣ нельзя и полминуты пробыть безъ жестокаго мученія: то каково должно быть мученіе тѣхъ, кои ввержены будутъ въ огонь вѣчный? Такъ размышлялъ самъ съ собою Преподобный, и, страхомъ вѣчныхъ мукъ, спасалъ себя отъ всякаго поползновенія на грѣхъ.

Что мѣшаетъ, братія мои, и вамъ всѣмъ имѣть подобныя мысли, и, просиживая цѣлыя дни и ночи надъ огнемъ, вмѣсто того, чтобъ скучать отъ бездѣйствія, вспоминать объ огнѣ вѣчномъ и, вспоминая, разсматривать себя и свою жизнь— нѣтъ ли въ ней такого, что неминуемо подлежитъ горѣнію въ немъ? Св. Угодникъ Божій для того, конечно, и былъ на вашемъ мѣстѣ, дабы вамъ оставить примѣръ. Подражайте ему; и тогда огонь, почти неугасяемо горящій у васъ, будетъ производить сугубое дѣйствіе: образуя соль въ рукахъ вашихъ, онъ будетъ содѣйствовать къ образованію духовной соли внутри васъ. Аминь.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ОТКРЫТІЯ СВЯТОГОРСКАГО, УСПЕНСКАГО, ОЩЕЖИТЕЛЬ-
НАГО МУЖЕСКАГО МОНАСТЫРЯ, СКАЗАННОЕ ВЪ СВЯТОГОРСКОЙ
ЦЕРКВИ АВГУСТА 15 ДНЯ 1844 ГОДА.

И такъ, пѣнь Святогорскій кончился! Да возрадуются Эзра и Неемія, благоускорившіе его окончаніе! — И такъ Лазарь, не три дня, а семьдесятъ лѣтъ лежавшій во гробѣ, возсталъ; остается только разрѣшить погребальныя пелены и дать ему идти: *) да предстанутъ Марѳа и Марія, и да окажутъ ему сію послѣднюю услугу! Благословенъ Господь, и попустившій прини на сіе мѣсто запустѣнію и не давшій обратиться ему въ то ужасное, вѣчное запустѣніе, конемъ угрожалъ некогда Пророкъ Іерусалиму. Должно благодарить и за прошедшее запустѣніе; ибо явно теперь, что это было запустѣніемъ зимы, среди коего, въ пѣдрахъ земли, тайно предуготовляются цвѣты весенніе и плоды лѣтніе. Велико было искушеніе; но вѣренъ Богъ, иже не попускаетъ искушиться паче, еже можемъ понести: ибо со искушеніемъ сотворено наконецъ и избытіе. **) Теперь и къ сей пустынь

*) Іоанн. XI, 44

**) I Кор. X, 13.

можно со всею полнотою обратить слова Пророка: *да возвеселится пустыня и да цвѣтетъ яко кринь! *)*

Да возвеселится! Ибо все что наводило и могло наводить скорбь, или уже прошло, или пройдетъ скоро, и не только пройдетъ, но и само будетъ причиною къ радости. Таково свойство сердца нашего, что намъ — даже пріятно бываетъ вспоминать о прошедшихъ бѣдствіяхъ, коль скоро они благополучно кончились; тѣмъ паче, если вознаграждены сугубо, какъ того надѣемся и здѣсь. Можетъ быть я отъ радости болѣе, нежели сколько есть; но мнѣ кажется, что вчера, когда мы входили во врата сей обители съ небесною Посѣтителницею, то и рѣка была живѣе, и скала возвышеннѣе, и древа величественнѣе, и все какъ будто еочувствовало нашей радости. Какъ впрочемъ было и не возрадоваться самой неодушевленной природѣ, когда она узрѣла предъ собою изображение чудотворнаго лика Матери Божіей, на который безъ благоговѣнія не могутъ взирать Херувимы и Серафимы? Когда почувствовала, что къ здѣшнему мѣсту приближаются, заключенные въ семь лѣтъ, святые останки великихъ угольниковъ Божіихъ, предъ концы трепещутъ духи злобы? Какъ было не возрадоваться горахъ и юдолямъ здѣшнимъ, когда они, вмѣсто прежняго запустѣнія, какъ становятся мѣстомъ убѣжища для душъ, взыскующихъ горняго отечества, когда среди нихъ водружается обитель благочестія, въ коей выпу будетъ совершаться жертва хвалы и благодаренія Господу?

Но если и для неодушевленныхъ существъ было мѣсто въ торжествѣ нашемъ; то какою радостію должно исполняться нынѣ ваше сердце, Боголюбивые жители окрестныхъ мѣстъ, кои доселѣ съ такимъ сожалѣніемъ взирали на развалины сей обители, и для коихъ (не скроемъ истины) сіи развалины по-

*) Исаіа XXXV, 1.

стоянно составляли нѣкій не несправедливый упрекъ и укоризну. Теперь сіа укоризна отъелется; и вы съ веселіемъ будете восходить на скалу, на которую прежде нельзя было вамъ и воззрѣть безъ смущенія. Я уже не говорю о своихъ мысляхъ и чувствахъ въ настоящій день: ихъ вѣдаетъ Господь, безъ всякихъ заслугъ нашихъ, даровавшій намъ возможность послужить, какъ умѣли, возсозданію и сего святаго мѣста. Почту подобнымъ же молчаніемъ и чувства тѣхъ, кои возревновали святою ревностію о печальной участи святыхъ горъ, и, при первой возможности, поспѣшили изъять ихъ изъ собственнаго удѣла, дабы обратить пакн въ жребій Господень. Таковымъ дѣяніемъ похвала и награда не у насъ, а у Всевышняго. Довольно сказать, что всѣ мы и все вокругъ насъ имѣемъ нынѣ и причину и побужденіе къ радости, и никто и ничто — къ печали.

И такъ, да возвеселится пустыня, бывшая столько лѣтъ и сама унылою, и наводившая уныніе на всѣхъ зрящихъ! О чемъ и о комъ да возвеселится? О Господѣ. Всякая другая радость была бы не по пустынь; всякое другое веселіе снова можетъ обратить ее въ пустыню духовную. Вселіе святыхъ Пустынь — Господь, утѣшеніе ихъ — Духъ Святый, украшеніе ихъ — Крестъ Христовъ. Сею радостію да возвеселится Пустыня; и да распространяетъ сію радость окрестъ себя! Да отучаетъ примроу своимъ отъ шумныхъ и мутныхъ радостей міра, кои веселятъ на время и печалятъ навсегда, кои, угучывая плоть, томятъ душу и изъедаютъ сердце! — Да возвеселится и да цвѣтетъ, яко кринь! Чѣмъ цвѣтетъ? Вѣрою, упованіемъ, смиреніемъ, воздержаніемъ, молитвами, чувствомъ любви и милосердія, благодатными дарами Духа Святаго. Ибо чѣмъ же иначе цвѣсти пустынь? Уже ли мудростію мірскою, которая нѣрѣдко возносится на самый разумъ Божій? Но сіа мудрость и у посвятившихъ себя ей производитъ не цвѣтъ въ лицѣ и крѣпость силъ, а часто доводитъ до гроба, такъ

что приложивший разумъ мірской, по замѣчанію премудраго Соломона, рѣдко не прилагаеть вѣсть съ симъ и болѣзни. *) Уже ли цвѣсти пустынь стяжаніями, сокровищами, златомъ и серебромъ? Но все это и въ міръ ни сколько не помогаетъ человѣку въ день скончанія его — поможетъ ли въ пустынь? Ужели наконецъ цвѣсти пустынь пресыщеніемъ плоти и сластями житейскими? Но спай съ плоть и въ міръ отъ плоти пожинаеть наконецъ одно истлѣніе; **) въ Пустынь ли отъ плотоугодія возрасти петлѣнію и жизни вѣчной? Нѣтъ, обновляемая обитель благочестія, не мудрости человѣческой, не благъ земныхъ, не чести и славы преходящей желаемъ тебѣ въ день паки бытія твоего! Мы возлюбили тебя во Христѣ любовію не земною; по сему и желаемъ тебѣ лучшаго. Оградою твоею да будетъ страхъ Божій и послушаніе Начальникамъ; высокою твоею да будетъ смиреніе и созерцаніе духовное; златомъ и украшеніемъ твоимъ да содѣлается любовь взаимная и духъ нестяжанія; драгоценные перлы твои да составятся изъ молитвъ и слезъ умиленія. Когда сѣи добродѣтели утвердятъ здѣсь жилище свое: тогда всѣ недостатки твои пройдутъ сами собою: тогда не только ближнія веси, но и отдаленныя грады будутъ приходить къ тебѣ за благословеніемъ; тогда самые Ангелы Божіи, нисходя въ дольний міръ нашъ, будутъ съ удовольствіемъ находить среди тебя успокоеніе себѣ.

Сбудутся ли сѣи благожеланія?... Вѣруемъ, что сбудутся. Ибо не напрасно же Матерь Божія съ святыхъ горъ Киевскихъ пришла къ намъ сюда въ дивномъ ликѣ своемъ въ день обновленія сей обители: Она узрѣла здѣсь мѣсто, для нея удобное. Не напрасно вѣсть съ нею — въ честныхъ мощахъ своихъ — посѣщали явиться нынѣ Богоносные Угодники Кие-

*) Еккл. 1 18.

**) Гал. XXVII, 7.

вопечерскіе: они предусмотрѣли здѣсь преемниковъ своихъ въ подвигахъ иноческихъ. Что совершилось вчера, совершилось для того, дабы и васъ, братіе, здѣ вселяющихся, воодушевить святымъ унованіемъ при самомъ началѣ вашихъ подвиговъ, и насъ утѣшить благою надеждою за васъ и за вание усердіе къ мѣсту сему. И почему бы и вамъ и намъ о васъ не имѣть съ ней благой надежды? Откуда пришли вы? Изъ того мѣста, которое славится всюду строгостію житія иноческаго. *) Вы оставили его, подобно Аврааму, оставившему свое отечество, и рѣшились вселиться среди здѣшнихъ развалинъ. Пребудьте же увѣрены, что Господь, поминающій всякую жертву, тѣмъ паче изобилуетъ забытій дѣла вашего и труда любви, юже покажете во имя Его — къ сему святому мѣсту. **) «Если кому изъ васъ остается еще принести въ жертву своег Исаака — послѣднюю привязанность къ чему либо земному и временному: то гдѣ лучше совершить сіе жертвоприношеніе по чину Авраамову, какъ не на сихъ горахъ? Не напрасно гласъ народа нарекъ ихъ святыми. Здѣсь все располагаетъ къ благочестію: текущая у вратъ обители вашей рѣка будетъ ежечасно выражать предъ вами непостоянство и скоротечность всего мірскаго; а стоящая надъ главою вашею скала будетъ изображать предъ вами раба Христова, который вознесшися въ духъ надъ всѣмъ міромъ, нѣвъ законъ Бога посреди чрева своего, — яко гора Сіонъ не подвижится во вѣки. Самый вѣчнозеленѣющій видъ деревьевъ, васъ окружающихъ, будетъ непрестанно приводить вамъ на память слова святаго Давида о праведникѣ: — и листъ его не отпадетъ. и все, елика еще творить, и успѣетъ. ***)

*) Изъ Глинской пустыни, что въ Курской Епархіи.

**) Евр. XVII, 10.

***) Псал. 1, 13.

Но съ вами, братія о Христѣ, мы еще будемъ имѣть случай бесѣдовать, поучать васъ и сами поучаться съ вами и отъ васъ. Надобно воспѣшить сказать что либо въ назиданіе тѣхъ, кои въ такомъ множествѣ собрались нынѣ сюда, почтутъ день сей и раздѣлить радость нашу, и коихъ, можетъ быть, мы никогда не увидимъ болѣе. Не утѣшительно было бы вамъ, боголюбивые посѣтители и гости наши, возвратившись въ дома свои съ такого празднества, не принести съ собою какого либо дара пустыннаго. У насъ самихъ нѣтъ для васъ такого дара: но есть у Того, кто воздвигъ снъ горы, кто повелѣлъ струиться у подножія ихъ сей рѣки, кто населяетъ теперь сію пустыню и творитъ ее духовнымъ прибіжищемъ для градѣвъ и весей. Слышала, что изрѣчено Имъ въ нынѣшнемъ Евангеліи Марѣ? Сказано, *яко едино есть на потребу.* *) Что сказано Марѣ, то сказано всѣмъ намъ: ибо всѣ мы, подобно многозаботливой Марѣ, печемся и молимъ, и къ сожалѣнію, не часть единъ, какъ она, а всю жизнь, о мнѣ; между тѣмъ какъ для всѣхъ насъ существенно велико и важно одно — вѣчное спасеніе душъ нашихъ. Возьмите же, братія мои, снъ драгоценныя слова Спасителя, вмѣсто папутія и дара отъ новой обители, въ дома ваши. Когда возвратитесь къ приснымъ своимъ, и васъ будутъ спрашивать, что вы видѣли здѣсь, скажите, что мы видѣли, *яко едино есть на потребу* человека, и что тѣ, кои оставивъ суету міра, и святили здѣсь себя, на исканіе сего единого, избрали благую часть *яже не отымется отъ нихъ во вѣкъ*. Когда у васъ будутъ любопытствовать, что вы слышали съ сего священнаго мѣста, скажите, что вы слышали, *яко едино есть на потребу*, и что сіе единое состоитъ въ томъ, чтобы спасти душу свою, чтобы сохранить вѣру и совѣсть свою, чтобы приготовиться къ смерти и страшному суду Божію всѣхъ насъ

*) Лук X, 42.

ожидающему, чтобы наконецъ слезами покаянія омыть и дѣлами милосердія убѣлить одежду души своей. А между тѣмъ, братія мои, сорадуясь восстановленію изъ развалинъ древней обители сей, обратите вниманіе на храмъ души вашей и разсмотрите не лежитъ ли и онъ въ развалинахъ, не заросъ ли волчцами и терніемъ, не витаютъ ли въ немъ злобщія птицы и звѣри дикіе. Ибо, что пользы для насъ, если вокругъ насъ все обновится и возстанетъ изъ развалинъ, а мы, своими правами, дѣлами и жизнью, будемъ походить на брошенные всѣми развалины? Что пользы для насъ, если вѣнныя храмы наши заблистають златомъ и привлекутъ на себя взоры всѣхъ, а внутренний храмъ души нашей останется пустынь, безмолвнымъ и непроходимымъ? Посему-то возвращаясь въ дома ваши, обозрите свою жизнь и вникните въ свою совѣсть. Кто найдетъ внутри себя что либо похожее на развалины (а многіе ли не найдутъ, если будутъ искать?), тотъ да возревнуетъ о ихъ восстановленіи! Высочайшій указъ о семъ давно подписанъ небеснымъ Самодержцемъ: остается только каждому привести его надъ собою въ исполненіе! Аминь.

С Л О В О

*произнесенное въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ, 10-го
Апрѣля 1854-го года, въ Великую Субботу, во время бомба-
рдированія въ сей день г. Одессы соединеннымъ флотомъ Англо-
Французскимъ.*

И такъ, вы не рѣшились оставить гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба посятся надъ собственными главами нашими!... Привѣтствуемъ, васъ, возлюбленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и женъ Мүроносицъ, кои такъ же, среди не малыхъ страховъ и опасеній отъ Іудеевъ, погребали учителя и Господа своего. Вы не оставили Его теперь: Опъ, Преблагій, не забудетъ и не оставитъ васъ въ тотъ великій и страшный день, когдауже не слабые перуны человѣческіе будутъ летать по воздуху, а самыя небеса мимоидутъ съ шумомъ, самыя стихіи, сжигаемыя разорятся, а земля и лже на ней дѣла—сгорятъ... *)

Тяжкая година надъ нами, братія! — О градъ нашъ со всею точностію можно сказать теперь словами св. Давида, яко орази наши обышедше обыдоша насъ, яко пчелы сотъ и

*) 2 Петр. III, 10.

разгорѣлася, яко огнь въ терніи *). То самое море, которое доселѣ обыкло приносить намъ прохладу и всѣ выгоды жизни, обратилось теперь въ бездну огнедышущую, изъ коей несутся на насъ молніи и громы.

Но будутъ ли унывать и смущаться безотрадно? Нѣтъ: у живоноснаго гроба Спасителя, для христіанина не страшенъ самый адъ, а это еще развѣ одна слабая тѣнь его. *Аще пойду говорить св. Давидъ, посреди тьмы и сѣни смертныя, не убоюся зла. Почему? Яко Ты, Господи, со мною еси **).* Важно по сему не то, что происходитъ теперь, а то, съ кѣмъ теперь Господь: съ нами, или со врагами нашими. Но, можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои воздвигли брашъ протіву насъ за враговъ креста Христова? Можетъ ли Господь быть съ тѣми, кои, будучи сами христіанами, не удержались сихъ великихъ и священныхъ дней, дерзнули возмутить столь нечестивымъ образомъ смертный покой Спасителя своего во гробъ? — Нѣтъ, если кто со врагами нашими, то развѣ Велиаръ и Магометъ, за темную державу коего они возстали на насъ; а Господь Всеблагій съ нами, кои, аще нечисты и грѣшны есмы, но подвижаемся во славу пресвятаго Имени Его, сражаемся не за наши какія либо выгоды, а за Вѣру православленную, за гробъ Господень и за угнетенныхъ собратій нашихъ по Вѣрѣ.

И смотрите, какъ Господь видимо показалъ, что Она съ нами — противъ враговъ нашихъ! — Они могли напасть на насъ, когда угодно, но напали не въ другое какое либо время, а въ самый день погребенія Господня, какъ бы во свидѣтельство того, что мы ратуемъ именно за крестъ и гробъ Господень. Враги наши, можетъ быть, думали преогорчить этимъ для

*) Псал. CXVII, 12.

**) Псал. XXXI, 4.

насъ свое нападеніе, а въ самомъ дѣлѣ, они уладили снѣ всю его горечь: ибо если уже необходимо страдать; то лучше вмѣстѣ съ Господомъ, у Его животворящаго креста, при его живоносномъ гробѣ. *Аще бо, говоритъ Апостолъ, съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ: аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся**). Въ такомъ случаѣ хотя бы кто изъ насъ лишился нѣтъ самой жизни; то, при живой вѣрѣ въ силу креста Христова, онъ ничего не потеряетъ; ибо и всему будетъ сказано: *днесь со мною будешь съ раи ***)!

А враги наши самымъ нападеніемъ на насъ въ сей день потеряли уже невозвратно многое. Всюду, гдѣ услышать о ихъ нечестіи (а гдѣ не услышать?), изумятся и скажутъ, несчастные, развѣ не могли они, изъ уваженія къ общему для христіанъ знаменію спасенія, отложить на время свою злобу и алчность?—А что возглаголетъ и разсудитъ о нихъ Господь? О, онъ поругаетъ не бываетъ *)! Не желаемъ зла и врагамъ нашимъ; ибо слышали вчера, какъ Господь молился за самыхъ распинателей своихъ: но, памятуя судьбы Божія въ подобныхъ случаяхъ, не можемъ не сказать, что тѣ, кои дерзнули возмутить, такъ пагло, покой Господа своего во гробѣ, едва ли сами сойдутъ съ миромъ въ свои собственные гробы...

Если же Господь съ нами, то чего намъ страшиться? Онъ, Всемогушій, защититъ насъ отъ всякаго зла. И смотрите, день уже преклоняется къ вечеру; у врага начинаютъ уже оскудѣвать оружія; но много ли успѣлъ онъ сдѣлать зла намъ? О плени Господнемъ дерзаемъ увѣрить васъ, что не болѣе сдѣлаетъ намъ зла и до вечера. Ибо Кто съ нами, Тотъ сильнѣе того, кто съ ними: дунѣ пезатмѣ солнца, Веліару и Магомету не побѣдитъ Христа!..

*) 2 Тим. II, II. 12.

**) Лук. XXIII, 43.

***) Галл. VI, 7.

И такъ, облобызавъ снова язвы Спасителя, идите съ миромъ, братія мои, въ домъ свой, и ждите спасенія отъ Господа всегда и вездѣ спасающаго правыхъ сердцемъ. За вѣликою Субботою всегда слѣдуетъ Свѣтлый день Воскресенія: не замедлитъ и за настоящею, сугубо-великою для насъ, субботою послѣдовать сугубо-великое Воскресеніе; —то есть, вмѣстѣ съ воскресеніемъ Господа, и наше избавленіе отъ обышедшихъ насъ золь, а въ послѣдствіи и воскресеніе всего православнаго Востока—изъ гроба четырехвѣковаго рабства мусульманскаго,

А вы, возлюбленные сослужители наши, столь бодрствено доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у креста Христова, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы къ наступающей священно-таинственной ночи все было уготовано по чину церковному, да не речетъ врагъ града нашего, *укрѣпился на него **)! Пусть возлюбленный Женихъ душъ, имѣющій въ полумнощи изыти изъ гроба, яко отъ чертога, найдетъ всѣхъ насъ бдящими и, со свѣтильниками въ рукахъ, готовыми къ прославленію Его воскресшаго, и съ собою вся совокресившаго. Аминь

*) Псал. XII, 5.